

РЭЙ БРЭДБЕРИ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

451 ГРАДУС
ПО
ФАРЕНГЕЙТУ

Москва
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Ray Bradbury
FAHRENHEIT 451

© 1951, 1953, 1967 by Ray Bradbury.
Copyright renewed 1979, 1981, 1995 by Ray Bradbury

Перевод с английского *В. Бабенко*

Оформление серии *А. Дурасова*

Брэдбери, Рэй.

Б89 451° по Фаренгейту / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского В. Бабенко]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — (Подарочные издания).

ISBN 978-5-04-102293-8

Сенсационным было заявление Брэдбери в 2007 году, что «451° по Фаренгейту» понимают неправильно. Эта книга не о правительственной цензуре, это история о том, как телевидение уничтожает интерес к чтению книг.

В начале 1950-х большинство американцев в глаза не видели телевизора, однако Брэдбери предсказал наступление новой эры свободы, достатка и развлечений, когда желание быть счастливым, помноженное на политкорректность, приведет к запрету книг.

«Телевизор говорит вам, о чем надлежит думать, и вколачивает это вам в голову. Он всегда и обязательно прав».

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© **Бабенко В.**, перевод на русский язык,
2019

© **Издание на русском языке, оформление.**
ISBN 978-5-04-102293-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

451⁰ по Фаренгейту¹ — температура, при которой книжные страницы воспламеняются и сгорают дотла...

Эта книга с благодарностью посвящается Дону Конгдону

Если тебе дали разлинованную бумагу, пиши по-своему.

Хуан Рамон Хименес²

---

¹ 233⁰ С. (Здесь и далее — прим. перев.)

² Хименес, Хуан Рамон (1881—1958), испанский поэт, лауреат Нобелевской премии (1956).

Часть первая

ДОМАШНИЙ ОЧАГ И САЛАМАНДРА

Жечь было удовольствием. А особым удовольствием было смотреть, как огонь поедает вещи, наблюдать, как они чернеют и меняются. В кулаках зажат медный наконечник, гигантский питон плюется на мир ядовитым керосином, в висках стучит кровь, и руки кажутся руками поразительного дирижера, управляющего сразу всеми симфониями возжигания и испепеления, чтобы низвергнуть историю и оставить от нее обуглившиеся руины. Шлем с символическим числом 451 крепко сидит на крутом лбу; в глазах оранжевым пламенем полыхает предвкушение того, что сейчас произойдет, он щелкает зажигателем, и весь дом прыгает вверх, пожираемый огнем, который опалает вечернее небо и окрашивает его в красно-желто-черный цвет. Он идет в рое огненных светляков.

Больше всего ему сейчас хочется сделать то, чем он любил забавляться в давние времена: ткнуть в огонь палочку со сладким суфле маршмэллоу, пока книги, хлопая голубиными крыльями страниц, гибнут на крыльце и на газоне перед домом. Пока они в искрящемся вихре взмывают ввысь и уносятся прочь, гонимые черным от пепла ветром.

На лице Монтага играла жесткая ухмылка — она возникает у каждого, кто, опаленный жаром, отшатывается от пламени.

Монтаг знал, что, вернувшись на пожарную станцию, захочет взглянуть в зеркало и подмигнуть себе — комедианту с выкрашенным под негра, словно жженой коркой, лицом. И затем в темноте, уже засыпая, он все еще будет ощущать огненную ухмылку, скованную мускулами щек. Сколько Монтаг себя помнил, она никогда не сходила с его лица.

Он повесил свой черный, с жучьим отливом, шлем и протер его до блеска; затем аккуратно повесил огнеупорную куртку. С наслаждением помылся под душем, после чего, насвистывая, руки в карманах, прошагал по верхнему этажу пожарной станции и бросился в черный провал. В самую последнюю секунду, когда несчастье казалось уже неминуемым, он вытащил руки из карманов, обхватил золотой шест и прервал падение.

Его тело с визгом остановилось, каблуки зависли в дюйме от бетонного пола нижнего этажа.

Выйдя со станции, он прошел по ночной улице к метро, сел в бесшумный пневматический поезд, скользивший по хорошо смазанной трубе подземного тоннеля, а затем упругая волна теплого воздуха выдохнула Монтага на кремовые ступеньки эскалатора, поднимавшиеся к поверхности пригорода.

Продолжая насвистывать, он позволил эскалатору вынести себя в неподвижный ночной воздух. Ни о чем особенном не думая, Монтаг зашагал к повороту. Еще не успев к нему приблизиться, он замедлил шаг, словно откуда ни возьмись поднялся вдруг встречный ветер или кто-то окликнул его по имени.

Уже не в первый раз за последние несколько дней, подходя в звездном свете к повороту тротуара, за которым скрывался его дом, Монтаг испытывал это неясное тревожное чувство. Словно за углом, который ему надо было обогнуть, за миг до его появления кто-то побывал. В воздухе, казалось, царила особенная тишина, будто там, впереди, кто-то ждал Монтага, и всего за какое-то мгновение до встречи этот кто-то обращался в бесшумную тень, с тем чтобы пропустить Монтага сквозь себя. Не исключено, что его ноздри улавливали слабый запах духов, а может быть, кожей лица и тыльной стороны ладоней он имен-

но в этом месте ощущал некое потепление воздуха, ибо невидимка одним своим присутствием мог на пять-шесть градусов поднять температуру окружающей его атмосферы, пусть даже всего на несколько мгновений. Понять, в чем тут дело, было невозможно. Тем не менее, завернув за угол, Монтаг неизменно видел одни лишь белые горящиеся плиты пустынного тротуара, и только однажды ему померещилось, будто чья-то легкая тень, скользнув по газону перед одним из домов, исчезла чуть раньше, чем ему удалось взглядеться или подать голос.

Однако сегодня перед поворотом он так замедлил шаг, что почти остановился. В мыслях своих он был уже за углом, поэтому сумел уловить слабый, еле слышный шепот. Чье-то дыхание? Или всего-навсего напряжение воздуха, вызванное присутствием того, кто тихо стоял там, поджидая его?

Монтаг завернул за угол.

По тротуару, залитому лунным светом, ветер гнал осеннюю листву, и со стороны казалось, будто идущая впереди девушка, не совершая никаких движений, плывет над тротуаром, подхваченная этим ветром вместе с листьями. Чуть наклонив голову, она смотрела, как носки ее туфель прорезают кружащуюся листву. В тонком, молочно-белом лице таилась тихая жадность впечатлений, бросавшая на все вокруг свет неутолимого

любопытства. Взгляд ее был полон нежного недоумения: черные глаза взирали на мир с такой пытливостью, что от них не мог ускользнуть даже малейший жест. Белое платье будто шептало что-то. Монтагу показалось, что он слышит, как в такт шагам покачиваются руки; он даже различил почти неуловимый звук — то был светлый трепет девичьего лица, когда она, обернувшись, увидела, что ее и мужчину, застывшего в ожидании посреди дороги, разделяют всего несколько шагов.

В кронах деревьев над их головами раздавался чудесный звук — словно сухой дождь пронизывал листву. Остановившись, девушка шевельнулась, как бы желая податься назад от удивления, но вместо этого принялась внимательно разглядывать Монтага черными сияющими глазами, будто он только что обратился к ней с какими-то особенно проникновенными словами. Между тем он твердо знал, что его губы произнесли всего-навсего обыкновенное приветствие. Затем, увидев, что девушка, словно замороженная, не может оторвать взгляда от рукава его куртки с изображением саламандры и диска с фениксом на груди, он заговорил снова.

— Конечно же, — сказал Монтаг, — вы наша новая соседка, не правда ли?

— А вы, надо полагать... — она все же сумела отвести глаза от его профессиональных эмблем, — ...пожарный?

Девушка тут же умолкла.

— Как странно вы это сказали.

— Я бы... я бы догадалась об этом и с закрытыми глазами, — медленно произнесла девушка.

— Что, запах керосина? Моя жена вечно жалуется, — рассмеялся он. — Сколько ни мойся, до конца ни за что не выветрится.

— Да, не выветрится, — сказала она с благоговейным ужасом.

Монтаг чувствовал, как девушка кружит вокруг него, вертя во все стороны, и легонько встряхивает, выворачивая все его карманы, ни разу к ним не прикоснувшись.

— Керосин, — сказал он, чтобы молчание не затягивалось еще больше, — для меня это все равно что духи.

— В самом деле?

— Конечно. Что тут такого?

Она задумалась, прежде чем ответить.

— Не знаю. — Девушка обернулась в сторону домов, к которым вел тротуар. — А можно мне пойти с вами? Меня зовут Кларисса Макклеллан.

— Кларисса. Гай Монтаг. Будем знакомы. Присоединяйтесь ко мне. Так поздно, а вы бродите одна. Что вы здесь делаете, хотел бы я знать? И сколько вам лет?

Они пошли вместе по серебристой от лунного света мостовой, обвеваемые прохладно-теплым

воздухом этой ночи, в котором, казалось, реяли тончайшие ароматы свежих абрикосов и земляники. И только оглянувшись вокруг, Монтаг понял, что это попросту невозможно: время года было позднее.

А рядом никого, кроме этой девушки, чье лицо в лунном свете белело, как снег, и он знал, что сейчас она обдумывает, как лучше ответить на заданные им вопросы.

— Ну так вот, — начала Кларисса, — мне семнадцать лет, и я сумасшедшая. Мой дядя уверяет, что и то и другое неразрывно связано. И еще он говорит: если тебя спросят, сколько тебе лет, то всегда отвечай, что тебе семнадцать и ты сумасшедшая. А хорошо гулять ночью, правда? Обожаю смотреть на мир, вдыхать его запахи. Иногда я брожу до самого утра, чтобы встретить восход солнца.

Некоторое время они шагали молча. Потом она задумчиво произнесла:

— Вы знаете, я совсем вас не боюсь.

— Почему, собственно, вы должны меня бояться?— удивился он.

— Но многие же боятся. То есть, я хочу сказать, не вас, а вообще пожарных. Ведь вы просто-напросто обыкновенный человек, в конце-то концов...

В ее глазах он увидел себя, висящего в двух сверкающих капельках ясной воды, темного

и крохотного, но тем не менее различного во всех мельчайших подробностях, вплоть до складок в уголках рта, словно глаза эти были двумя чудесными кусочками фиолетового янтаря, в которых он мог застыть и навсегда сохраниться в целости и сохранности. Обращенное сейчас к нему лицо было хрупким молочно-белым кристаллом, из которого исходило мягкое ровное свечение. Оно не имело ничего общего с истеричным электрическим светом, но с чем же тогда его можно было сравнить? Он понял: с мерцанием свечи, странно успокаивающим и удивительно нежным. Когда-то — он был еще ребенком — у них в доме отключили свет, и матери удалось отыскать последнюю свечу; она зажгла ее, и за этот короткий час совершилось поразительное открытие: пространство потеряло всю свою огромность и уютно сомкнулось вокруг них, вокруг матери и сына, преобразенных и мечтающих лишь о том, чтобы электричество не загоралось как можно дольше...

Неожиданно Кларисса Макклеллан сказала:

— **МОЖНО ЗАДАТЬ ВАМ ВОПРОС? ВЫ ДАВНО РАБОТАЕТЕ ПОЖАРНЫМ?**

— **С ТЕХ ПОР, КАК МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ. ВОТ УЖЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ.**

— **А ВЫ ХОТЬ РАЗ ЧИТАЛИ ТЕ КНИГИ, КОТОРЫЕ СЖИГАЕТЕ?**

ОН РАССМЕЯЛСЯ:

— **НО ЭТО ЖЕ ЗАПРЕЩЕНО ЗАКОНОМ!**

— Да-да, конечно.

— В нашей работе есть свои тонкости. В понедельник сжигаешь По, во вторник — Войнич, в четверг — Честертон, сжигаешь их до пепла, потом сжигаешь пепел. Таков наш официальный девиз.

Они прошли еще немного, и девушка спросила:

— А это правда, что когда-то давно пожарные тушили пожары вместо того, чтобы их разжигать?

— Нет. Дома всегда были огнеупорными, можете мне поверить.

— Странно. Я как-то слышала, что было такое время, когда дома загорались из-за всяких несчастных случаев, и приходилось вызывать пожарных, чтобы остановить пламя.

Он рассмеялся.

Девушка бросила на него быстрый взгляд.

— Почему вы смеетесь?

— Не знаю, — снова засмеялся он и тут же осекся. — А что?

— Вы смеетесь, хотя я не говорю ничего смешного, и отвечаете на все мои вопросы мгновенно. Ни разу даже не задумались над тем, что я спрашиваю.

Монтаг остановился.

— А вы и *на самом деле* очень странная, — произнес он, глядя на Клариссу в упор. — У вас что, вообще нет уважения к собеседнику?

— Я не хотела вас обидеть. Все дело, наверное, в том, что я слишком уж люблю приглядываться к людям.

— А это вам ни о чем не говорит? — Монтаг слегка постучал пальцами по цифрам 4, 5 и 1, вышитым на рукаве его угольно-черной куртки.

— Говорит, — прошептала она в ответ, ускорив шаг. — Вы когда-нибудь бывали на гонках реактивных автомобилей, которые проводятся там, на бульварах?

— Уходите от разговора?

— Иногда мне кажется, что их водители просто не имеют представления о таких вещах, как трава или цветы, потому что никогда не ездят медленно, — произнесла она. — Покажите такому водителю зеленое пятно — и он скажет: «Да, это трава!» Розовое пятно — «Это розарий!». Белые пятна будут домами, коричневые — коровами. Мой дядя как-то раз решил проехать по скоростному шоссе медленно. Он делал не больше сорока миль в час — его тут же арестовали и посадили в тюрьму на двое суток. Смешно, да? Но и грустно.

— Вы чересчур много думаете, — смущенно заметил Монтаг.

— **Я РЕДКО СМОТРЮ «ТЕЛЕСТЕНЫ» В ГОСТИНЫХ, ПОЧТИ НЕ БЫВАЮ НА АВТОГОНКАХ ИЛИ В ПАРКАХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ. ОТТОГО У МЕНЯ И ОСТАЕТСЯ ВРЕМЯ ДЛЯ ВСЕВОЗ-**

МОЖНЫХ БРЕДОВЫХ МЫСЛЕЙ. Вы видели вдоль шоссе за городом двухсотфутовые рекламные щиты? А известно вам, что было время, когда они были длиной всего двадцать футов? Но автомобили стали ездить с бешеной скоростью, и щиты пришлось наращивать, чтобы изображение хотя бы длилось какое-то время.

— Нет, я этого не знал, — хохотнул Монтаг.

— Держу пари, я знаю еще кое-что, чего вы не знаете. Например, что по утрам на траве лежит роса..

Он внезапно понял, что не может вспомнить, представлял ли себе когда-либо что-то подобное или нет, и это привело его в раздражение.

— А если посмотреть вверх... — Кларисса кивнула на небо, — то можно увидеть человечка на луне.

Ему уже давно не случалось туда глядеть.

Оставшуюся часть пути оба проделали в молчании: она — в задумчивом, он — в тягостном; стиснув зубы, он то и дело бросал на девушку укоризненные взгляды.

Когда они подошли к ее дому, все окна были ярко освещены.

— Что здесь происходит? — Монтагу не так уж часто доводилось видеть, чтобы в доме было столь много огней.

— Ничего особенного. **ПРОСТО МАМА, ПАПА И ДЯДЯ СИДЯТ И БЕСЕДУЮТ. СЕЙЧАС ЭТО ТАКАЯ ЖЕ РЕД-**

КОСТЬ, КАК ХОДИТЬ ПЕШКОМ. ДАЖЕ ЕЩЕ РЕЖЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ. Между прочим, мой дядя попал под арест вторично — я вам этого не говорила? За то, что он шел пешком! О, мы весьма странные люди.

— И о чем же вы беседуете?

В ответ девушка рассмеялась.

— Спокойной ночи! — попрощалась она и зашагала к дому. Но потом вдруг остановилась, словно вспомнив о чем-то, и снова подошла к Монтагу, с удивлением и любопытством вглядываясь в его лицо.

— Вы счастливы? — спросила Кларисса.

— Что-что? — воскликнул Монтаг.

Но ее уже не было рядом — она бежала к дому в лунном свете. Парадная дверь тихонько затворилась.

— Счастлив ли я? Что за чушь такая!

Монтаг перестал смеяться.

Он сунул руку в перчаточное отверстие своей парадной двери и дал возможность дому узнать прикосновение хозяина. Двери раздвинулись.

«Конечно, счастлив, как же иначе? — спрашивал он у молчаливых комнат. — А она, значит, думает, что нет?»

В прихожей его взгляд упал на вентиляционную решетку. И Монтаг тут же вспомнил, что за ней хранится. Казалось, спрятанное подглядывает за ним. Он быстро отвел глаза.

Какая странная встреча в эту странную ночь! В жизни не случилось с ним ничего похожего — разве что тогда в парке, год назад, когда он встретил днем одного старика и они неожиданно разговорились...

Монтаг тряхнул головой. Он посмотрел на пустую стену. Там появилось лицо девушки, в памяти оно запечатлелось просто прекрасным, да что там — поразительным.

Лицо было таким тонким, что напоминало циферблат маленьких часов, слабо светящихся в ночной темноте комнаты, когда, проснувшись, хочешь узнать время и обнаруживаешь, что стрелки в точности показывают тебе час, минуту и секунду, и это светлое молчаливое сияние спокойно и уверенно свидетельствует: да, скоро станет еще темнее, но все равно в мире взойдет новое солнце.

— Ну что? — обратился Монтаг к своему второму «я», этому подсознательному идиоту, который по временам вдруг выходил из повиновения и принимался болтать невесть что, вопреки воле, привычке и рассудку.

Он снова посмотрел на стену. До чего же, подумалось, ее лицо напоминает зеркало. Невероятно! Ну многих ли ты еще знаешь, кто вот так же мог бы возвращать тебе твой собственный свет? В общем-то люди скорее похожи... — он замешкался в поисках подходящего сравнения

и нашел его в своей профессии, — ...похожи на факелы, которые полыхают до тех пор, пока их не потушат. И крайне редко на лице другого случается увидеть отображение твоего же лица, печать твоей собственной сокровенной, трепетной мысли!

До чего же потрясающая сила проникновения в людскую душу у этой девушки! Она смотрела на него, как смотрит зачарованный зритель в театре марионеток, словно предвосхищая каждый взмах его ресниц, каждый жест руки, каждое шевеление пальцев.

Сколько времени они шли вместе? Три минуты? Пять? Но каким же долгим казался этот срок теперь. Каким величественным персонажем она казалась на сцене перед ним, какую гигантскую тень отбрасывала на стену ее изящная фигурка! Монтэг чувствовал: стоит его глазу зачесаться — она моргнет. А если исподволь станут растягиваться мускулы его лица — она зевнет задолго до того, как это сделает он сам.

Слушайте, подумалось ему, ведь если здраво рассудить о нашей встрече, так ведь она почти что ждала меня там, на улице, да еще в такой чертовски поздний час...

Он открыл дверь спальни.

И тут же словно попал в холодный мраморный зал мавзолея после того, как зашла луна. Тьма

была непроницаемой: ни намека на серебряный простор снаружи, все окна плотно зашторены, комната была кладбищенским мирком, в который не проникало ни единого звука большого города. Но спальня не была пустой.

Монтаг прислушался.

Едва различимый комариный звон танцевал в воздухе, электрическое жужжание осы, затаившейся в своем укромном, теплом розовом гнездышке. Музыка звучала достаточно громко, он мог даже разобрать мелодию.

Монтаг ощутил, как улыбка соскользнула с его лица, свернулась и отпала, словно жировая пленка, стекла, как капли воска с фантастической свечи, которая горела слишком долго и, скособочившись, погасла. Темнота. **«НЕТ, – СКАЗАЛ ОН САМОМУ СЕБЕ, – Я НЕ СЧАСТЛИВ. НЕ СЧАСТЛИВ...» ЭТО БЫЛО ПРАВДОЙ, И ОН ДОЛЖЕН ЕЕ ПРИЗНАТЬ.** Свое счастье он носил как маску, но девушка схватила ее и умчалась по газону, и теперь уж невозможно постучаться в двери ее дома и попросить эту маску назад.

Не зажигая света, он постарался представить себе, как будет выглядеть комната. Его жена, распростершаяся на кровати, холодная, не укрытая одеялом, как труп, вываленный на крышку могилы, застывшие глаза прикованы к потолку, будто соединены с ним незримыми стальными нитями. А в ушах — маленькие «ра-

кушки», крохотные, не больше наперстка, плотно сидящие радиоприемники, и электронный океан звуков — музыка, разговоры, музыка, разговоры, — волны которого накатываются и отступают и снова накатываются на берега ее бодрствующего сознания. Нет, комната все-таки пуста. Каждую ночь в нее врываются эти волны звуков, чтобы подхватить Милдред, унести в самый центр океана, туда, где несут свои воды великие течения, и качать там ее, лежащую с широко открытыми глазами, до самого утра. За последние два года не было ни единой ночи, когда бы она не купалась в этом море, каждый раз с новой радостью погружаясь в звуковые струи, и еще, и еще...

В комнате было холодно, но тем не менее Монтэг чувствовал, что не может дышать. Однако у него не было желания отдернуть шторы и распахнуть высокие окна: он не хотел, чтобы в спальню проник свет луны. С чувством обреченности, как у человека, которому предстоит через час умереть от удушья, он ощупью направился к своей собственной разостланной кровати, отдельной, а потому и холодной. За миг до того, как его нога ударилась о лежавший на полу предмет, он уже знал, что непременно споткнется. Чувство это было сродни тому, которое он испытал, когда, еще не свернув за угол, внезапно понял, что в следующую секунду едва не собьет с ног стоявшую

там девушку. Его нога своим движением вызвала вибрацию воздуха, а в ответ получила сигнал, отраженный от лежавшего на пути препятствия. Он пнул предмет, и тот с глухим звяканьем отлетел в темноту.

Некоторое время Монтаг, выпрямившись, стоял в молчании, прислушиваясь к той, что лежала на темной кровати в крошечной ночи. Дыхание, выходявшее из ноздрей, было столь слабым, что могло пошевелить лишь малейшие формы жизни — крохотный лист, черное перышко, завитушку волоска.

Он все еще не хотел, чтобы в комнату проник свет с улицы. Вытащив зажигатель, он нащупал саламандру, выгравированную на серебряном диске приборчика, щелкнул...

Два лунных камня глядели на него в свете маленького прирученного огня; два бледных лунных камня на дне прозрачного ручья — поверх, не смачивая их, текла жизнь этого мира.

— Милдред!

Лицо ее казалось заснеженным островом, над которым мог пролиться дождь, но она не почувствовала бы дождя; могла промчаться облачная тень, но она не почувствовала бы и тени. Ничего вокруг, только пение осиных наперстков, плотно затыкающих уши, остекленевшие глаза и мягкое, слабое шевеление воздуха, входящего в ноздри и выходящего из них, но ей и дела нет,

то ли он сначала входит, а потом выходит, то ли наоборот.

Предмет, который Монтаг отшвырнул ногой, теперь тускло поблескивал под краешком его кровати. Небольшой хрустальный флакончик с таблетками снотворного — еще утром в нем было тридцать капсул, сейчас же он лежал без крышки и, как было видно в свете крохотного огонька, пустой.

Внезапно небо над домом взревело. Раздался невероятный треск, будто две гигантские руки разорвали по шву десять тысяч миль черной парусины. Монтаг словно раскололся пополам. Ему показалось, что его грудь рассекли топором сверху донизу и развалили на две части. Над крышами мчались, мчались, мчались реактивные бомбардировщики, один за другим, один за другим, шесть, девять, двенадцать, один, и один, и еще один, и второй, и второй, и третий, и не нужно было визжать — весь визг исходил от них. Монтаг открыл рот, истошный рев ворвался внутрь и вышел сквозь оскаленные зубы. Дом сотрясался. Огонек в его ладони погас. Лунные камни исчезли. Рука сама рванулась к телефону.

Самолеты сгнули. Он ощутил, как шевелятся его губы, касаясь телефонной трубки:

— Больницу «Скорой помощи»...

Страшный шепот...

Ему показалось, что звезды в небе от рева черных самолетов обратились в мельчайшую пыль, и завтра утром вся земля будет усыпана ею, будто нездешним снегом. Эта идиотская мысль не покидала его, пока он, дрожа, стоял в темноте возле телефона и беззвучно шевелил, шевелил, шевелил губами.

Они привезли с собой эту свою машину. По сути, машин было две. Одна из них устремлялась в желудок, словно черная кобра на дно гулкого колодца, и принималась искать там застойную воду и темное прошлое. Она вбирала в себя зеленую жижу, и та, медленно кипя, поднималась вверх. Выпивала ли она при этом и весь мрак? И все яды, скопившиеся в человеке за годы? Машина молча кормилась жижей, лишь время от времени раздавался булькающий звук, словно она захлебывалась, шаря в потемках. Впрочем, у нее был Глаз. Бесстрастный оператор, надев специальный оптический шлем, мог заглянуть в душу того, из кого выкачивал содержимое внутренностей. И что же видел Глаз? Об этом оператор ничего не мог сказать. Он смотрел, но не видел того, что Глаз узревал внутри. Вся операция походила на рытье канавы во дворе. Женщина на кровати была не более чем твердым мраморным пластом, до которого они случайно докопались. Ну так что? Долбите дальше, глубже опускайте бур, высасывайте пустоту, если, конечно, дергающаяся сосущая

змея способна поднять такую вещь, как пустота, на поверхность. Оператор стоял и курил сигарету. Вторая машина работала тоже.

Ею управлял точно такой же бесстрастный оператор в немарком красновато-коричневом комбинезоне.

Эта машина занималась тем, что выкачивала из организма старую кровь, заменяя ее новой кровью и сывороткой.

— Приходится чистить их сразу двумя способами, — сказал оператор, стоя над безмолвной женщиной. — Заниматься желудком бесполезно, если при этом не очищать и кровь. Оставишь эту дрянь в крови, а кровь, как молоточек, бах-бах, ударит в голову пару тысяч раз, и мозг сдастся, был мозг — и нет его.

— Хватит! — вскричал Монтаг.

— Ну уж, двух слов сказать нельзя, — ответил оператор.

— Закончили? — спросил Монтаг.

Они тщательно перекрыли вентили машин.

— Закончили.

Их ни капельки не тронул его гнев. Оба стояли и курили, завитки сигаретного дыма лезли им в носы и глаза, но они даже ни разу не моргнули и не поморщились.

— С вас пятьдесят долларов.

— Сказали бы сначала, будет она в порядке или нет?

— Конечно, будет. Вся гадость, что в ней была, теперь вот тут, в чемоданчике. Она ей больше не грозит. Я же говорил: старое берем, новое вливаем — и порядок.

— Но вы же не врачи! Почему они не прислали со «Скорой» врача?

— Черт подери! — Сигарета во рту оператора дернулась. — Да у нас за ночь по девять-десять таких вызовов. Вот уже несколько лет как это тянется, даже специальные машины пришлось сконструировать. Конечно, новинка там одна — оптическая линза, все остальное старое. Зачем еще нужен врач? Все, что требуется, — это двое умельцев, и через полчаса никаких проблем. Послушайте, — сказал он, направляясь к двери, — нам надо спешить. Наперсток в ухе говорит, что поступил новый вызов. В десяти кварталах от вас кто-то еще всыпал в себя флакон снотворного. Звоните нам, если что. Обеспечьте вашей жене покой. Мы ввели ей возбуждающее. Учтите, проснется голодной. Пока...

И мужчины с сигаретами в уголках плотно сжатых губ, мужчины с глазами африканских гадюк, плюющих ядом, подхватили свои машины, забрали шланг, чемоданчик с жидкой меланхолией, а также вязкой темной слизью, вовсе не имевшей никакого названия, и вышли на улицу.

Монтаг тяжело опустился на стул и посмотрел на лежавшую в кровати женщину. Ее глаза были

закрыты, лицо обрело спокойствие; он протянул руку и ощутил на ладони тепло ее дыхания.

— Милдред, — позвал он наконец.

«НАС ЧЕРЕСЧУР МНОГО, – ПОДУМАЛОСЬ ЕМУ. – НАС МИЛЛИАРДЫ, А ЭТО ЧЕРЕСЧУР МНОГО. НИКТО НИКОГО НЕ ЗНАЕТ. ПРИХОДЯТ ЧУЖАКИ И ТВОРЯТ НАД ТОБОЙ НАСИЛИЕ. ПРИХОДЯТ ЧУЖАКИ И ВЫРЕЗАЮТ ТВОЕ СЕРДЦЕ. ПРИХОДЯТ ЧУЖАКИ И ЗАБИРАЮТ ТВОЮ КРОВЬ. ВЕЛИКИЙ БОЖЕ, КТО БЫЛИ ЭТИ ЛЮДИ? Я В ЖИЗНИ ИХ РАНЬШЕ НЕ ВИДЕЛ!»

Прошло полчаса.

В жилах женщины теперь струилась новая кровь, и это, казалось, сотворило ее заново. Щеки сильно порозовели, губы сделались очень свежими и очень алыми, они выглядели мягкими и спокойными. И все это сделала чья-то кровь. Вот если бы еще принесли чью-то плоть, чей-то мозг, чью-то память... Если бы они взяли да отравили в химчистку ее душу, чтобы там у нее вернули все карманы, пропарили и прополоскали, затем заново запечатали бы и утром принесли обратно. Если бы...

Монтаг встал, раздвинул занавески и широко распахнул окна, впуская в спальню ночной воздух. Два часа пополуночи. Неужели это было всего только час назад — Кларисса Макклеллан на улице, потом приход домой, эта темная комната, маленький хрустальный флакончик, который он отшвырнул ногой? Всего только час, но за это

время мир успел растаять и возродиться в новом виде, без цвета, без вкуса, без запаха...

Через залитый луной газон из дома Клариссы донесся смех. Дом Клариссы, ее отца, и матери, и дяди — людей, которые умели так спокойно и душевно улыбаться. Но главное — смех был искренний и сердечный, совершенно не нарочитый, и доносился он из дома, сиявшего в этот поздний час всеми огнями, тогда как прочие дома вокруг были безмолвны и темны. Монтаг слышал голоса — люди говорили, говорили, говорили, что-то передавали друг другу, говорили, ткали, выпускали и снова ткали свою завораживающую паутину.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Монтаг вышел через высокое окно и пересек газон. Он остановился перед бормочущим домом, укрывшись в его тени, и подумал, что, в сущности, может даже подняться на крыльцо, постучать в дверь и прошептать: «Позвольте мне войти. Я не произнесу ни слова. Мне просто хочется послушать. О чем это вы там говорите?»

Но он ничего такого не сделал, просто стоял, совершенно ооченев, — лицо уже превратилось в ледяную маску — и слушал, как мужской голос (дядя?) размеренно и неторопливо продолжал:

— Ну, в конце концов, мы с вами живем в век одноразовых салфеток. Высморкался в кого-

то, скомкал его, спустил в унитаз, ухватил другого, высморкался, скомкал, в унитаз. Причем каждый еще норовит утереться фалдой ближнего. А как можно по-настоящему болеть за национальную футбольную команду, когда у тебя нет программы матчей и ты не знаешь имен игроков? Ну вот скажите мне, какого цвета у них фуфайки, когда команда выбегает на поле?

Монтаг вернулся в дом. Он оставил окна открытыми, проверил, в каком состоянии Милдред, заботливо подоткнул ее одеяло, а затем улегся сам.

Лунный свет озарял его скулы и морщины, прорезавшие нахмуренный лоб, а попав в глаза, тот же свет разливался маленькими лужицами, похожими на серебряные катаракты.

Упала капля дождя. Кларисса. Еще одна капля. Милдред. Третья. Дядя. Четвертая. Ночной пожар. Одна — Кларисса. Две — Милдред. Три — дядя. Четыре — пожар. Одна — Милдред, две — Кларисса. Одна, две, три, четыре, пять — Кларисса, Милдред, дядя, пожар, таблетки снотворного, люди-салфетки, фалды ближнего, высморкался, скомкал, в унитаз. Одна, две, три, одна, две, три! Дождь. Гроза. Дядя смеется. Раскаты грома катятся по лестнице вниз. Весь мир — сплошной поток ливня. Пламя вырывается из вулкана. Все закручивается водоворотом, и ревущая стремнина несетя навстречу утру.

— Я ничего больше не понимаю, — сказал Монтаг, положил в рот облатку снотворного и стал ждать, когда она растворится на языке.

В девять часов утра постель Милдред была уже пуста. Монтаг быстро вскочил — сердце его гулко билось — и бросился бегом через прихожую, но у дверей кухни остановился.

Из серебряного тостера выпрыгивали ломтики поджаренного хлеба, паучья металлическая рука тут же подхватывала их и окунала в растопленное сливочное масло.

Милдред наблюдала за тем, как тосты ложатся на тарелку. В ее ушах плотно сидели электронные пчелы, их жужжание помогало ей коротать время. Она внезапно подняла голову, увидела Монтага и кивнула.

— Ты в порядке? — спросил он.

За десять лет пользования ушными наперстками — «ракушками» — его жена научилась профессионально читать по губам. Она снова кивнула. Затем включила тостер, и он опять защелкал, поджаривая свежий ломтик хлеба.

Монтаг сел.

— Не понимаю, с чего бы это я такая голодная, — сказала жена.

— Ты...

— Я ужасно голодна.

— Вчера вечером... — начал он.

— Спала плохо. Чувствую себя отвратительно, — продолжала она. — Господи, как же хочется есть! Ничего не пойму.

— Вчера вечером, — опять начал он.

Милдред рассеянно проследила за движением его губ.

— Что — вчера вечером?

— А ты не помнишь?

— О чем ты? У нас что, были гости, и мы хорошо погуляли? Голова словно с похмелья. Господи, как же хочется есть! И кто у нас вчера был?

— Да так, несколько человек, — ответил он.

— Вот-вот. — Она прожевала кусок тоста. — Желудок болит, но есть хочется до ужаса. Надеюсь, я вчера никаких глупостей не наделала?

— Нет, — тихо сказал он.

Паучьей рукой тостер выхватил ломтик пропитанного маслом хлеба и протянул ему. Монтаг принял тост, чувствуя себя премного обязанным.

— Ты сам тоже выглядишь не лучшим образом, — заметила жена.

Ближе к вечеру пошел дождь, и мир стал темно-серым.

Монтаг стоял в прихожей и прикреплял к куртке значок с пылающей оранжевой саламандрой. Потом долгое время глядел на вентиляционную решетку. Милдред, читавшая сценарий в телеви-

зионной гостиной, ненадолго перевела взгляд на мужа.

— Посмотрите на него! — воскликнула она. — Этот человек *думает!*

— Да, — сказал он. — Я хотел с тобой поговорить. — Монтаг сделал паузу и продолжил: — Вчера вечером ты выпила все таблетки из своего флакона.

— О нет, — изумилась она, — я бы такого никогда не сделала.

— Но флакон был пуст.

— Да не могла я сделать ничего подобного! С чего бы это пришло мне в голову?

— А может, ты приняла две таблетки, потом забыла об этом и приняла еще две, потом опять позабыла и снова приняла две, а затем, уже осоловев, ты начала глотать их одну за одной, пока в тебе не оказались все тридцать или сорок штук.

— Чушь! — возмутилась она. — Чего ради я сотворила бы такую глупость?

— Не знаю, — ответил он.

Похоже, ей хотелось, чтобы муж как можно скорее ушел из дома.

— Я этого не делала, — сказала Милдред. — И никогда не сделаю. Даже если проживу миллиард лет.

— Ну хорошо, раз ты так говоришь, — согласился он.

— Это не я, так сказала леди в пьесе, — ответила она и вернулась к сценарию.

— Что идет сегодня днем? — утомленным голосом спросил Монтаг.

На этот раз она не стала отрываться от сценария:

— Ну, через десять минут начнется пьеса, действие будет переходить со стены на стену. Мне прислали роль сегодня утром. Я им подкинула несколько классных соображений. Они пишут сценарий, но пропускают реплики одного персонажа. Абсолютно новая идея! Там нет реплик матери семейства, ее играю я. Когда подходит моя очередь говорить, они все смотрят на меня с трех стен, и вот тут я произношу свои слова. К примеру, мужчина говорит: «Как тебе нравится вся эта идея, Элен?» При этом он смотрит на меня, а я сижу здесь, в центре сцены, чувствуешь? И я говорю... я говорю... — она стала водить пальцем по строчкам сценария. — Вот: «По-моему, это чудесно». Потом они продолжают играть дальше, без меня, пока он не спрашивает: «Ты тоже так считаешь, Элен?» А я ему на это отвечаю: «Конечно же!» Правда ведь забавно, Гай?

Стоя в коридоре, он не отрываясь смотрел на нее.

— Очень забавно, — ответила она самой себе.

— А о чем пьеса?

— Я же тебе только что сказала. Там три действующих лица — Боб, Рут и Элен.

— А!

— Действительно очень забавно. А дальше будет еще забавнее, когда мы позволим себе четвертую телестену. **КАК ТЫ ПОЛАГАЕШЬ, ДОЛГО НАМ ПРИДЕТСЯ ЭКОНОМИТЬ, ЧТОБЫ СЛОМАТЬ ЧЕТВЕРТУЮ СТЕНУ И ПОСТАВИТЬ ВМЕСТО НЕЕ ЧЕТВЕРТУЮ ТЕЛЕВИЗИОННУЮ? ОНА СТОИТ ВСЕГО ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ.**

— Это треть моей годовой зарплаты.

— Но ведь всего две тысячи, — возразила Милдред. — Иногда не мешало бы и обо мне подумать. Если бы у нас была четвертая телестена, то эта комната стала бы вроде как вовсе и не нашей. Она превращалась бы в комнаты разных экзотических людей. Мы вполне можем обойтись без чего-нибудь другого...

— Мы и так уже обходимся без многого другого, выплачивая за третью стену. Ее, между прочим, поставили только два месяца назад, помнишь?

— Целых два месяца? — Она долго сидела, удивленно глядя на него. — Ну, до свидания, дорогой.

— До свидания, — сказал он, направляясь к двери, затем остановился и обернулся. — А какой у этой пьесы конец? Счастливый?

— Ну, до конца мне еще далеко.

Он вернулся, прочитал последнюю страницу, кивнул, сложил рукопись и отдал жене. После чего вышел из дома в дождь.

Дождь уже заканчивался. Девушка шла по середине тротуара с поднятой головой, подставляя лицо иссякающим каплям. При виде Монтага она улыбнулась.

— Здравствуйте.

Монтаг тоже сказал «здравствуйте» и спросил:

— Ну, и чем вы меня сегодня порадуете?

— Я по-прежнему сумасшедшая. Как хорошо под дождем! Я люблю гулять в такую погоду.

— Не думаю, чтобы это мне понравилось, — ответил Монтаг.

— Попробуйте — может, и понравится.

— До сих пор как-то не приходилось.

Она облизнула губы.

— Дождь, он даже на вкус приятный.

— Так вот чем вы занимаетесь, хотите по разу все перепробовать, да?

— Кое-что и не по разу.

Она посмотрела на что-то в своей руке.

— Что это у вас там? — спросил Монтаг.

— По-моему, последний в этом году одуванчик. Даже не думала, что мне удастся найти его, ведь для них уже очень поздно. Слышали когда-нибудь, что им надо потереть под подбородком? Смотрите!

Она коснулась цветком подбородка и рассмеялась.

— А для чего это?

— Примета такая: если остается след, значит, я влюблена. Ну как, остался?

Ему не оставалось ничего другого, как посмотреть.

— Ну как? — снова спросила она.

— Подбородок стал желтым.

— Вот и прекрасно! А теперь давайте проверим на вас.

— Со мной ничего не получится.

— Сейчас увидим!

Прежде чем он успел шевельнуться, девушка сунула одуванчик ему под подбородок. Монтаг непроизвольно отпрянул. Она рассмеялась.

— Не двигайтесь!

Девушка осмотрела его подбородок и нахмурилась.

— Ну, что? — спросил он.

— Какой позор! — воскликнула она. — Вы ни в кого не влюблены.

— Нет, влюблен!

— Что-то этого не видно.

— Влюблен, и еще как! — Монтаг попытался наколдовать в воображении какое-нибудь лицо, соответствующее этим словам, но лицо не появлялось.

— Влюблен, — повторил он.

— Пожалуйста, не смотрите на меня так!

— Это все ваш одуванчик, — сказал он. — Вы истратили его пыльцу на себя. Вот почему со мной ничего не получилось.

— Ну конечно, так оно и есть. Как же я вас расстроила! Вижу, вижу, расстроила. Простите меня, я и впрямь виновата. — Она слегка коснулась его локтя.

— Ну что вы, что вы, — поспешно ответил он. — Все в порядке.

— Мне сейчас нужно идти, скажите, что вы меня простили. Не хочу, чтобы вы на меня сердились.

— Я и не сержусь. Вот огорчен — это да.

— А я иду к своему психиатру. Меня туда заставляют ходить. Ну я и придумываю для него каждый раз всякие штуки. Не знаю, что он обо мне думает. Говорит, я самая настоящая луковица. Он только и делает, что снимает с меня шелуху, слой за слоем.

— Я склоняюсь к тому, что психиатр вам все-таки нужен, — сказал Монтаг.

— Неправда, вы так не думаете.

Он вздохнул, выпустил воздух и наконец произнес:

— Да, не думаю.

— Мой психиатр хочет понять, почему я брожу по лесам, смотрю на птиц, собираю бабочек. Когда-нибудь я покажу вам свою коллекцию.

— Хорошо.

— Они все хотят понять, чем это я таким занята. Я им отвечаю, что иногда просто сижу и думаю. Только никогда не скажу им, о чем. Пусть помучаются. А иногда, говорю я им, мне нравится запрокинуть голову, вот так, и ловить ртом дождевые капли. На вкус они как вино. Никогда не пробовали?

— Нет, я...

— Так вы *простили* меня, да?

— Да. — Он немного подумал. — Простил. Бог знает почему. Вы особенная — все время подкальваете, а прощать вас легко. Вы говорите, вам семнадцать?

— Да, в следующем месяце.

— Странно. Удивительно. Моей жене тридцать, но мне порой кажется, что вы много старше ее. Никак не возьму этого в толк.

— Вы сами странный, господин Монтаг. По временам я даже забываю, что вы пожарный. А можно, я вас опять сейчас разозлю?

— Давайте.

— Как это все у вас началось? Как вы к ним попали? Как вы нашли себе эту работу? Как вам вообще такая мысль могла в голову прийти? Вы не похожи на других пожарных. До вас я уже видела нескольких, так что *знаю*. Когда я начинаю говорить, вы на меня смотрите. Вот вчера вечером я упомянула луну, и вы тут же на нее посмо-

трели. Другие никогда бы так не поступили. Они просто ушли бы прочь и оставили меня наедине с собой. Или начали бы мне угрожать. **У ЛЮДЕЙ СЕЙЧАС ПРОСТО НЕТ ВРЕМЕНИ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА.** А вы один из немногих, кто хорошо ко мне отнесся. Вот почему я думаю: странно, что вы стали пожарным. К вам это как-то не очень подходит.

Ему показалось, что он разломился пополам: одна половина была жаркой, вторая — холодной; одна — сама мягкость, вторая — твердость; одна дрожала, вторая не дрожала вовсе, — и каждая пыталась истереть другую в порошок.

— Вам надо спешить, — сказал он.

И она тут же убежала, оставив его стоять на тротуаре под дождем. Прошло немало времени, прежде чем он наконец шевельнулся.

Медленно, очень медленно шагая по улице, он запрокинул голову, подставил лицо дождю и открыл рот...

Механическая Гончая спала и одновременно не спала, жила и одновременно не жила в своей мягко гудящей, слегка вибрирующей, слабо освещенной конуре в дальнем темном углу пожарной станции.

Был час ночи, тусклый сумрак и лунный свет входили в раму большого окна и ложились пятнами на медь, бронзу и сталь мелко дрожавшего зверя. Свет мерцал на кусочках рубинового

стекла и на чувствительных капиллярных волосках в нейлоновых ноздрях этой твари, которая легонько, еле заметно сотрясалась, по-паучьи сложив под собой восемь лап с резиновыми подушечками.

Монтаг съехал по бронзовому шесту и вышел поглядеть на город. Тучи уже совершенно очистили небо. Он закурил сигарету, вернулся в станцию, подошел к Гончей и наклонился над ней, внимательно разглядывая. Она походила на огромную пчелу, вернувшуюся в улей с какого-то далекого луга, где мед вобрал в себя ночные кошмары, безумие и ядовитую дикость, ее тело было полно этим перенасыщенным нектаром, и теперь она спала, чтобы избыть во сне распиравшее ее зло.

— Здравствуй, — прошептал Монтаг, как всегда зачарованный этим вечно мертвым, вечно живым зверем.

Ночами, всякий раз, когда делалось скучно — а так происходило каждую ночь, — пожарные спускались по медным шестам и, приведя в действие тикающий механизм обонятельной системы Гончей, впускали в подвальное помещение крыс, иногда цыплят, а то и кошек, которых так или иначе следовало утопить, и заключали пари, какую крысу, кошку или курочку Гончая схватит первой. Через три секунды игра обычно заканчивалась: на полпути к выходу из подвала крысу, кошку или

курочку настигали мягкие лапы Гончей, после чего из ее хобота выдвигалась стальная полая четырехдюймовая игла и впрыскивала в животное мощную дозу морфия или прокаина. Затем жертву бросали в мусоросжигательную печь, и игра началась заново.

Во время этих ночных забав Монтаг, как правило, оставался наверху. Однажды, года два назад, он заключил пари с одним из лучших игроков и проиграл недельный заработок, что вызвало безумный гнев Милдред — лицо ее покрылось пятнами, на лбу вздулись вены. Теперь ночами он лежал на койке, повернувшись лицом к стене, и прислушивался к долетавшим снизу взрывам хохота, быстрой, как пассаж на рояле, суете крысиных лапок, скрипичному писку мышей и накрывавшей эти звуки огромной тени тишины, когда Гончая вылетала из своего угла, словно мотылек на яркий свет, находила жертву, хватала ее, пронзала иглой и возвращалась в конуру, чтобы умереть там, будто по мановению выключателя.

Монтаг коснулся морды зверя.

Гончая зарычала.

Монтаг отпрыгнул.

Гончая приподнялась в конуре и уставилась на него внезапно включившимися лампами-глазами, в которых замерцал сине-зеленый неоновый свет. Она снова взрыкнула — ее рык был

странной, режущей ухо смесью электрического шипения, потрескивания масла на раскаленной сковороде, скрежета металла и скрипа древних шестеренок, ржавых от подозрительности.

— Ну нет, маленькая, — произнес Монтаг, и сердце его заколотилось.

Он увидел, как на целый дюйм выдвинулась серебряная игла, потом втянулась, снова вышла, опять втянулась. Внутри зверя медленно кипело рычание, он внимательно глядел на человека.

Монтаг отступил. Гончая сделала шаг из конуры. Одной рукой Монтаг схватился за бронзовый шест. Прореагировав на прикосновение, шест скользнул вверх и бесшумно пронес его сквозь потолок. Монтаг разжал руки и ступил в сумрак верхнего этажа. Лицо его было бледно-зеленым, он весь дрожал. Гончая внизу снова подобрала под себя свои восемь невероятных паучьих ног, ее мягкое гудение возобновилось, а фасеточные глаза успокоились.

Монтаг стоял у люка, постепенно приходя в себя. За его спиной, в углу, за карточным столом сидели четверо мужчин, освещенные лампой под зеленым колпаком; они бросили на Монтага беглые взгляды, но ничего не сказали. И только человек в капитанской каске, в каске с изображением феникса, наконец заинтересовался и, держа карты в худой руке, кратко спросил через всю комнату:

— Монтаг?..

— Она меня *не любит*, — сказал Монтаг.

— Кто, Гончая? — Капитан внимательно разглядывал свои карты. — Ерунда. Любит — не любит, она на это не способна. Она просто «функционирует». Это как урок по баллистике. Мы рассчитываем траекторию и закладываем в Гончую, а дальше она лишь следует заданному курсу. Сама наводит себя на цель, поражает ее, потом отключается. Это всего лишь медная проволока, аккумуляторные батареи и электричество.

Монтаг сглотнул комок в горле.

— Ее калькуляторы можно настроить на любую комбинацию — столько-то аминокислот, столько-то серы, столько-то жиров, такая-то щелочная составляющая. Правильно?

— Мы все это знаем.

— Но ведь кислотно-основные балансы и все процентные соотношения, присущие каждому из нас на Станции, занесены в главное досье, там внизу. Не так уж сложно кому-нибудь взять и ввести в «память» Гончей некую частичную комбинацию, чтобы она реагировала, например, на определенные аминокислоты. Это объяснило бы то, что произошло со зверем несколько секунд назад. Она среагировала *на меня*.

— Чертовщина какая-то, — пробурчал Капитан.

— Она была раздражена, но не разъярена до предела. Кто-то настроил часть ее «памяти» таким образом, чтобы Гончая рычала, когда я к ней прикасаюсь.

— Но кто бы стал это делать? — удивился Капитан. — У тебя здесь нет ни одного врага, Гай.

— Насколько я знаю, нет.

— Ладно, завтра техники проверят Гончую.

— Она уже не первый раз угрожает мне, — сказал Монтаг. — В прошлом месяце это случилось дважды.

— Все исправим, не волнуйся.

Но Монтаг не двигался с места. Он стоял и думал о вентиляционной решетке в прихожей своего дома и о том, что за ней спрятано. Если кто-нибудь здесь, на пожарной станции, узнал про вентилятор, разве не мог он «рассказать» об этом Гончей?..

Капитан подошел к люку и вопросительно взглянул на Монтага.

— Я все думаю, — сказал Монтаг, — **О ЧЕМ ЭТО ГОНЧАЯ РАЗМЫШЛЯЕТ ПО НОЧАМ В СВОЕЙ КОНУРЕ? МОЖЕТ, ОНА ГОТОВИТСЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ И ВПРЯМЬ НАЧАТЬ БРОСАТЬСЯ НА НАС? ПРЯМО МОРОЗ ПО КОЖЕ, КАК ПРЕДСТАВИШЬ.**

— Она не думает ни о чем таком, о чем, по нашему мнению, ей не следовало бы думать.

— Вот это и печально, — тихо проговорил Монтаг. — Потому что все, что мы вложили

в нее, — это охота, поиск и убийство. Позор, что ничему другому она уже никогда не научится.

Битти, не удержавшись, фыркнул.

— Черт подери! Да наша Гончая — прекрасный образец мастерской работы. Хорошая винтовка, которая может сама найти мишень и при каждом выстреле гарантирует попадание в яблочко.

— Потому-то я бы и не хотел быть ее очередной жертвой, — сказал Монтаг.

— А в чем дело? У тебя что, совесть не чиста? Монтаг быстро посмотрел на Капитана.

Битти стоял рядом и не сводил с него пристального взгляда, потом его рот открылся, и стало ясно, что Капитан тихо, едва слышно смеется.

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь дней. И столько же раз, выходя из дома, он обнаруживал в мире присутствие Клариссы. Один раз он видел, как она трясет ореховое дерево; другой — что она сидит на газоне и вяжет синий свитер; три или четыре раза он находил то букетик поздних цветов на своем крыльце, то мешочек с горстью каштанов, то несколько осенних листьев, аккуратно припиленных к листу белой бумаги, который был приколот чертежной кнопкой к двери дома. Каждый вечер Кларисса провожала его до угла. Первый день был дождливым, второй — ясным, третий — очень ветреным, четвертый выдался,

наоборот, тихим и безветренным, а следующий за ним — жарким, как летнее пекло, так что к концу этого дня лицо Клариссы даже загорело.

— ПОЧЕМУ У МЕНЯ ТАКОЕ ЧУВСТВО, — СПРОСИЛ ОН ЕЕ КАК-ТО РАЗ У ВХОДА В МЕТРО, — БУДТО Я ЗНАЮ ВАС УЖЕ МНОГО-МНОГО ЛЕТ?

— ПОТОМУ ЧТО ВЫ МНЕ НРАВИТЕСЬ, — ОТВЕТИЛА ОНА, — И МНЕ НИЧЕГО ОТ ВАС НЕ НАДО. И ЕЩЕ ПОТОМУ, ЧТО МЫ С ВАМИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УЗНАЛИ КОЕ-ЧТО ДРУГ О ДРУГЕ.

— Рядом с вами я чувствую себя очень старым, и мне кажется, будто я отец целого семейства.

— Тогда объясните мне, — сказала она, — почему у вас нет дочерей вроде меня, раз уж вы так любите детей?

— Не знаю.

— Вы шутите!

— То есть я хочу сказать... — Он остановился и покачал головой. — Ну, в общем, моя жена, она... она никогда не хотела иметь детей.

Девушка перестала улыбаться.

— Простите меня. Я и впрямь думала, что вы просто веселитесь за мой счет. Какая же я дураха.

— Нет-нет! — запротестовал он. — Это был хороший вопрос. Меня уже давно никто об этом не спрашивал, просто никому нет дела. Нет, вопрос хороший.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Вы когда-либо нюхали старые листья? Правда, они пахнут корицей? Вот, понюхайте.

— Хм, действительно чем-то напоминает корицу.

Она посмотрела на него своими ясными черными глазами.

— Вы всегда словно бы удивляетесь до глубины души.

— Это просто потому, что у меня не было времени...

— Вы как следует рассмотрели те длиннющие рекламные щиты, о которых я вам говорила?

— Да, вроде бы как следует. — Он невольно рассмеялся.

— Ну вот, и смех у вас теперь куда приятнее, чем раньше.

— В самом деле?

— Да, не такой напряженный.

Он неожиданно почувствовал себя легко и непринужденно.

— Кстати, а почему вы не в школе? Я же вижу, как вы целыми днями бродите по улицам.

— Ну, там по мне не скучают, — ответила Кларисса. — Они говорят, я антиобщественный элемент. Совсем не схожусь с другими людьми. Это так странно. На самом деле, я очень общественная. Все зависит от того, что называть «обществом», правда? Вот я сейчас рассказываю

вам об этих вещах — по-моему, мы с вами и есть «общество». — Она погремела в пригоршне каштанами, которые подобрала под деревом во дворе. — Или еще можно говорить, как странно устроен мир. Быть среди людей — это чудно. **НО ЕСЛИ СОБИРАЮТ КУЧУ НАРОДУ И ПРИ ЭТОМ НЕ ДАЮТ ИМ ВОЗМОЖНОСТИ ДРУГ С ДРУГОМ РАЗГОВАРИВАТЬ, ТО Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО ЭТО МОЖНО НАЗВАТЬ «ОБЩЕСТВОМ», КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ?** Час телевизионных занятий, час баскетбола, бейсбола или бега, потом час истории транскрипции или же час рисуем картинки, потом опять спорт, но, представляете, мы никогда не задаем в школе никаких вопросов — по крайней мере, большинство из нас этого не делает. Сидим, а учителя вдалбливают в нас ответы — бум-бум-бум, и после этого сидим еще четыре часа и смотрим учебные фильмы. Нет, для меня это никакое не «общество». Множество воронок и прорва воды, которая в горлышки вливается, а снизу выливается, и еще нам говорят, что это вино, хотя вином и не пахнет. К концу дня они нас так изматывают, что уже не остается сил ни на что, разве только лечь спать или отправиться в Парк Развлечений — приставать там к гуляющим, бить оконные стекла в павильоне «Разбей Окно» или крушить машины в павильоне «Разбей Машину», там для этого есть такое большое стальное ядро. А еще можно сесть в автомобиле и гонять по улицам, соревнуясь, кто проскочит ближе всех

к фонарному столбу, — это называется «праздник труса» или «сбей колпак». А в общем-то они, наверное, правы, я такая и есть, как они говорят. У меня нет друзей. Предполагается, уже одно это доказывает, что я ненормальная. Но все, кого я знаю, либо орут, либо пляшут как бешеные, либо колотят друг дружку. Вы обращали внимание, как люди сейчас увечат друг друга?

— Вы говорите так, словно вам очень много лет.

— А я иногда и чувствую себя совсем древней. Я боюсь своих сверстников. Они убивают друг друга. Неужели так было всегда? Мой дядя говорит, что нет. Только в этом году были застрелены шесть моих друзей. Десять погибли в автомобильных катастрофах. Да, я боюсь своих сверстников, и они не любят меня, потому что я их боюсь. Мой дядя говорит, что его дед помнил времена, когда дети не убивали друг друга, но это было давно, тогда все было по-другому. Дядя говорит, в те времена люди верили в чувство ответственности. А вы знаете, я ответственная. В детстве, много лет назад, мне задавали хорошую трепку, когда было за что. Я сама хожу по магазинам, убираю в доме... А больше всего, — продолжала она, — мне нравится наблюдать за людьми. Бывает, целый день ежжу в метро, гляжу на пассажиров, слушаю их разговоры. Мне хочется понять, кто они

такие, чего хотят, куда едут. Иногда я даже хожу в Парки Развлечений или катаюсь на реактивных автомобилях в полночь по городским окраинам, — полиции все равно, лишь бы машины были застрахованы. Покуда каждый застрахован на десять тысяч долларов, все счастливы. А случается, я незаметно подслушиваю чужие разговоры в метро. Или у автоматов с газировкой. И знаете что?

— Что?

— Люди ни о чем не говорят.

— Ну да! Так уж *ни о чем?*

— Нет, не в буквальном смысле. Большею частью они перечисляют марки автомобилей, сыплют фирменными названиями одежды, хвастаются плавательными бассейнами, и через слово — «это потрясно!». Но ведь все говорят одно и то же, никто не скажет что-нибудь отличное от других. А придут в забегаловку, включают зубоскальные автоматы и слушают все время одни и те же старые анекдоты, или же уставятся на музыкальную стену и смотрят, как по ней вверх-вниз бегут цветные узоры, но это одни краски, абстракция, и больше ничего. А музеи — вы их когда-нибудь посещаете? Там *вообще* один абстракционизм. Сейчас ничего другого и не бывает. Мой дядя говорит, раньше было иначе. В давние времена картины о чем-то рассказывали, и на них даже были *люди*.

— Дядя говорит это, дядя говорит то. Он, должно быть, замечательный человек.

— Так и есть. Конечно, замечательный. Ну, мне пора. До свидания, господин Монтаг.

— До свидания.

— До свидания...

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь дней: пожарная станция.

— Монтаг, ты прямо как птичка на дерево взлетаешь по своему шесту.

Третий день.

— Монтаг, я вижу, ты сегодня пришел с черного хода. Что, Гончая беспокоит?

— Нет, нет.

Четвертый день.

— Монтаг, послушай, какая забавная история. Мне ее рассказали сегодня утром. Один пожарный из Сиэтла нарочно настроил Механическую Гончую на свою химическую комбинацию, а потом выпустил из конуры. Как ты определишь такой вид самоубийства?

Пять, шесть, семь дней.

И вдруг исчезла Кларисса. До какого-то момента Монтаг даже не осознавал, что было не так в тот день, но затем понял: Клариссы нигде не было видно, ее присутствие в мире не обнаруживалось. Газон перед ее домом был пуст, деревья голы, пуста улица, и хотя поначалу он даже не от-

давал себе отчета, что ему недостает именно ее или что он пытается ее разыскать, но к тому времени, когда он подходил к станции метро, в нем смутно зашевелилось беспокойство. Что-то случилось, нарушился заведенный порядок вещей. Правда, порядок весьма несложный, образовавшийся всего несколько дней назад, и все же... Он едва не повернул обратно, чтобы еще раз пройти к станции метро, — может, надо просто дать ей немного времени, и она появится. Монтаг был убежден: стоит ему повторить маршрут, — и все образуется. Но было уже поздно, и появление поезда метро положило конец его планам.

Шорох карт, движенья рук, дрожанье век, бубнеж времяголосия с потолка пожарной станции: «...один час тридцать пять минут, четверг, четвертое ноября, ... один час тридцать шесть... один час тридцать семь, четверг...». Шлепанье игральных карт о засаленную поверхность стола. Все эти звуки проникали в Монтага, несмотря на барьер плотно сомкнутых глаз — барьер, с помощью которого он пытался хоть на миг заслониться от них. Он явственно ощущал блеск, сверканье и тишину, наполнявшие пожарную станцию, оттенки меди, цвета монет, золота, серебра. Невидимые игроки за столом напротив него вздыхали над своими картами, чего-то ждали. «Один час сорок пять минут...» Говорящие часы оплакивали этот холодный

час одной из холодных ночей совсем уже холодного года.

— Что случилось, Монтаг?

Он открыл глаза.

Где-то жужжало радио: «...война может быть объявлена в любую минуту. Наша страна готова к защите своих...»

Здание пожарной станции задрожало: мощный проход реактивных самолетов наполнил черноту предутреннего неба монотонным свистом.

Монтаг заморгал. Битти разглядывал его так, словно перед ним была музейная статуя. В любой момент Битти мог встать, обойти вокруг него, коснуться рукой, прислушаться к отзвукам души в поисках вины и угрызений совести. Вины? О какой вине может идти речь?

— Твой ход, Монтаг.

Монтаг окинул взглядом сидевших перед ним людей. Их лица загорели от тысячи реальных и десятка тысяч воображаемых пожаров; работа окрасила их щеки в багровый цвет и зажгла в глазах лихорадочный блеск. Спокойно, не шурясь, глядели они на огоньки своих платиновых зажигателей, раскуривая свои никогда не гаснущие черные трубки. Во всем — в них самих, в их угольно-черных волосах, в бровях цвета сажки, в испятнанных пеплом щеках, выбритых до синевы, — во всем сквозила наследственность. Вздрогнув, Монтаг замер с открытым ртом. А ви-

дел ли он хоть когда-нибудь пожарного, у которого не было бы черных волос, черных бровей, огненного лица и выбритых до стальной синевы щек, создающих тем не менее впечатление небритости? Все эти люди — зеркальное отражение его самого! Неужели пожарных отбирают не только по склонности, но и по внешним данным? Во всем их облике — оттенки тлеющих углей и пепла, и вечный запах гари, исходящий из трубок. Вот в грозовых тучах табачного дыма поднимается Капитан Битти, открывает свежую пачку табака и комкает обертку — хруст целлофана в его руке отдается треском огня.

Монтаг перевел взгляд на карты в своей руке.

— Я... я немного задумался. О пожаре, что был на прошлой неделе... О том человеке, чью библиотеку мы обработали. Что с ним стало?

— Он вопил так, что его отправили в психушку.

— Он не был сумасшедшим.

Битти спокойно перетасовал карты:

— Любой человек, который думает, будто может перехитрить правительство и нас, уже сумасшедший.

— Я все пытался представить себе, — произнес Монтаг, — на что это похоже — оказаться в его положении. Я хочу сказать, вот приходят пожарные и жгут *наши* дома и *наши* книги.

— У нас нет книг.

— А если бы были?

— Так что, у тебя кое-что есть?

Битти медленно мигнул.

— Нет. — Монтаг посмотрел мимо сидевших за столом людей на стену, где были вывешены отпечатанные на машинке списки миллиона запрещенных книг. Их названия плясали в пламени, испепелявшем годы изданий, а он помогал этому, орудуя топором и наконечником шланга, извергавшим не воду, а керосин.

— Нет, — повторил он, но в глубине его сознания родился ледяной ветерок, он вырывался из вентиляционной решетки в доме Монтага и мягко, вкрадчиво охлаждал его лицо. А еще он опять увидел себя в зеленом парке, где однажды разговорился со стариком, очень древним стариком, и ветер из парка тоже был ледяным.

Немного поколебавшись, Монтаг спросил:

— А это всегда было... всегда было, как сейчас? Пожарные станции, наша работа? Я хочу сказать... ну... может быть, когда-то, в некотором царстве, в некотором государстве...

— «В некотором царстве, в некотором государстве»? — переспросил Битти. — Это что еще за разговоры такие?

«Дурак! — мысленно обозвал себя Монтаг. — Ты же сам себя выдаешь». Во время последнего

пожара, когда сжигали книгу детских сказок, он бросил взгляд на одну-единственную строку.

— Я имел в виду старые времена, когда дома еще не были абсолютно несгораемыми... — Внезапно ему померещилось, будто его устами вещает какой-то другой, гораздо более молодой голос. Он лишь открывал рот, а говорила вместо него Кларисса Макклеллан. — **РАЗВЕ ТОГДА ПОЖАРНЫЕ НЕ ПРЕДОТВРАЩАЛИ ПОЖАРЫ, ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ ПОДЛИВАТЬ КЕРОСИН И РАЗЖИГАТЬ ИХ?**

— Во дает! — Стоунмен и Блэк разом вытащили из карманов книжки уставов, в которых была также кратко изложена история Пожарных Америки, и раскрыли их перед Монтагом, чтобы он мог прочитать то, что ему и так было хорошо известно:

«Основаны в 1790 году с целью сожжения в Колониях книг, несущих на себе английское влияние. Первый пожарный: Бенджамин Франклин.

ПРАВИЛО 1. По тревоге выезжать быстро.

ПРАВИЛО 2. Огонь разжигать быстро.

ПРАВИЛО 3. Сжигать всё.

ПРАВИЛО 4. Возвращаться на пожарную станцию немедленно.

ПРАВИЛО 5. Быть готовым к новым тревогам».

Все смотрели на Монтага. Он сидел не шевелясь.

В этот момент раздался сигнал тревоги.

Колокол под потолком нанес себе двести ударов. Внезапно в комнате образовалось четыре пустых стула.

Карты снегопадом легли на пол. Медный шест мелко дрожал. Мужчины исчезли.

Монтаг продолжал сидеть на стуле. Внизу зашелся кашлем, оживая, оранжевый дракон.

Словно во сне, Монтаг съехал по шесту.

Механическая Гончая тут же вскочила в своей конуре, в глазах — зеленое пламя.

— Монтаг, ты забыл свой шлем!

Он сорвал его со стены позади себя, побежал, прыгнул, и они умчались, лишь ночной ветер колотился меж домов, полный воя сирены и могучего грома металла.

Это был облупившийся трехэтажный дом в старой части города, он стоял уже сто лет, не больше и не меньше, но, как и все остальные здания, много лет назад его заключили в тонкую огнеупорную пластиковую оболочку, и теперь казалось, будто эта предохранительная скорлупа была единственным, что удерживало его в воздухе.

— Приехали!

Пожарная машина остановилась, хлопнули двери. Битти, Стоунмен и Блэк помчались по тротуару к дому, неожиданно став мерзкими и жирными в своих пухлых огнеупорных плащах. Монтаг бросился следом.

Они сокрушили парадную дверь и схватили женщину, хотя та не двигалась с места и вовсе не думала скрываться бегством. Она стояла, мягко покачиваясь из стороны в сторону и устремив взгляд в небытие, разверзшееся на стене, словно пожарные только что нанесли ей страшный удар по голове. Язык женщины ворочался во рту, а глаза, казалось, пытались что-то вспомнить, и вот они вспомнили, и язык снова зашевелился:

— Будьте мужчиной, мастер Ридли. Милостью Божьей мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которую, надеюсь, никогда не загасить¹.

— Хватит! — сказал Битти. — Где они?

С поразительным бесстрашием он ударил ее по лицу и повторил вопрос. Глаза старой женщины сфокусировались на Битти.

— Вы знаете, где они, иначе вас не было бы здесь, — молвила она.

Стоунмен протянул карточку телефонной тревоги, на обороте которой был продублирован текст доноса:

---

¹ Слова, сказанные епископом вустерским Хью Латимером (1485?—1555) лондонскому епископу Николасу Ридли (1500—1555), когда их сжигали на костре в Оксфорде по обвинению в ереси 16 октября 1555 года. Истинной причиной обвинения был отказ протестантских священников, видных деятелей Реформации, отречься от протестантизма после восстановления католицизма в Англии при Марии I Тюдор.

«Имею основания подозревать чердак. Дом №11, улица Вязов, Город. Э. Б.»

— Это, должно быть, госпожа Блейк, моя соседка, — сказала женщина, прочитав инициалы.

— Ладно, ребята, пошли заберем их.

Уже через секунду они были наверху, в затхлой темноте, круша серебряными топориками двери, которые вовсе не были заперты, и вваливаясь в комнаты, как мальчишки, с криком и гиканьем.

— Гей!

На Монтага, с дрожью в сердце поднимавшегося по крутой лестнице, обрушился целый фонтан книг. Как все неловко! Раньше это было не труднее, чем задуть свечу. Первыми приезжали полицейские, заклеивали жертве рот липкой лентой, связывали и увозили в своих блестящих жучьих машинах, так что, когда ты появлялся, дом был уже пуст. И ты никого не мучил, ты мучил одни лишь вещи. А поскольку на самом деле вещи не могут страдать, поскольку они не чувствуют боли, не визжат и не хнычут, как эта женщина, которая вот-вот завопит или расплачется, то потом твою совесть ничего не тревожило. Это была обыкновенная приборка. В сущности, работа дворника, а не пожарного. Всё расставили по местам! Керосин, быстро! У кого спички?

Сегодня, однако, кто-то там недосмотрел. Эта женщина нарушила весь ритуал. Поэтому пожарные делают так много шума, смеются, шутят, — делают все, чтобы заглушить жуткое осуждающее молчание, царящее внизу. **ОНА ЗАСТАВИЛА ПУСТОТУ КОМНАТ ИЗОЙТИ ОБВИНИТЕЛЬНЫМ РЕВОМ И ВЫТЯХНУЛА В ВОЗДУХ ТОНЧАЙШУЮ ПЫЛЬ ВИНЫ, КОТОРУЮ СНУЮЩИЕ ПО ДОМУ ЛЮДИ НЕВОЛЬНО ВТЯГИВАЛИ НОЗДРЯМИ. ЭТО НЕЧЕСТНО! НЕПРАВИЛЬНО!** Монтаг испытал невероятную ярость. Что бы там ни было, эта женщина не должна находиться здесь!

Книги бомбардировали его плечи, руки, его обращенное кверху лицо. Одна из книг чуть ли не послушно опустилась в его ладони, как белый голубь, трепеща крыльями. В рассеянном колеблющемся свете мелькнула открывшаяся страница, и это было как взмах белоснежного пера с бережно нанесенными на него словами. В суматохе и горячке у Монтага был всего миг, чтобы прочесть строку, но она полыхала в его мозгу целую минуту, словно выжженная огненным стальным клеймом:

«Само время уснуло в лучах полуденного солнца»¹.

Он выронил книгу, и тут же ему в руки упала новая.

---

¹ Строка из сборника эссе «Деревня грез» шотландского поэта Александра Смита (1830—1867).

— Монтаг, поднимайся сюда!

Рука Монтага сомкнулась на книге, словно жадный рот; он с диким самозабвением стиснул ее, с безрассудством сумасшедшего прижал к своей груди. Мужчины наверху швыряли ворохи журналов в пыльный воздух. Они падали, как битая птица, а женщина стояла внизу — маленькая девочка среди недвижимых тушек.

Сам Монтаг ничего не сделал. Все сделала рука. Его рука, у которой был свой собственный мозг, своя совесть и любопытство в каждом дрожащем пальце, превратилась в воровку. Она нырнула с книгой под другую руку, прижала к пропахшей потом подмышке и выскочила наружу уже пустой, с показной невинностью фокусника: смотрите! Ничего нет! Смотрите же!

Потрясенный, разглядывал он эту белую руку. Отводил ее подальше, словно был дальнзорким. Подносил к самому лицу, словно слепец.

— Монтаг!

Он вздрогнул и обернулся.

— Не стой там как идиот!

Теперь книги лежали вокруг него грудями свежей рыбы, вываленной для просушки. Мужчины танцевали на этих кучах, оскальзывались, валились на книги. Поблескивали золотые глаза названий на корешках, томики падали, глаза угасали.

— Керосин!

Они стали выкачивать холодную жидкость из баков с цифрами 451, притороченных за плечами. Они обдали каждую книгу, залили доверху каждую комнату.

После этого все торопливо спустились вниз. Последним, спотыкаясь в керосиновом чаду, шел Монтаг.

— Женщина, выходим!

Она стояла на коленях среди книг, водила руками по набрякшим кожаным и картонным переплетам, словно читая пальцами золоченые названия, а глаза ее осуждающе смотрели на Монтага.

— Вам никогда не заполучить моих книг, — произнесла она.

— Вы знаете закон, — сказал Битти. — Где же ваш здравый смысл? Все эти книги противоречат друг другу. Столько лет просидеть взаперти наедине с самой настоящей Вавилонской башней, черт бы ее побрал! Бросьте вы эту дурь! Людей, что описаны в ваших книгах, никогда не существовало. Ну, выходите же!

Женщина покачала головой.

— Сейчас заполыхает весь дом, — сказал Битти.

Мужчины начали неуклюже пробираться к выходу. Они оглядывались на Монтага, по-прежнему стоявшего рядом с женщиной.

— Вы же не оставите ее здесь? — запротестовал он.

— Она сама не хочет уходить.

— Тогда выведите ее силой!

Битти поднял руку с затаившимся в ней зажигателем.

— Нам пора назад, на станцию. И потом, эти фанатики всегда норовят покончить жизнь самоубийством. Так у них водится.

Монтаг положил руку женщине на локоть.

— Вы можете пойти со мной.

— Нет, — ответила она. — Но во всяком случае спасибо.

— Считаю до десяти, — предупредил Битти. — Раз. Два...

— Пожалуйста, — попросил Монтаг.

— Продолжайте, — сказала женщина.

— Три. Четыре...

— Ну же. — Монтаг потянул женщину за рукав.

— Я хочу остаться, — тихо ответила она.

— Пять. Шесть...

— Можете дальше не считать, — сказала женщина. Она слегка разжала пальцы — на ладони лежал один-единственный тонкий длинный предмет.

Обыкновенная кухонная спичка.

Одного ее вида оказалось достаточно, чтобы мужчины выскочили наружу и бросились прочь от дома. Капитан Битти, стараясь сохранить достоинство, медленно попятился из парадной двери;

его розовое лицо блестело и пылало отблесками тысяч пожаров и волнующих ночных приключений.

«Господи, — подумал Монтаг, — истинная правда! Тревоги всегда бывают только ночью! А днем — никогда! Не потому ли, что ночью пожар лучше смотрится? Эффектное зрелище, настоящее шоу...»

Розовое лицо остановившегося в дверном проеме Битти изображало легкую панику. Пальцы женщины сомкнулись на одной-единственной спичке. Вокруг нее пышным цветком распускалось облако керосиновых паров. Монтаг чувствовал, как спрятанная книга бьется о грудь, как второе сердце.

— Продолжайте, — повторила женщина.

Монтаг почувствовал, как пятится назад, все дальше и дальше от двери, потом следом за Битти вниз по лестнице, через газон, на котором, как путь зловещей улитки, лежал керосиновый след.

Женщина неподвижно стояла на крыльце, куда она вышла, чтобы смерить их долгим спокойным взглядом; само ее спокойствие было приговором.

Битти щелкнул пальцами, чтобы искрой зажигателя воспламенить керосин.

Но он опоздал. Монтаг замер с открытым ртом.

Облив их всех презрением, женщина на крыльце чиркнула кухонной спичкой о перила.

Из всех домов на улице выбегали люди.

По дороге на станцию они не произнесли ни слова. Никто ни на кого не смотрел. Монтаг сидел на переднем сиденье с Битти и Блэком. Они даже не раскурили своих трубок. Все неотрывно смотрели вперед. Огромная «саламандра» обогнула очередной угол и бесшумно помчалась дальше.

— Мастер Ридли, — наконец сказал Монтаг.

— Что? — спросил Битти.

— Она сказала: «Мастер Ридли». Когда мы вошли, она произнесла какую-то безумную фразу. «Будьте мужчиной, мастер Ридли», — сказала она. И что-то такое еще, что-то такое, что-то...

— «Милостью Божьей мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которую, надеюсь, никогда не загасить», — проговорил Битти.

Стоунмен в изумлении поглядел на Капитана, Монтаг тоже. Битти потер подбородок.

— Это сказал человек по имени Латимер человеку по имени Николас Ридли, когда их заживо сжигали на костре за ересь в Оксфорде шестнадцатого октября тысяча пятьсот пятьдесят пятого года.

Монтаг и Стоунмен снова устались на мостовую, убегающую под колеса машины.

— Я весь набит разными цитатами, обрывками фраз, — сказал Битти. — Этим отличаются, в большинстве своем, все пожарные капитаны. Иногда я просто сам себе удивляюсь. Эй, Стоунмен, не зевай!

Стоунмен резко затормозил.

— Черт! — воскликнул Битти. — Ты проскочил угол, где мы сворачиваем к пожарной станции.

— Кто там?

— А кто еще тут может быть? — отозвался в темноте Монтаг, прислонясь спиной к закрытой двери.

Его жена, помолчав, сказала:

— Зажги хотя бы свет.

— Он мне не нужен.

— Тогда иди спать. — Он услышал, как она нетерпеливо заворочалась на кровати; пружины пронзительно взвизгнули. — Ты пьян? — спросила она.

Итак, все началось с его руки. Он почувствовал, как его пальцы, сперва одной руки, потом другой, расстегнули куртку и дали ей тяжело упасть на пол. Он подержал брюки над черной бездной и позволил им упасть во мрак. Его кисти подхватили заразную болезнь, и скоро она перейдет на предплечья. Он мог представить, как яд поднимается по запястьям, проникает в его локти, плечи, а затем — раз! — и перескок с лопатки

на лопатку, словно электрический разряд в пустоте. Его руки изголодались. И глаза тоже начали испытывать голод, словно им обязательно нужно было смотреть на что-то, на что-нибудь, на все что угодно...

— Что ты там делаешь? — спросила жена.

Он балансировал в пространстве, помогая себе книгой, которую сжимал холодными потными пальцами.

Спустя минуту она произнесла:

— Ну хотя бы не стой так посреди комнаты. — Он немо сказал что-то. — Что? — спросила жена.

Монтаг произнес еще несколько беззвучных слов, подошел неверным шагом к кровати и кое-как засунул книгу под холодную подушку. Затем повалился на кровать, и жена в испуге вскрикнула. Он лежал далеко-далеко от нее, у другой стены комнаты, на зимнем острове, отделенном от всего мира пустым пространством моря. Жена разговаривала с ним, ему казалось, она говорит уже довольно давно, она толковала о том, толковала о сем, однако это были только слова, похожие на те словечки, которые он слышал когда-то в детской у одного своего друга: двухлетний малыш пытался строить фразы, лепетал на понятном лишь ему языке, и звучало это довольно приятно. Монтаг ничего не говорил в ответ, а спустя время, когда он опять произнес что-то беззвучное, он почувствовал движение в комнате: жена по-

дошла к его кровати, встала над ним и опустила руку, чтобы коснуться щеки. Монтаг понял, что, когда она отвела руку от его лица, ее ладонь была мокрой.

Поздно ночью он посмотрел на жену. Она не спала. В воздухе тихонько танцевала мелодия — уши Милдред опять были заткнуты «ракушками», она слушала далеких людей из далеких краев, а взгляд ее широко распахнутых глаз пронизывал пучину тьмы, открывшуюся вверху, в потолке.

Как там в старом анекдоте? Жена так долго болтала по телефону, что ее муж, отчаявшись, побежал в ближайший магазин и, только позвонив оттуда, узнал, что будет дома на обед. А что, почему бы ему не купить себе широковещательную «ракушечную» станцию, чтобы говорить с женой по ночам? Мурлыкать ей, шептать, кричать, вопить, орать... Только вот о чем шептать? О чем кричать? Что он мог ей сказать?

Неожиданно она показалась ему совершенно чужой, он даже поверить не мог, что знал ее когда-то. Он был в чьем-то чужом доме, как в том анекдоте, что часто рассказывают люди, — о пьяном джентльмене, который пришел домой поздно ночью, открыл не ту дверь, вошел не в ту комнату, лег в постель с незнакомой женщиной, а утром, встав пораньше, ушел на работу, и никто из них так ничего и не понял.

— Милли... — прошептал он.

— Что?

— У меня и в мыслях не было пугать тебя.

Я просто хотел спросить...

— Ну?

— Когда мы с тобой встретились? И где?

— Когда мы встретились — *для чего?* — спросила она.

— Я имею в виду, в самом начале.

Он знал, что она хмурится, лежа в темноте.

— Наша первая встреча, — пояснил он, — где это было и когда?

— Ну, это было... — Она замялась. — Я не знаю.

Он похолодел.

— Не можешь вспомнить?

— Это было так давно...

— Всего десять лет назад. И только-то. Всего десять лет!

— Да не волнуйся ты так, я просто пытаюсь вспомнить. — Ее стал разбирать странный высокий смех, звук которого становился все тоньше и тоньше. — Как забавно. Нет, правда, забавно — не помнить, где и когда ты встретил свою мужнюю жену!

Он лежал, медленно массируя себе веки, лоб, шею. Прикрыв ладонями глаза, он стал равномернo жать на глазные яблоки, словно пытаюсь вдавить память на место. Почему-то важнее всего на

свете сейчас было вспомнить, где он встретился с Милдред.

— Это не имеет значения. — Она уже встала и прошла в ванную. Монтаг услышал журчание льющейся воды и звук глотка.

— Пожалуй, что не имеет, — согласился он.

Он попытался сосчитать, сколько таких глотков она сделала, и вспомнил о визите двух мужчин с бледными, словно белеными окисью цинка, лицами, с сигаретами в уголках тонких губ и электронноглазой змеей, которая, извиваясь, слой за слоем пронизывала ночь, камень, застоявшуюся весеннюю воду, и ему захотелось крикнуть Милдред: «Сколько ты их приняла сегодня вечером? Этих своих капсул? И сколько примешь еще, не сумев сосчитать? Так и будешь глотать каждый час? Ну, не этой ночью, так следующей! А мне опять не спать — ни этой ночью, ни завтрашней, мне теперь вообще не спать ночами, раз уж это началось...» Он вспомнил, как она лежала на кровати, а над ней столбами стояли те два техника, именно столбами, ни разу не склонились заботливо, все стояли и стояли, сложив на груди руки. И еще он вспомнил, как подумал тогда, что, если она умрет, он, конечно же, не станет плакать, потому что это будет смерть совершенно незнакомого человека, так, лицо в толпе, газетная фотография, и вдруг все показалось ему таким неправильным, таким гадким, что он

начал плакать, но не потому, что смерть, а потому, что ему пришла в голову сама эта мысль: она умрет, а я не заплачу, — глупый пустой человек рядом с глупой пустой женщиной, которую голодная змея делала еще более пустой, еще более пустой...

«И когда же ты опустела? — задумался он. — Кто вынимает из тебя содержимое? А еще тот ужасный цветок, одуванчик! Он-то и подвел подо всем черту, разве нет? «Какой позор! Вы ни в кого не влюблены». А что в этом такого?

Если уж на то пошло, разве нет стены между ним и Милдред? Буквальной стены, и не одной, а целых трех? *Пока трех?* И таких дорогих! Все эти дядюшки, тетушки, кузены и кузины, племянники и племянницы, они просто живут в этих стенах, болтливая стая древесных павианов, которые не говорят ничего, ничего, ничего, но зато говорят громко, громко, громко! С самого первого дня он прозвал их «родственниками». «Как сегодня поживает дядюшка Луис?» — «Кто?» — «А тетушка Мод?» На самом деле, он чаще всего представлял себе Милдред в образе маленькой девочки в лесу, лишенном деревьев (как странно!), или даже маленькой девочки, затерявшейся на горном плато, где деревья когда-то были (память об их стволах и кронах еще чувствовалась вокруг): именно так воспринималась она, когда сидела посреди своей телевизионной гостиной. «Гостиная». Вот уж

точное подобрали словечко! Когда бы он ни зашел туда, Милдред всегда вела разговоры с «гостями» на стенах:

«Надо что-то делать!»

«Да, надо что-то *делать!*»

«Так что же мы стоим и говорим?»

«Давайте *сделаем* это!»

«Я так взбешен, что хочется *плевать*ся!»

О чем все это? Милдред не могла объяснить. Кто был взбешен и из-за кого? Милдред не вполне понимала. Что именно они собирались делать? «Да ладно тебе, — говорила Милдред, — оставайся здесь и жди, сам все увидишь».

Он оставался и ждал.

Со стен на него обрушивалась страшная гроза звуков. Музыка бомбардировала его с такой силой, что, казалось, кости выдирались из сухожилий; он чувствовал, как вибрируют челюсти, как болтаются в глазницах глаза. Он был готовым пациентом для больницы, диагноз: сотрясение мозга. Когда все стихало, он чувствовал себя как человек, которого сбросили со скалы, потом раскрутили в центрифуге, потом выплюнули в водопад, а водопад этот несся, несся, несся в пустоту, пустоту, пустоту и никогда — не — достигал — дна — никогда — так — и — не — достигал — дна — никогда — никогда — так — и — не — достигал — так — и — не — так — достигал — дна... и ты падал так стремительно, что не

успевал дотянуться до стен... вообще... ни до чего... не успевал... дотянуться.

Гроза стихала. Музыка приходил конец.

— Вот, — говорила Милдред.

Это и впрямь было замечательно. Пока играла музыка, что-то успевало произойти. Пусть люди на стенах почти не сдвигались со своих мест, пусть они ни до чего не могли договориться, все равно возникало ощущение, будто кто-то запустил стиральную машину или всосал тебя гигантским пылесосом. Ты буквально тонул в музыке, захлебывался в чистой какофонии звуков. Монтаг выскакивал из гостиной в поту и на грани коллапса. За его спиной Милдред удобнее устраивалась в кресле, и голоса продолжали:

«Ну, теперь все будет в порядке», — говорила «тетушка».

«О, не будь столь самоуверенна», — откликался «кузен».

«Не сердись!»

«Кто сердится?»

«Ты!»

«Я?»

«Ты сошел с ума!»

«Почему это я сошел с ума?»

«Потому что!»

— Все это очень хорошо! — кричал Монтаг. — Но с чего им сходить с ума? И кто они, эти

люди? Кто вот этот мужчина и кто эта женщина? Они что, муж и жена? Или в разводе? Или обручены? Что с ними происходит? Великий Боже, ничто ни с чем не увязывается!

— Они... — поясняла Милдред, — ну, они... в общем, они поссорились. Они часто ссорятся, это факт. Ты бы сам послушал. Мне кажется, они женаты. Да, точно женаты. Так что?

А если это были не три стены плюс четвертая, которая скоро появится, и тогда исполнятся все мечты, тогда это был открытый автомобиль, и Милдред гнала через весь город со скоростью сто миль в час, и он орал на нее, а она орала в ответ, и оба пытались расслышать, что ему или ей говорят, но слышали только рев мотора.

«Ну хотя бы сбрось до минимума!» — вопил он. «Что?» — кричала она. «Сбавь до пятидесяти пяти, до минимума!» — орал он. «До чего?» — визжала она. «Скорость!» — вопил он. Она давила на педаль и доводила скорость до ста пяти миль в час, и встречный ветер вышибал из Монтага дух.

Когда они выходили из машины, в ушах у жены опять появлялись «ракушки».

Тишина. Только легкие дуновения ветра.

— Милдред. — Он пошевелился на кровати.

Протянув руку, Монтаг выдернул из ее уха крохотное музыкальное насекомое.

— Милдред. Милдред!

— Да? — Тихий голос в ответ.

Ему казалось, он превратился в одно из тех созданий, что втиснуты электроникой в щели цветозвуковых стен; он говорил, но речь его не проникала сквозь хрустальный барьер. Оставалось только жестикулировать — в надежде, что жена обернется и увидит его. Но коснуться друг друга сквозь стекло они не могли.

— Милдред, ты знаешь ту девушку, о которой я тебе рассказывал?

— Какую девушку? — Она почти уже спала.

— Девушку из соседнего дома.

— Какую девушку из соседнего дома?

— Ну ты знаешь, школьницу. Кларисса, так ее зовут.

— О, да, — ответила жена.

— Я уже несколько дней ее не вижу. Четверо суток, если быть точным. Ты ее не встречала?

— Нет.

— Я давно хотел поговорить с тобой о ней. Довольно странная девушка.

— О, да, я знаю, о ком ты.

— Я так и думал.

— Ее... — начала Милдред в темноте комнаты.

— Что — «ее»? — спросил Монтаг.

— Я хотела сказать тебе... Забыла. Совсем забыла.

— Так скажи сейчас. В чем дело?

— Я думаю, ее больше нет.

— Нет?

— Вся семья переехала куда-то. Но ее совсем нет. Я думаю, она умерла.

— Вряд ли мы говорим об одной и той же девушке.

— Нет. Именно та самая. Макклеллан. Макклеллан. Ее сбила машина. Четыре дня назад. Я не уверена, но кажется, она умерла. Так или иначе, ее семья отсюда уехала. Не знаю. Но думаю, она умерла.

— Ты же сказала, что не уверена в этом!

— Да, не уверена. Нет, почти уверена.

— Почему ты мне раньше не сказала?

— Забыла.

— Всего четыре дня назад!

— Я совсем забыла об этом.

— Четыре дня назад, — тихо сказал он, лежа в кровати.

Они оба лежали во мраке комнаты совершенно недвижно, никто из них даже не пошевелился.

— Спокойной ночи, — сказала она.

Он услышал тихий шорох. Это двигалась ее рука. Она коснулась электрического наперстка, и он пополз по подушке, как крадущийся богомол. Вот он снова у нее в ухе, снова жужжит.

Он прислушался — жена что-то тихо напевала, затаив дыхание.

За окном шевельнулась тень, поднялся и стих осенний ветер. Однако Монтаг услышал что-то еще в этой тишине. Словно кто-то дохнул на окно снаружи. Словно промелькнул легкий завиток зеленоватого фосфоресцирующего дыма, словно одинокий большой лист, подгоняемый октябрьским ветром, пролетел над газоном и скрылся.

«Гончая, — подумал Монтаг. — Сегодня ночью ее выпустили на волю. Она где-то там. Если я открою окно...»

Но он не открыл окна.

Утром он почувствовал озноб и жар.

— Ты что, болен? — спросила Милдред.

Он сомкнул веки, удерживая жар внутри.

— Да.

— Но вчера вечером ты был в полном порядке.

— Нет, я не был в порядке. — Он слышал, как в гостиной орут «родственники».

Милдред стояла над кроватью, с любопытством разглядывая его. Он чувствовал ее присутствие, он видел ее, не открывая глаз, ее волосы, пережженные химикатами в хрупкую солому, ее глаза с невидимой, но угадываемой далеко-далеко за зрачками катарактой, ее покрашенные надутые губы, худую от диеты фигуру, похожую на богомола, белое, как соленое сало, тело. Он и не помнил ее другой.

— Не принесешь аспирина и воды?

— Тебе пора вставать, — сказала она. — Уже полдень. Ты проснулся на пять часов позднее обычного.

— Ты не выключишь гостиную? — попросил он.

— Это моя семья.

— Выключи ее ради больного человека.

— Я сделаю потише.

Она вышла, ничего в гостиной не сделала и вернулась.

— Так лучше?

— Спасибо.

— Это моя любимая программа, — сказала она.

— Как там с аспирином?

— Ты никогда раньше не болел. — Она снова вышла.

— А сейчас заболел. Я не пойду вечером на работу. Позвони за меня Битти.

— Ты был такой забавный вчера вечером. — Она вернулась, напевая что-то про себя.

— Где аспирин? — Он взглянул на стакан с водой, который она ему подала.

— Ох. — Она снова направилась в ванную. — Вчера что-нибудь случилось?

— Пожар, вот и все.

— Я прелестно провела вечер, — сказала она уже из ванной.

— Чем развлекалась?

— Гостиной.

— Что передавали?

— Программы.

— Какие?

— Лучшие из лучших.

— Кто играл?

— Ну, ты их знаешь, вся компания.

— Да-да, вся компания, вся компания, вся компания... — Он прижал пальцы к глазам, пытаясь утишить боль, и внезапно от запаха керосина его вырвало.

Милдред вошла, напевая.

— Зачем ты это сделал? — удивилась она.

Монтаг в ужасе уставился на пол.

— **МЫ СОЖГЛИ СТАРУЮ ЖЕНЩИНУ ВМЕСТЕ С ЕЕ КНИГАМИ.**

— Все-таки хорошо, что ковер отстирывается.

Она принесла тряпку и стала убирать.

— Вчера вечером я была у Элен.

— Разве нельзя было посмотреть программу в своей гостиной?

— Конечно, можно, но и в гости пойти приятно.

Она ушла в гостиную. Монтаг услышал, как она поет там.

— Милдред? — позвал он.

Она вернулась, напевая и слегка прицелкивая пальцами.

— Ты не хочешь спросить меня, что было вчера вечером?

— И что было вчера вечером?

— Мы сожгли тысячу книг. Мы сожгли женщину.

— Ну и?..

Гостиная разрывалась от звука.

— Мы сожгли книги Данте, и Свифта, и Марка Аврелия.

— Кажется, он был европейцем.

— Да, что-то в этом роде.

— И радикалом.

— Я его никогда не читал.

— Точно, радикалом. — Милдред стала возиться с телефоном. — Ты ведь не хочешь, чтобы я звонила Капитану Битти, правда?

— Как это не хочу? Ты *должна* позвонить!

— Не кричи!

— Я не кричал. — Он сел в постели, внезапно побагровев и трясясь от ярости. Гостиная ревела в жарком воздухе. — Я не могу звонить ему. Я не могу сказать, что болен.

— Почему?

Потому что ты боишься, подумал он. Ведешь себя, как ребенок, который притворяется больным. Боишься позвонить, потому что через секунду разговор повернет таким образом: «Да, Капитан, мне уже лучше. Буду в десять вечера!»

— Ты не болен, — сказала Милдред.

Монтаг откинулся на кровати. Пошарил рукой под подушкой. Спрятанная книга все еще была там.

— Милдред, что бы ты сказала, если бы я... ну, может быть... если бы я бросил работу... на какое-то время?

— Ты хочешь все бросить? После стольких лет работы ты хочешь все бросить, потому что однажды вечером какая-то женщина с ее книгами...

— Если бы только ты видела ее, Милли!

— Она мне никто! Нечего было держать у себя книги. Это целиком на ее ответственности. Раньше надо было думать. Ненавижу ее! Стоило ей задеть тебя за живое, как мы тут же, не успев оглянуться, вылетаем на улицу — и вот уже нет ни дома, ни работы, ничего!

— Ты не была там, ты не *видела*, — сказал он. — В этих книгах, должно быть, есть что-то такое, чего мы и представить не можем, раз эта женщина осталась из-за них в горящем доме. Что-то в них действительно должно быть. Просто так человек не останется в горящем доме.

— У нее на большее ума не хватило.

— Ума у нее было столько же, сколько у тебя или у меня, может, даже больше, а мы ее сожгли.

— Эта вода уже утекла.

— Нет, не вода, это огонь. Ты когда-нибудь видела сгоревший дом? Он тлеет еще много дней. Ну а этого огня мне хватит до конца жизни. **госпо-**

ДИ! ДА Я ВСЮ НОЧЬ ПЫТАЛСЯ В МЫСЛЯХ ПОТУШИТЬ ЭТОТ ПОЖАР. ЧУТЬ С УМА НЕ СОШЕЛ.

— Ты должен был обдумать все это до того, как пошел в пожарные.

— «Обдумать!»! — воскликнул он. — Разве у меня был выбор? Мой дед и отец были пожарными. Я спал и видел, как пойду по их стопам.

Гостиная играла танцевальную мелодию.

— Сегодня у тебя дневная смена, — сказала Милдред. — Ты должен был уйти два часа назад. Я только сейчас обратила внимание.

— Дело не только в той женщине, которая там погибла, — продолжал Монтаг. — Вчера вечером я задумался, сколько же керосина я израсходовал за эти десять лет. И еще я задумался о книгах. Впервые в жизни я осознал, что за каждой из этих книг стоит человек. Человек, который придумал книгу, который потратил уйму времени, чтобы изложить свои мысли на бумаге. Раньше мне ничего подобного в голову не приходило.

Он встал с кровати.

— Может быть, какой-то человек потратил целую жизнь на изучение окружающего мира, природы, людей, а потом занес кое-какие свои мысли на бумагу, и тут прихожу я, две минуты — бум! — и все кончено!

— Оставь меня в покое, — сказала Милдред. — Я ничего не сделала.

— Оставить тебя в покое? Очень хорошо, но как мне оставить в покое себя? Нас нельзя оставлять в покое. Надо, чтобы мы хоть когда-нибудь о чем-то тревожились. Вот скажи, как давно ты *по-настоящему* беспокоилась о чем-то? О чем-то важном? О чем-то реальном?

И тут он осекся, потому что вспомнил о том, что было на прошлой неделе, вспомнил два белых камня, уставившихся в потолок, и змею-насос с пытливым оком, и двух мыльнолицых мужчин с сигаретами, движущимися во ртах, когда они разговаривали. Но то была совсем другая Милдред, то была Милдред, спрятанная так глубоко внутри первой, полная такой тревоги, такого настоящего беспокойства, что эти женщины никогда не встречались. Он отвернулся.

— Ну вот, ты своего добился, — сказала Милдред. — Вон, прямо перед домом. Посмотри, кто к нам явился.

— Мне все равно.

— Только что подъехал «феникс», и мужчина в черной рубашке с оранжевой змеей на рукаве уже идет по дорожке к двери.

— Капитан Битти?— спросил он.

— Капитан Битти.

Монтаг не шелохнулся, он стоял, устремив взор в холодную белизну стены прямо перед собой.

— Впусти его, хорошо? Скажи, что я болен.

— Сам скажи! — Милдред побежала в одну сторону, потом в другую и вдруг замерла с широко открытыми глазами — динамик у входной двери тихо-тихо, едва слышно позвал ее по имени: «Госпожа Монтаг».

«Госпожа Монтаг, госпожа Монтаг, кто-то пришел, кто-то пришел, госпожа Монтаг, кто-то пришел...»

Голос динамика медленно угасал.

Монтаг убедился, что книга хорошо спрятана за подушкой, осторожно подобрался в постели, заняв полусидячее положение, и расправил одеяло, чтобы оно прикрыло ноги и половину груди. Немного помедлив, Милдред шевельнулась и вышла из комнаты, и тут же в спальню вразвалочку, засунув руки в карманы, прошествовал Капитан Битти.

— Заткните «родственников», — произнес Битти. Его взгляд окинул комнату, не остановившись ни на Монтаге, ни на его жене.

На этот раз Милдред выскочила из комнаты бегом. Голоса в гостиной, несшие всякие вздор, перестали орать.

Капитан Битти уселся в самое удобное кресло, его лицо излучало миролюбие. Неспешно набив свою медную трубку, он раскурил ее и выпустил огромное облако дыма.

— Вот, подумал, не заехать ли мне, чтобы навестить нашего больного.

— Как вы догадались?

Битти улыбнулся своей обычной улыбкой, которая демонстрировала конфетную розоватость десен и конфетную белизну мелких зубов.

— От меня не скроешься. Ты собирался позвонить мне и попросить отгул на одну ночь.

Монтаг сел в кровати.

— Ну так и бери этот отгул! — сказал Битти.

Он уставился на свой зажигатель, этот вечный спичечный коробок, на крышке которого было написано: «ГАРАНТИРУЕТСЯ МИЛЛИОН ЗАЖИГАНИЙ», и принялся рассеянно чиркать химической спичкой — загасил, щелкнул, загасил, щелкнул, бросил несколько слов, загасил, щелкнул, посмотрел на пламя, загасил, посмотрел на дымок.

— Когда поправишься?

— Завтра. Может быть, послезавтра. В начале той недели.

Битти попыхивал трубкой.

— Все пожарные рано или поздно сталкиваются с этим. Все, что им нужно, — это понять, что к чему, понять, как крутятся колесики. И еще надо знать историю нашей профессии. Ее больше не преподают новичкам, как раньше. Позор, черт побери! — Пых-пых. — В наши дни только пожарные начальники и помнят ее. — Пых-пых. — Ладно, я введу тебя в курс дела.

Милдред беспокойно заерзала.

Целую минуту Битти усаживался поудобнее, обдумывая то, что собирался сказать.

— Когда же все это началось, спросишь ты, с чего пошла наша профессия, как она стала тем, чем стала, где, почему? Ну, я бы сказал, что по-настоящему она началась во времена той заварухи, которую называют Гражданской войной, хотя наши уставные книжки утверждают, будто основа была заложена гораздо раньше. Факт остается фактом: наши дела не особенно ладились, пока фотография не заявила о своих правах. Затем — кино в начале двадцатого столетия. Радио. Телевидение. Вещи стали завоевывать массы.

Монтаг сидел на кровати не двигаясь.

— А поскольку вещи обрели массовость, они стали проще, — продолжил Битти. — Когда-то книги адресовались немногим — кому-то здесь, кому-то там, кому-то где-нибудь еще. Поэтому книги могли позволить себе отличаться друг от друга. Мир был просторным. Но затем мир заполнился глазами, локтями и ртами. Население удвоилось, утроилось и учетверилось. Фильмы, радиопередачи, журналы, книги — все свелось к единой норме, уподобилось тесту для пудинга. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Думаю, что да.

Битти уставился на узор табачного дыма, образовавшийся в воздухе.

— Вообрази себе. Вот человек девятнадцатого столетия, с его лошадьми, собаками, повозками, медленным движением. А вот век двадцатый — ускорь съемку. Книги урезаются. Сжатый стиль.

Дайджесты. Таблоиды. Все сводится к плоским шуткам, комиксам, простейшим концовкам.

— Простейшим концовкам, — кивнула Милдред.

— **СНАЧАЛА КЛАССИКОВ УРЕЗАЛИ ДО ПЯТНАДЦАТИМИНУТНОГО РАДИОШОУ, ЗАТЕМ СНОВА УРЕЗАЛИ – ДО КОЛОНКИ В КНИГЕ, НА ЧТЕНИЕ КОТОРОЙ УХОДИТ ДВЕ МИНУТЫ, И НАКОНЕЦ ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ СТАТЬЕЙ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ИЗ ДЕСЯТИ ИЛИ ДВЕНАДЦАТИ СТРОК.** Конечно, я преувеличиваю. Словари предназначались для справок. Но находилось все больше людей, чье представление о «Гамлете»... — ты, Монтаг, конечно, знаешь это название; а вот для вас, госпожа Монтаг, оно, скорей всего, не более чем где-то слышанное слово, — так вот, чье представление о «Гамлете», как я уже сказал, было почерпнуто из одной-единственной странички текста в книге дайджестов, которая взывала: *«Теперь вы наконец-то сможете прочесть всех классиков! Не отставайте от своих соседей!»* Понимаешь? Из яслей в колледж и обратно в ясли — вот схема интеллектуального движения, которая сохраняется последние пять столетий или около того.

Милдред поднялась и стала расхаживать по комнате, она брала в руки то одну вещь, то другую и тут же ставила их на место.

Битти не удостоил ее даже взгляда и продолжил:

— А теперь, Монтаг, крути фильм еще быстрее. Быстрее! «Щелк», «Тик», «Так», «Трюк», «Крик», «Взгляд», «Глаз», «Нос», «Здесь», «Там», «Темп», «Стой», «Вверх», «Вниз», «Вбок», «Из», «Где», «Как», «Чем», «Кто», «Что». А? На! Бух! Чмок! Трах! Бим! Бом! Бум! Дайджесты. Дайджесты дайджестов. Дайджесты дайджестов дайджестов. Что? Политика? Одна колонка, две фразы, заголовок! И тут же все растворяется в воздухах! Раскрути человеческий разум волчком, наподдай ему крепкими руками издателей, рекламщиков, радиовещателей, взвихри его так, чтобы с этой центрифуги слетели прочь все ненужные мысли, даром тратящие время!..

Милдред разгладила простыню. Монтаг ощутил, как скакнуло его сердце, и скакнуло еще раз, когда жена похлопала по подушке. Вот она уже тянет Монтага за плечо, она хочет подвинуть его, взять подушку, взбить ее попышнее и вернуть на место. И тогда она, наверное, вскрикнет и уставится на то, что лежит за подушкой, или просто протянет руку и спросит: «Что это?» — а затем с трогательным простодушием вытащит спрятанную книгу.

— Школьные программы сокращены, дисциплина упала, всякие там философии, истории, языки выброшены на свалку. Английскому и правописанию постепенно придавали все меньше значения и в конце концов это значение вовсе свели к нулю. Жить — сейчас, если работаешь — тебя уважают, после работы — какие угодно удовольствия. Зачем учиться чему-то еще, кроме нажимания кнопок, щелканья переключателем и завинчивания гаек?

— Дай я поправлю подушку, — сказала Милдред.

— Нет! — прошептал Монтаг.

— Молния вытесняет пуговицу, а человеку как раз этой малости времени и не хватает, чтобы призадуматься, когда он одевается на рассвете. Где они, эти философские и потому меланхолические минуты?

— Вот здесь поправлю, — сказала Милдред.

— Отстань, — шепнул Монтаг.

— Жизнь — это большая банановая кожа, Монтаг, ты поскальзываешься на ней и со всего маху прикладываешься задницей — шлеп! — а все вокруг надрывают животики — ха-ха-ха, ой-ей-ей, ух ты!..

— Ух ты, — сказала Милдред, дергая за подушку.

— Ради бога, оставь меня в покое! — с жаром закричал Монтаг.

Битти широко распахнул глаза.

Рука Милдред застыла за подушкой. Ее пальцы ошупывали контуры книги, и как только предмет обрел знакомые очертания, удивление на лице жены сменилось остолбенелостью. Ее рот открылся, чтобы выпалить вопрос...

— Изгоните из театров всех, кроме клоунов, оборудуйте комнаты стеклянными стенами, пусть по ним вверх-вниз летают веселенькие цветные пятна, словно конфетти, или кровь, или херес, или сотерн. Ты ведь любишь бейсбол, правда, Монтаг?

— Бейсбол — хорошая игра.

Битти уже совсем не было видно, его голос доносился откуда-то из-за дымовой завесы.

— Что это? — спросила Милдред едва ли не с восторгом.

Монтаг навалился спиной на ее руки.

— Что это здесь такое? — повторила она.

— Сядь! — заорал Монтаг. Жена отскочила назад с пустыми руками. — Мы же разговариваем!

Битти продолжал как ни в чем не бывало:

— Кегли тебе тоже нравятся, Монтаг?

— Да, и кегли нравятся.

— А гольф?

— Гольф — хорошая игра.

— Баскетбол?

— Хорошая игра.

— А бильярд — например, пул? Или футбол?

— Хорошие игры, все до единой.

— Больше спорта для каждого, групповой дух, развлечения, и тогда совсем не надо думать, а? Организуйте, переорганизуйте и суперорганизируйте спорт, суперсуперспорт! Больше комиксов в книжках. Больше картинок. Меньше пищи для ума, еще меньше!

Нетерпение. На скоростных шоссе толпы, все едут и едут куда-то, куда-то и куда-то. Никуда-то! Бензиновые беженцы! Города превращаются в мотели, люди кочевыми волнами, как приливы и отливы, перемещаются с места на место, подчиняясь движению Луны, сегодня вечером кто-то въезжает в комнату, где днем спал ты, а прошлой ночью я.

Милдред вышла из комнаты, хлопнув дверь. В гостиной настенные «тетушки» начали смеяться над настенными «дядюшками».

— Теперь возьмем меньшинства в нашей цивилизации, идет? Чем больше население, тем больше меньшинств. Упаси вас Бог наступить на любимую мозоль обожателям собак, обожателям кошек, врачам, адвокатам, торговцам, племенным вождям, мормонам, баптистам, унитариям, китайцам второго поколения, шведам, итальянцам, техасцам, бруклинцам, ирландцам, людям из Орегона или Мексики. За персонажами данной книги, данной пьесы, данного телесериала

ни в коем случае не стоят какие-нибудь реальные художники, картографы или механики, пусть даже живущие очень далеко. Запомни, Монтаг, чем больше рынок, тем меньше возможностей улаживать противоречия. Все эти меньше-меньшего-меньшинства лучше обходить стороной, не ровен час заденешь чей-нибудь пупок. Авторы с дурными мыслями, заприте ваши пишущие машинки! Они так и сделали! Журналы превратились в смесь ванили с манной кашей, а книги, по утверждению критиков, — в помой. Неудивительно, говорили эти чертовы снобы, что книги перестали продаваться. Но публика прекрасно знала, что ей нужно; радостно кружась в вихре развлечений, она сделала выбор, и комиксы выжили. А вместе с ними, разумеется, и секс-журналы с трехмерными изображениями. Вот мы и имеем то, что имеем, Монтаг. Никакого правительственного нажима сверху. Никаких официальных заявлений и деклараций. Начать с того, что и никакой цензуры тоже не было, нет! Технология, массовая реклама и давление со стороны меньшинств — вот и весь фокус. И слава богу, что это так! Сегодня, благодаря этому, можно все время быть счастливым, тебе позволено читать комиксы, старые добрые исповеди и профессиональные журналы.

— Хорошо, но что же все-таки насчет пожарных? — спросил Монтаг.

— А, — Битти подался вперед в легком тумане табачного дыма. — Что ж тут объяснять? Нет ничего проще и нет ничего естественнее. Вместо того чтобы выпускать исследователей, критиков, знатоков и творцов, школы стали штамповать все больше и больше бегунов, прыгунов, пловцов, борцов, летунов, несунов, гонщиков, подгонщиков, хватателей и стяжателей, и слово «интеллектуал», конечно же, стало бранным словом, как оно и заслуживало. Человек всегда страшится неведомого. Вспомни, Монтаг, наверняка у тебя в классе был мальчик, который отличался исключительной толковостью, всегда тянул руку и больше всех отвечал на уроках, в то время как остальные сидели свинцовыми истуканами и ненавидели его. И разве не этого толкового мальчика вы лупцевали и мучили после уроков? Конечно, его. Мы все должны быть на одно лицо. Никто не рождается свободным и равным, как гласит Конституция, все *делаются* равными. Если каждый — зеркальное отражение всех остальных, тогда и счастливы все без исключения, потому что вокруг нет горных вершин, заставляющих людей съезживаться от страха, потому что не с кем мериться ростом. Вот так-то! А книга — это заряженное ружье в доме соседа. Сожги ее! Разряди ружье! Проломи соседу череп! Кто знает, кому выпадет стать мишенью для начитанного человека? Может быть, мне? Нет, я и минуты среди этой пу-

блики не выдержал бы! В общем, когда в конечном итоге дома сделали абсолютно огнеупорными, то необходимость в использовании пожарных на прежний манер отпала по всему миру, — ты был прав вчера вечером, предположив, что **РАНЬШЕ ПОЖАРНЫЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТУШИЛИ ПОЖАРЫ. ИМ ДАЛИ НОВУЮ РАБОТУ, ОНИ СТАЛИ ХРАНИТЕЛЯМИ НАШЕГО ДУШЕВНОГО РАВНОВЕСИЯ, СРЕДОТОЧИЕМ НАШЕГО ВПОЛНЕ ПОНЯТНОГО И ЗАКОННОГО СТРАХА ОКАЗАТЬСЯ НЕПОЛНОЦЕННЫМИ, ОНИ СТАЛИ НАШИМИ ОФИЦИАЛЬНЫМИ ЦЕНЗОРАМИ, СУДЬЯМИ И ИСПОЛНИТЕЛЯМИ ПРИГОВОРОВ.** Таков ты, Монтаг, и таков я.

Дверь в гостиную открылась, и на пороге застыла Милдред; она долго смотрела на них, сначала разглядывала Битти, затем Монтага. За ее спиной стены комнаты заливали желтые, зеленые, оранжевые фейерверки, они шипели и разрывались под музыку, в которой звучали почти исключительно ударные, тамтамы и цимбалы. Рот Милдред шевелился, она что-то говорила, но звук музыки покрывал все.

Битти выбил трубку в розовую ладонь и принялся внимательно разглядывать пепел, словно это был некий символ, в котором надлежало разобратся и найти скрытый смысл.

— Ты должен понять — наша цивилизация настолько обширна, что мы не можем допустить волнений и беспорядков среди наших меньшинств. Спроси себя, чего бы мы хотели в нашей

стране прежде всего? Люди хотят быть счастливыми. Разве не так? Разве не это ты слышишь всю свою жизнь? «Хочу быть счастливым», — говорит каждый. Ну и что, разве они несчастны? Разве мы не держим их в постоянном движении, не даем им развлечений? Ради этого мы и живем, правильно? Ради удовольствия, ради острых ощущений, так? И ты должен признать, что наша культура предоставляет все это в избытке.

— Да.

Монтаг был способен прочесть по губам, что именно говорит Милдред, стоя в дверном проеме. Он старался не смотреть на ее рот, потому что Битти в этом случае мог, чего доброго, обернуться и прочесть то же самое.

— **ЦВЕТНЫМ НЕ НРАВИТСЯ «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНЫЙ САМБО». СЖЕЧЬ ЕЕ. БЕЛЫМ НЕ ПО СЕБЕ ОТ «ХИЖИНЫ ДЯДИ ТОМА». СЖЕЧЬ ЕЕ. КТО-ТО НАПИСАЛ КНИГУ О ТАБАКЕ И РАКЕ ЛЕГКИХ? СИГАРЕТНАЯ ПУБЛИКА ПЛАЧЕТ? СЖЕЧЬ ЭТУ КНИГУ.** Безоблачность, Монтаг. Спокойствие духа, Монтаг. Выпихни весь разлад наружу. А еще лучше — отправь его в печь! Похороны? Невеселая штука и к тому же языческая. Упраздним и их. Человек умирает, и через пять минут он уже на пути в Большой Дымоход, вертолеты обслуживают Печи по всей стране. Через десять минут после смерти человек — всего лишь мазок черной пыли. Нечего жонглировать воспоминаниями о по-

чивших. Забудем их. Сожжем всех, сожжем все. Огонь ярк, и огонь чист.

Фейерверки в гостиной за спиной у Милдред погасли. В то же самое время по чудесному совпадению она умолкла. Монтаг затаил дыхание.

— В соседнем доме жила девушка, — медленно произнес он. — А теперь она исчезла. Думаю, умерла. Я даже не помню ее лица. Но она отличалась от всех. Как... как это с ней случилось?

Битти улыбнулся.

— Здесь ли, там ли, но такое должно происходить. Кларисса Макклеллан? У нас заведено досье на ее семью. Мы внимательно за ними наблюдали. Наследственность и среда — забавные вещи. За какие-нибудь несколько лет не так-то просто избавиться от всех чудаков. Домашнее окружение может сильно испортить то, что пытаются сделать школа. Вот почему мы год за годом снижали возраст приема в детские сады и теперь хапаем детишек едва ли не из колыбели. У нас было несколько ложных вызовов по Макклелланам, когда они жили в Чикаго. Мы так и не нашли у них хотя бы одной книги. В досье на дядю много чего есть, антиобщественный элемент. Сама девушка? Это была бомба замедленного действия. Судя по тому, что я видел в ее школьном досье, семья активно подпитывала ее подсознание, тут сомнений нет. Она вовсе не хотела знать, как сделана та или иная вещь, ее интересовало — по-

чему. Это сильно портит жизнь. Ты спрашиваешь «почему» да «отчего» по поводу всего на свете и в итоге навлекаешь на себя кучу неприятностей, если не умеешь остановиться. Для этой несчастной девочки даже лучше, что она умерла.

— Да, умерла.

— К счастью, чудилы, подобные ей, встречаются не часто. Мы знаем, как подавлять такие вещи в зародыше, на самой ранней стадии. Нельзя построить дом без дерева и гвоздей. Если ты не хочешь, чтобы дом был построен, спрячь гвозди и дерево. Если ты не хочешь, чтобы политика оборачивалась для человека бедой, сделай так, чтобы он не ломал голову, разглядывая дело с плохой и хорошей стороны. Покажи ему только одну сторону. А еще лучше — не показывай ни одной. Пусть он забудет, что на свете есть такая вещь, как война. Если правительство неэффективно, неустойчиво и помешалось на налогах, то пусть уж лучше оно таким и остается, чем народ начнет беспокоиться из-за всего этого. Душевное спокойствие, Монтаг. Дай народу всякие соревнования, пусть выигрывают те, кто помнит больше текстов популярных песен, или названий столиц штатов, или знает, сколько кукурузы вырастили в Айове в прошлом году. Впихивай в головы людей несгораемую информацию, набивай их под завязку «фактами», так, чтобы их распирало от этих проклятых фактов, но чтобы при этом они

считали себя «блестяще информированными». Они почувствуют, будто они думают, у них возникнет ощущение движения, хотя никакого движения и не будет. И тогда они будут счастливы, потому что те факты, которыми их набили, никогда не меняются. Не давай им такие скользкие материи, как философия или социология, которые увязывают вещи воедино. Это прямой путь к меланхолии. Каждый мужчина, который может разобрать телестену и потом собрать ее — а в наши дни на это способны большинство мужчин, — куда счастливее человека, который пытается подойти к вселенной с логарифмической линейкой, исчислить ее, измерить и выразить в уравнениях, поскольку вселенную невозможно измерить и исчислить без того, чтобы человек не ощутил при этом своей звериной сущности и одиночества. Я знаю, я пытался решать эти уравнения; ну их к черту! **ТАК ПУСТЬ БУДУТ КЛУБЫ И ВЕЧЕРИНКИ, АКРОБАТЫ И ФОКУСНИКИ, ОТЧАЯННЫЕ ГОНЩИКИ, РЕАКТИВНЫЕ МАШИНЫ, МОТОЦИКЛЕТНЫЕ ВЕРТОЛЕТЫ, СЕКС И ГЕРОИН – ПУСТЬ БУДЕТ БОЛЬШЕ ВСЕГО, ЧТО ТРЕБУЕТ ПРОСТЫХ АВТОМАТИЧЕСКИХ РЕФЛЕКСОВ!** Если спектакль плох, если фильм ни о чем мне не говорит, если пьеса пуста, тогда ужальте меня антенной терменвокса¹, да

---

¹ Терменвокс — электромузыкальный инструмент, изобретенный в 1920 году советским физиком и музыкантом Львом Сергеевичем Терменом (р. 1896).

так, чтобы звук был громким. Я подумаю, будто откликнулся на пьесу, а на самом деле мои дергания — всего лишь осязательная реакция на механические колебания. Но мне все равно. Я просто-напросто люблю ощутимые развлечения.

Битти поднялся.

— Мне пора идти. Лекция окончена. Надеюсь, я прояснил кое-что. Тебе важно помнить, Монтаг, что мы — Счастливые Ребята, Дуэт Зазывал, я имею в виду нас с тобой, но и все остальные наши тоже такие. Мы стоим против кучки тех, кто своими противоречивыми теориями и идеями хотят сделать всех несчастными. Мы затыкаем пальцами дырки в плотине. И держим там пальцы крепко. Не позволяй потоку меланхолии и мрачной философии затопить наш мир. Мы все зависим от тебя. Я думаю, ты и не представляешь себе, насколько важен *ты* лично, насколько важны *мы* все для того, чтобы наш счастливый мир остался таким и впредь.

Битти пожал вялую руку Монтага. Тот недвижно сидел в кровати, словно дом собирался рухнуть ему на голову, а он был не в силах пошевелиться. Милдред испарилась из дверей.

В 1931—1938 гг. Л.С. Термен был директором акционерного общества по производству электромузыкальных инструментов в США. Высота звука и громкость терменвокса изменяются в зависимости от расстояний между руками исполнителя и антеннами инструмента.

— И последнее, — сказал Битти. — У каждого пожарного по крайней мере раз за время его карьеры вдруг начинает чесаться. Что же такое *говорится* в книгах? — задумывается он. Ох, как бы *почесаться*, чтобы унять этот зуд, а? Поверь мне на слово, Монтаг, в свое время я прочитал немало книг, чтобы понять, чем же я все-таки занимаюсь, так вот, в них *ни о чем* не говорится! Ничего такого, во что можно поверить или что можно передать другим. Если это художественная проза, то книги рассказывают о несуществующих людях, там одни причуды воображения. Если же это научная или документальная литература, тогда и того хуже: один профессор называет другого идиотом, один философ забивает слова другого ему же в глотку. И все мечутся — ах, гаснут звезды, ах, затухает солнце. Почитаешь — и ум за разум заходит.

— Ну хорошо, а если пожарный случайно, без всяких особых намерений возьмет домой какую-нибудь из книг?

Монтага передернуло. Открытая дверь смотрела на него своим огромным пустым глазом.

— Естественная ошибка. Чистое любопытство, — ответил Битти. — Мы чрезмерно не беспокоимся по этому поводу, не сходим с ума. Пусть пожарный подержит у себя книгу двадцать четыре часа. Если к исходу суток он ее не сжигает, то мы просто приходим и делаем это вместо него.

— Да, конечно. — Во рту у Монтага пересохло.

— Ладно, Монтаг. Может быть, выйдешь сегодня попозже, в ночную смену? И тогда увидимся вечером?

— Не знаю, — сказал Монтаг.

— Что? — На лице Битти отразилось легкое удивление.

Монтаг закрыл глаза.

— Я приду попозже. Наверное.

— Если ты сегодня не покажешься, нам тебя будет явно не хватать, — сказал Битти, задумчиво кладя трубку в карман.

«Я никогда больше не приду», — подумал Монтаг.

— Поправляйся и больше не болей, — сказал Битти.

Он повернулся и вышел через открытую дверь.

Монтаг наблюдал в окно, как отъезжает Битти в своем блестящем, цвета желтого пламени, «жуке» с угольно-черными шинами.

На другой стороне улицы далеко тянулись дома с плоскими фасадами. Как это сказала Клэрисса однажды днем? «Нет больше парадных крылечек. Мой дядя говорит, что раньше они были. И люди сидели там иногда по вечерам; если им хотелось разговаривать — разговаривали, а если не хотелось — качались в креслах-качалках

и молчали. Порой они просто сидели там и думали о разном, перебирая в уме всякие вещи. Дядя говорит, что архитекторы избавились от парадных крылечек, потому что они плохо смотрелись. Но еще дядя говорит, что это объяснение придумали позднее, а скрытая причина, довольно глубоко запрятанная, возможно, заключалась в том, что архитекторы не желали, чтобы люди просто так сидели на своих крылечках, ничего не делали, кагались, разговаривали — это считалось дурной *разновидностью* социальной жизни. Люди слишком много разговаривали. И у них было время для размышлений. Поэтому они сбежали вместе со своими крылечками. И со своими садами. Не так уж много осталось садиков, где можно посидеть. А посмотрите на мебель. Кресел-качалок больше нет. Они слишком удобны. Пусть люди не расслаживаются, а больше бегают. Мой дядя говорит... и еще... дядя говорит... и еще... мой дядя...» Голос Клариссы затих.

Монтаг повернулся и взглянул на жену — она сидела посреди гостиной и разговаривала с диктором, а тот, в свою очередь, разговаривал с ней.

— Госпожа Монтаг... — говорил диктор. То, се, пятое-десятое.

— Госпожа Монтаг... — И другие слова, уже совершенно о другом. Конвертерная приставка, обошедшаяся им в сто долларов, автоматически

вставляла имя жены всякий раз, когда диктор, обращаясь к анонимной аудитории, делал небольшую паузу, куда можно было вставить соответствующие слоги. Другое специальное устройство, точно-волновой скрэмблер, так изменяло телевизионное изображение непосредственно вокруг губ диктора, что казалось, будто его рот самым прекрасным образом произносит именно те гласные и согласные, которые составляют требуемое имя. Да, это был друг, вне всякого сомнения, самый настоящий друг.

— Госпожа Монтаг... — произнес Монтаг. — А теперь посмотрите сюда.

Голова Милдред повернулась, хотя было совершенно очевидно, что она не слушает.

— От того, чтобы не пойти на работу сегодня, всего один шаг, чтобы не ходить туда и завтра, чтобы вообще больше не появляться на пожарной станции, — проговорил Монтаг.

— Но ведь ты же пойдешь на работу сегодня вечером, разве нет? — спросила Милдред.

— Я еще не решил. Сейчас у меня ужасное ощущение — хочется крушить и убивать.

— Возьми «жука».

— Нет, спасибо.

— Ключи от «жука» на ночном столике. Когда у меня такое состояние, мне всегда хочется мчаться как можно быстрее. Довожу скорость до девяноста пяти миль и чувствую себя прекрасно.

Порой гоняю так всю ночь, а когда возвращаюсь, ты знать ничего не знаешь. За городом очень забавно. Давишь кроликов, иногда сбиваешь собак. Возьми «жука».

— Нет, не хочу, не сейчас. Пусть это веселенькое чувство остается подольше. Господи, как же меня разобрало! Не знаю, что со мной. Я себя чувствую чертовски несчастным, я просто взбешен и не пойму отчего. Такое ощущение, будто я набираю вес. Словно я ожирел. Словно я копил в себе много всего, а вот что именно — не знаю. Я, может быть, даже начну читать книги.

— Тебя посадят в тюрьму, ведь посадят, да? — Милдред смотрела на него так, словно он находился за стеклянной стеной.

Монтаг начал одеваться, беспокожно бродя по спальне.

— Да, посадят, и, может быть, это неплохая идея. Пока я кого-нибудь не покалечил. Ты слышала Битти? Ты слушала, что он говорил? Он знает ответы на все вопросы. И он прав. Счастье — очень важная вещь. Удовольствия — это все. И тем не менее я сидел там в кровати и все повторял про себя: «Я несчастлив, я несчастлив».

— А вот Я счастлива! — Рот Милдред просигналил ослепительной улыбкой. — И горжусь этим!

— Я должен что-то сделать, — продолжал Монтаг. — Еще не знаю, что именно. Я должен сделать что-то большое.

— Я устала слушать эту ерунду, — заявила Милдред и снова отвернулась от Монтага к диктору.

Монтаг коснулся регулятора громкости на стене, диктор потерял дар речи.

— Милли? — Монтаг осекся. — Это твой дом, так же как и мой. Я полагаю, будет справедливо, если я тебе кое-что сейчас расскажу. Надо было сделать это раньше, но я даже сам себе не мог признаться. Я хочу, чтобы ты увидела кое-что, что такое, что я откладывал и прятал весь прошедший год, мало-помалу, по штучке, раз за разом, сам не знаю зачем, но я делал это и ничего тебе не говорил.

Он взялся за стул с прямой спинкой, медленно и спокойно передвинул его в прихожую, к самой входной двери, залез на него и несколько секунд стоял не двигаясь, как статуя на пьедестале. Его жена застыла внизу в выжидании. **МОНТАГ ПРОТЯНУЛ РУКУ, ОТОДВИНУЛ РЕШЕТКУ ВЕНТИЛЯЦИОННОЙ СИСТЕМЫ, ПОШАРИЛ ВНУТРИ СПРАВА, ОТОДВИНУЛ ЕЩЕ ОДИН МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЛИСТ И ВЫТАЩИЛ КНИГУ. НЕ ГЛЯДЯ НА ОБЛОЖКУ, ОН БРОСИЛ ЕЕ НА ПОЛ.** Снова запустил руку вглубь, извлек еще две книги, опустил руку и бросил две книги на пол. Он продолжал двигать рукой и бросать книги — маленькие, довольно большие, желтые, красные, зеленые. **КОГДА ОН ЗАКОНЧИЛ И ПОСМОТРЕЛ ВНИЗ, ТО УВИДЕЛ, ЧТО У НОГ ЖЕНЫ ИХ ЛЕЖАЛО НЕ МЕНЬШЕ ДВАДЦАТИ.**

— Извини, — сказал он. — Я не очень-то задумывался. А теперь получается, что мы оба замешаны в этом.

Милдред отпрянула, будто внезапно натолкнулась на целую стаю мышей, выбежавшую из-под пола. Монтаг слышал быстрое дыхание жены, ее лицо побледнело, а глаза расширились и застыли в орбитах. Она произнесла его имя — раз, другой, третий. Затем, простонав, она подбежала, схватила первую попавшуюся книгу и бросилась к кухонному мусоросжигателю.

Монтаг перехватил ее, она завизжала. Он держал жену, а она пыталась вырваться, царапая его кожу.

— Нет, Милли, нет! Подожди! Перестань, прошу тебя! Ты же ничего не знаешь... Перестань! — Он дал ей пощечину, схватил за плечи и встряхнул.

Она снова произнесла его имя и разрыдалась.

— Милли! — позвал он. — Послушай. Дай мне одну секунду, хорошо? Мы уже ничего не можем поделать. Мы не можем их сжечь. Я хочу заглянуть в них, заглянуть хотя бы по разу. И тогда, если то, что говорил Капитан, — правда, мы сожжем их вместе, поверь мне, мы сожжем их вместе. Ты должна помочь мне! — Он заглянул ей в лицо, взял за подбородок и крепко сжал пальцы. Он смотрел не только на жену, в ее лице он пытался отыскать себя, найти ответ на вопрос, что он должен делать дальше.

— Нравится нам это или нет, но мы завязли по уши. Все эти годы я не требовал от тебя многого, а сейчас прошу, даже умоляю. **МЫ ДОЛЖНЫ С ЧЕГО-ТО НАЧАТЬ, МЫ ДОЛЖНЫ РАЗОБРАТЬСЯ, КАК МЫ ОКАЗАЛИСЬ ВО ВСЕЙ ЭТОЙ КАШЕ – ТЫ И ТВОИ НОЧИ С ЛЕКАРСТВАМИ, МАШИНА, Я СО СВОЕЙ РАБОТОЙ. МЫ МЧИМСЯ ПРЯМО К ОБРЫВУ, МИЛЛИ! БОЖЕ, НО Я НЕ ХОЧУ СРЫВАТЬСЯ ВНИЗ!** Нам будет нелегко. Непонятно, ради чего продолжать такую жизнь, но, может быть, нам удастся разложить все по кусочкам, подумать над каждым и помочь друг другу. Не могу даже выразить, как ты мне сейчас нужна! Если ты меня хоть сколько-нибудь любишь, то смирись с этим, потерпи немного, двадцать четыре или сорок восемь часов — вот то, о чем я тебя прошу, и после этого все кончится, обещаю. Клянусь! И если здесь есть хоть что-то, если в этой куче найдется хоть одна дельная крупица, мы, пожалуй, сможем передать ее кому-нибудь еще.

Милдред больше не сопротивлялась, и он отпустил ее. Она мешком отвалилась от мужа, съехала по стене и села на пол, не сводя глаз с книг. Ее ступня коснулась одной из них, она заметила это и тут же отдернула ногу.

— Та женщина, прошлой ночью, ты ведь не была там, Милли. Ты не видела ее лица. И Клэрисса. Ты никогда не говорила с ней. А я говорил. Такие парни, как Битти, боятся ее. Я не могу этого понять. Почему они должны бояться людей, подоб-

ных Клариссе? Вчера вечером я все сравнивал ее с пожарными на станции и неожиданно понял, что они мне вовсе не нравятся, да и сам я себе больше не нравлюсь. И я подумал — может, было бы к лучшему, если бы сами пожарные сгорели в огне.

— Гай!

Парадная дверь тихо позвала:

«Госпожа Монтаг, госпожа Монтаг, кто-то пришел, кто-то пришел, госпожа Монтаг, госпожа Монтаг, кто-то пришел...»

Очень тихо позвала.

Они повернулись и уставились на дверь, на книги, валявшиеся на полу, на кучи книг повсюду.

— Битти! — сказала Милдред.

— Вряд ли это он.

— Он вернулся! — прошептала она.

Парадная дверь снова тихо сообщила:

«...кто-то пришел».

— Мы не будем отвечать.

Монтаг прислонился к стене, потом медленно опустился на корточки и начал в замешательстве передвигать книги, подталкивая их то большим пальцем, то указательным. Он дрожал, больше всего ему хотелось снова засунуть книги в вентиляционную трубу, но он знал, что не в силах оказаться лицом к лицу с Битти еще раз. Он посидел на корточках, а затем опустился на пол, голос парадной двери опять зазвучал, на этот раз более настойчиво. Монтаг подобрал с пола маленький томик.

— С чего начнем? — Он раскрыл книгу на середине и впился взглядом в страницу. — Пожалуй, начнем с начала.

— Он войдет и сожжет нас вместе с этими книгами! — сказала Милдред.

Голос парадной двери наконец смолк. Наступила тишина. Монтаг ощущал чье-то присутствие за дверью, кто-то выжидал там, прислушиваясь. Затем послышались шаги — кто-то прошел, удаляясь, по дорожке и пересек газон.

— Давай посмотрим, что здесь написано, — сказал Монтаг.

Он выговорил эти слова с запинкой, испытывая страшное смущение. Прочитал с десятков страниц, открывая книгу в разных местах, и наконец добрался до следующего куска:

«Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые пошли на смертную казнь за отказ разбивать яйца с острого конца»¹.

Милдред сидела в прихожей напротив него.

— Что это значит? В этом вообще нет никакого смысла. Капитан был прав!

— Ну-ну, — сказал Монтаг. — Попробуем еще раз, начнем с самого начала.

---

¹ Строки из «Путешествий Лемюзля Гулливера» Джонатана Свифта (часть 1, «Путешествие в Лилипутию», глава 4). Перевод Б. М. Энгельгардта.

Часть вторая

СИТО И ПЕСОК

Весь долгий день напролет они читали, а холодный ноябрьский дождь падал с неба на молчащий дом. Они сидели в прихожей, потому что гостиная была такой пустой, выглядела такой серой с выключенной стеной — не светились оранжевые и желтые конфетти, не взлетали ракеты, и не было женщин в платьях из золотой паутинки, и мужчины в черном бархате не извлекали стофунтовых кроликов из серебряных шляп. Гостиная была мертва, и Милдред, с ничего не выражающим лицом, все заглядывала и заглядывала туда, а Montag вскакивал, ходил взад-вперед по прихожей, возвращался, садился на корточки и снова читал какую-нибудь страницу, иногда десять раз подряд, обязательно вслух.

«Мы не можем сказать, в какой точно момент зарождается дружба. Когда капля за каплей на-

полняешь сосуд, в конце всегда бывает капля, от которой влага переливается через край; так и с вереницей одолжений — в конце концов делается такое, от которого переполняется сердце»¹.

Монтаг сидел, прислушиваясь к дождю.

— Может, именно это и происходило с соседской девушкой? Я изо всех сил пытался разобратся в ней.

— Она мертва. Ради бога, давай поговорим о ком-нибудь живом.

Монтаг даже не повернулся к жене; весь трясаясь, он прошел через прихожую на кухню и в ожидании, пока утихнет дрожь, долго стоял там, наблюдая, как дождь барабанит по окнам, затем в сером полусвете вернулся в прихожую.

Он открыл еще одну книгу.

— «Моя излюбленная тема — Я Сам»².

Монтаг прищурился, глядя на стену.

— «Моя излюбленная тема — Я Сам».

— Вот это я понимаю, — сказала Милдред.

— Но для Клариссы излюбленной темой была вовсе не она сама, а все остальные люди, включая меня. За много-много лет она была первой, кто мне действительно понравился. Из всех, кого

---

¹ Строки из книги английского писателя Джеймса Босуэлла (1740—1795) «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791). Перевод В. Т. Бабенко.

² Фраза из произведения Джеймса Босуэлла «Письмо к Темплу» (1763).

я помню, она единственная смотрела на меня, не отводя глаз, — так, словно я чего-нибудь стою. — Он подобрал с пола две книги. — Эти люди уже давно мертвы, но я знаю, что их слова так или иначе указывают на Клариссу.

Тихое царапанье под дождем за дверью.

Монтаг похолодел. Он увидел, как Милдред, лоя ртом воздух, вжимается в стену.

— Кто-то... дверь... почему дверной голос не говорит нам...

— Я его выключил.

Внизу, в щели под дверью, — мерное пытли-
вое принюхивание, выдох электрического пара.

Милдред рассмеялась.

— Это всего-навсего собака, вот в чем дело!
Хочешь, я ее прогоню?

— Стой, где стоишь!

Тишина. Падает холодный дождь. Из-под за-
пертой двери тянет запахом синего электриче-
ства.

— Вернемся к работе, — негромко сказал
Монтаг.

Милдред пинком отбросила книгу.

— Книги — это не люди. Ты читаешь, а я смо-
трю по сторонам — и вокруг *никого нет!*

Монтаг уставился на гостиную — мертвую
и серую, как воды океана, готового взбурлить
жизнью, лишь только они включат электронное
солнце.

— А вот моя «семья» — это люди, — сказала Милдред. — Они рассказывают мне разные вещи — я смеюсь, они смеются. А цвета какие!

— Да, знаю.

— И кроме того, если бы Капитан Битти узнал про эти книги... — Она задумалась, ее лицо приняло изумленное выражение, которое сменилось ужасом. — Он пришел бы сюда и сжег бы дом и всю «семью». Это ужасно! Подумай только, сколько денег мы вложили! Зачем мне читать? Ради чего?

— Зачем? Ради чего? — повторил Монтаг. — Той ночью я видел самую дьявольскую змею на свете. Она была мертва, но в то же время жива. Она могла видеть, но видеть не могла. Хочешь посмотреть на эту змею? Она в больнице «Скорой помощи», где уже составлен отчет по всей той дряни, что змея из тебя высосала! Хочешь сходить и проверить правильность отчета? Возможно, надо смотреть под именем Гай Монтаг, а может быть — в разделах «Страх» или «Война». Хочешь сходить к тому дому, что сгорел прошлой ночью? Поискать в пепле кости женщины, которая подожгла свое собственное жилище? А как насчет Клариссы Макклеллан? Где мы будем разыскивать ее? В морге?.. Слышишь?!

Пересекая небо, над домом шли бомбардировщики, и шли по небу, и шли — тяжело ды-

ша, бормоча, свистя, словно в пустоте кружился огромный невидимый вентилятор.

— Господи Иисусе! — воскликнул Монтаг. — Что ни час, эти чертовы штуки появляются в небе, и как много! Какого дьявола бомбардировщики висят над головой каждую секунду нашей жизни! Почему никто не хочет об этом говорить? **С 1990 ГОДА МЫ НАЧАЛИ И ВЫИГРАЛИ ДВЕ АТОМНЫЕ ВОЙНЫ! НЕ ПОТОМУ ЛИ, ЧТО, ИМЕЯ СТОЛЬКО РАЗВЛЕЧЕНИЙ У СЕБЯ ДОМА, МЫ СОВСЕМ ЗАБЫЛИ О ВНЕШНЕМ МИРЕ?** Мы так богаты, а все остальные в мире так бедны — не потому ли нам и дела нет ни до кого? До меня доходили слухи, что мир голодает, но мы-то сыты! Правда ли, что мир трудится в поте лица, а мы лишь весело играем? Не поэтому ли нас так ненавидят? До меня доходили слухи и о ненависти, но это бывало нечасто и много лет назад. Ты сама-то знаешь почему? Я не знаю, это уж точно. Может быть, как раз книги и вытащат нас из пещеры, хотя бы наполовину? Они просто могли бы возбранить нам делать одни и те же безумные ошибки, черт побери! Что-то я не слышал, чтобы эти идиотские ублюдки в твоей гостиной обсуждали такие вещи. Боже, Милли, неужели ты не видишь? Всего час в день, ну два часа, проведенные с этими книгами, — и может быть...

Зазвонил телефон. Милдред схватила трубку.

— Энн! — засмеялась она. — Да, сегодня вечером идет «Белый Клоун».

Монтаг ушел на кухню и бросил книгу на стол.

«Монтаг, — сказал он себе, — ты действительно глуп. Что будем делать дальше? Сдадим книги и забудем обо всем?»

Он раскрыл книгу, чтобы чтением отвлечься от смеха Милдред. Бедная Милли, подумал он. Бедный Монтаг, ведь для тебя это тоже муть. Но откуда взять помощь, где найти учителя, в твои-то годы?

Постой, постой. Он закрыл глаза. Да, конечно. Он снова поймал себя на том, что думает о встрече в зеленом парке год назад. За последнее время эта мысль всплывала часто, а сейчас Монтаг отчетливо вспомнил, что именно произошло в тот день в городском парке, когда он увидел, как старик в черном костюме что-то быстро спрятал в карман пальто.

...Старик вскочил, словно собрался бежать.

— Подождите! — воскликнул Монтаг.

— Я ничего не сделал! — закричал старик, весь дрожа.

— Никто и не говорит, будто вы что-то сделали.

Некоторое время они сидели в мягком зеленом свете, не произнося ни слова, а затем Монтаг заговорил о погоде, и чуть позже старик ответил ему тусклым голосом. Это была странная и тихая встреча. Старик признался, что был отставным профессором, преподавателем английского язы-

ка, которого вышвырнули на улицу сорок лет назад, когда последний колледж гуманитарных наук закрылся из-за отсутствия студентов и финансовой поддержки. Старика звали Фабер, и когда его страх перед Монтагом пропал, он заговорил мерным голосом, поглядывая на небо, на деревья, на зеленый парк, и так пролетел целый час, а потом старик сказал что-то Монтагу, и Монтаг почувствовал, что это нерифмованное стихотворение. Затем старик осмелел сильнее прежнего и прочитал что-то еще, и это тоже было стихотворение. Фабер держал руку на левом кармане пальто и выговаривал слова с нежностью, и Монтаг знал — если он протянет руку, то сможет вытащить из кармана пальто этого человека книгу поэзии. Но он не пошевелился. Руки Монтага, бесполезные и онемевшие, оставались на его коленях.

— Я ГОВОРЮ НЕ О ВЕЩАХ, СЭР, — ПРОДОЛЖАЛ ФАБЕР. — Я ГОВОРЮ О СМЫСЛЕ ВЕЩЕЙ. ВОТ Я СИЖУ ЗДЕСЬ И ЗНАЮ — Я ЖИВ.

Вот, в сущности, и все, что тогда было. Час монолога, стихи, комментарий, а затем Фабер, хотя никто из них не утверждал, что Монтаг был пожарным, с некоторой дрожью записал на клочке бумаги свой адрес.

— Для вашего досье, — сказал он, — на тот случай, если вы решите на меня рассердиться.

— Я не сержусь, — сказал Монтаг, удивившись.

В прихожей Милдред заходилась визгливым смехом.

Монтаг подошел к стенному шкафу в спальне и стал перебирать портативную картотеку, пока не нашел заголовок «БУДУЩИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ (?)». Под ним было имя Фабера. Монтаг не стал тогда на него доносить, но и не стер запись.

Он набрал номер на вспомогательном телефонном аппарате. Телефон на другом конце линии раз десять произнес имя Фабера, прежде чем в трубке зазвучал слабый голос профессора. Монтаг представился, наступило долгое молчание.

— Да, господин Монтаг?

— Профессор Фабер, у меня к вам довольно странный вопрос. Сколько экземпляров Библии осталось в этой стране?

— Не понимаю, о чем вы говорите!

— Я хочу знать, остались ли хоть *какие-нибудь* экземпляры вообще?

— Это какая-то ловушка! Я не могу разговаривать по телефону *с кем попало!*

— **СКОЛЬКО ОСТАЛОСЬ КНИГ ШЕКСПИРА ИЛИ ПЛАТОНА?**

— **НИ ОДНОЙ! ВЫ ЗНАЕТЕ ЭТО НЕ ХУЖЕ МЕНЯ. НИ ОДНОЙ!**

Фабер отключился.

Монтаг положил трубку. Ни одной. Факт, который он, конечно же, и сам знал из тех списков, что вывешивались на пожарной станции. Но

почему-то ему хотелось услышать это от самого Фабера.

В прихожей он увидел Милдред с раскрасневшимся от возбуждения лицом.

— Сегодня к нам придут дамы!

Монтаг показал ей книгу.

— Это Ветхий и Новый Завет и...

— Не начинай все сначала!

— Возможно, это последний экземпляр в нашей части света.

— Ты должен сдать ее сегодня вечером, не так ли? Капитан Битти *знает*, что она у тебя, правильно?

— Не думаю, чтобы он знал, какую именно книгу я украл. Но что выбрать взамен? Отнести господина Джефферсона? Или господина Торо? Какая из книг наименее ценна? Если я выберу замену, а Битти знает, что именно я украл, он предположит, что у нас здесь целая библиотека!

У Милдред скривился рот.

— Ты сознаешь, что *делаешь*? Ты нас погубишь! Что для тебя важнее — я или эта Библия?

В ее голосе снова появились визгливые нотки, она сидела в прихожей, как восковая кукла, тающая от собственного тепла.

Монтаг так и слышал голос Битти:

«Садись, Монтаг. Смотри. Берем нежно-нежно, словно это лепестки цветка. Зажигаем пер-

вую страницу, зажигаем вторую страницу. Каждая становится черной бабочкой. Красиво, а? От второй страницы зажигаем третью и так далее, как сигареты, одна от другой, главу за главой, все глупости, обозначаемые словами, лживые обещания, подержанные идеи, обветшалую философию...»

Он так и видел, как перед ним сидит слегка вспотевший Битти, а пол усеян роями черных мотыльков, погибших в огненной буре.

Милдред перестала визжать так же внезапно, как и начала. Монтаг не слушал ее.

— Остается только одно, — сказал он. — До вечера, до того, как я отдам книгу Битти, мне придется изготовить дубликат.

— Ты будешь дома, когда начнется «Белый Клоун» и к нам придут дамы? — прокричала Милдред.

Монтаг остановился в дверях, спиной к жене.

— Милли?

Тишина.

— Что?

— Скажи, Милли, Белый Клоун тебя любит?

Нет ответа.

— Милли, а... — Он облизнул губы. — А «семья» тебя любит? Очень любит? Всею душой и сердцем, Милли?

Монтаг ощутил, что она, медленно моргая, смотрит ему в затылок.

— Почему ты задаешь такие глупые вопросы?

Он почувствовал, что ему хочется плакать, но знал, что его глаза и рот не поддадутся.

— Если увидишь снаружи эту собаку, — сказала Милдред, — дай ей от меня хорошего пинка.

Он помедлил, прислушиваясь возле двери, затем открыл ее и ступил за порог.

Дождь перестал, в ясном небе солнце клонилось к закату. И улица, и газон, и крыльцо были пусты. Он позволил своей груди с облегчением выпустить воздух.

И захлопнул за собой дверь.

Монтаг ехал в метро.

Я онемел, думал он. Когда же началось это онемение? Когда оно охватило лицо? А тело? Я знаю, в ту ночь, когда я впотьмах дал ногой по флакону с таблетками, словно пнул присыпанную землей мину.

Онемение пройдет, думал он дальше. Потребуется время, но я с этим справлюсь, или же мне поможет Фабер. Кто-нибудь где-нибудь вернет мне прежнее лицо и прежние руки, и они станут такими, какими были. А сейчас даже улыбка, думал он, старая въевшаяся с копотью улыбка, и та исчезла. Без нее я пропал.

Стены тоннеля убегали прочь, кремовая плитка, угольно-черная, кремовая плитка, угольно-

черная, цифры и темнота, плюс еще темнота, итог складывался сам собой.

Однажды ребенком, в разгар жаркого, синего летнего дня, он сидел у моря на гребне желтой дюны и пытался наполнить сито песком, потому что кто-то из жестоких двоюродных братьев сказал ему: «Наполнишь сито, получишь десять центов». И чем быстрее он сыпал, тем быстрее песок с жарким шепотом уходил сквозь сито. Его руки устали, песок кипел в ладонях, а сито оставалось пустым. Он беззвучно сидел там, посреди июля, и чувствовал, как слезы ползут по его щекам.

Теперь, когда вакуумная подземка несла его, безжалостно тряся, сквозь мертвые подвалы города, ему вспомнилась ужасная логика того сита, он опустил глаза и увидел, что держит в руках раскрытую Библию. В поезде воздушной тяги были люди, а он держал книгу у всех на виду, и ему в голову вдруг пришла нелепая мысль, что если читать быстро и прочесть все, то, может быть, немного песка все же останется в сите. Он стал читать, но слова проваливались, и он подумал: еще несколько часов, и все кончится, вот Битти, а вот я, и я отдаю ему книгу навсегда, поэтому ни одна фраза не должна ускользнуть, я обязан выучить наизусть каждую строчку. И я заставляю себя это сделать!

Он стиснул книгу в ладонях.

Ревели трубы.

— Зубная паста «Денем»!

Заткнись, подумал Монтаг. Посмотрите на полевые лилии...

— Зубная паста «Денем»!

...Как они растут: не трудятся...¹

— Денем...

Посмотрите на полевые лилии, заткнись, заткнись!

— Зубная паста!

Монтаг рывком открыл книгу и стал быстро листать страницы, он ощупывал их, как слепой, и, не мигая, впитывал очертания отдельных букв.

— «Денем». По буквам: Д-Е-Н...

Они растут: не трудятся, ни...

Яростный шепот горячего песка, бегущего сквозь пустое сито.

— Паста «Денем» чистит что надо!

Посмотрите на полевые лилии, лилии, лилии...

— Зубное полоскание «Денем».

— Заткнись, заткнись, заткнись! — Это была мольба, крик, такой ужасный, что Монтаг сам не заметил, как вскочил на ноги; ошеломленные обитатели шумного вагона воззрились на него и стали медленно отодвигаться от этого человека с безумным, тошнотворным лицом, с пере-

---

¹ Монтаг цитирует Евангелие от Матфея: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут». (Мат. 6, 28)

сохшим ртом, бормочущим невнятицу, с трепещущей страницами книгой, зажатой в руке. Еще секунду назад эти люди спокойно сидели, отбивая ногами ритм: зубная паста «Денем», зубная паста «Денем», зубная паста, паста, для вашей пасти, пасти, зубное полоскание, зубная паста «Денем», ах, «Денем», «Денем», «Денем», и раз и два и три-и; и раз и два и три-и, и раз и два, и раз и два, и раз и два и три-и... А губы этих людей тихонько шлепали, выговаривая слова: паста паста паста. В отместку поездное радио обрушило на Монтага рвотную массу звуков, целую тонну музыки, сделанной из жести, меди, серебра, хрома и латуни. Громыканье вколачивало в людей покорность; никто никуда не бежал, потому что бежать было некуда: огромный воздушный поезд несся в горизонтальном падении по шахте, пробитой в земле.

— Полевые лилии.

— «Денем».

— Лилии, я сказал!

Люди изумленно смотрели на него.

— Вызовите охрану.

— Этот человек съехал с...

— Станция «Нолл Вью»!

Поезд зашипел, останавливаясь.

— «Нолл Вью»! — Крик.

— «Денем». — Шепот.

Губы Монтага еле шевелились:

— Лилии...

Двери поезда со свистом разъехались. Монтаг не двигался с места. Двери глубоко вздохнули и начали закрываться. Только тогда, расталкивая пассажиров и мысленно крича, прыгнул он к выходу — и вынырнул из вагона в самый последний момент, когда створки уже смыкались. Он помчался вверх по белым плиткам тоннеля, не обращая внимания на эскалаторы; ему хотелось почувствовать, как движутся ноги, как машут руки, как сжимаются и разжимаются легкие, как саднит горло от вдыхаемого воздуха. Его догнал голос: «Денем», «Денем», «Денем». Позднему зашипел поезд. И состав исчез в своей норе.

— Кто там?

— Монтаг.

— Что вы хотите?

— Впустите меня.

— Я ничего не сделал!

— Я один, черт побери!

— Клянётесь?

— Клянусь!

Парадная дверь медленно отворилась. Выглянул Фабер. При свете дня он выглядел очень старым и очень хрупким, и еще очень испуганным. У старика был такой вид, словно он много лет не выходил из дома. Его кожа и белые ошту-

катуренные стены были совершенно одного цвета. Белизна наполняла губы, лежала на щеках, волосы тоже были белые, а глаза выцветшие, и в них сквозь слабую голубизну проступал опять-таки белый цвет. Взгляд Фабера коснулся книги, которую Монтаг держал под мышкой, и старик сразу перестал казаться таким древним, даже хрупкости поубавилось. Страх его медленно проходил.

— Извините. Приходится быть осторожным.

Он смотрел на книгу у Монтага под мышкой и никак не мог оторвать от нее взгляда.

— Итак, это правда.

Монтаг переступил через порог. Дверь захлопнулась.

— Садитесь.

Фабер отступил, словно боясь, что книга исчезнет, едва он оторвет от нее взгляд. За его спиной была распахнутая дверь в спальню, и там виднелся стол, на котором в беспорядке валялись какие-то механизмы и стальные инструменты. Монтаг увидел все это мельком, ибо Фабер, как только заметил, куда обращено внимание гостя, быстро повернулся и закрыл дверь, но остался стоять возле нее, сжимая дрожащими пальцами круглую ручку. Он нерешительно перевел взгляд на Монтага, который уже сидел с книгой на коленях

— Эта книга... где вы ее...

— Я ее украл.

Фабер в первый раз поднял глаза и посмотрел Монтагу в лицо.

— Вы смелый человек.

— Нет, — ответил Монтэг. — **МОЯ ЖЕНА УМИРАЕТ. ОДНА МОЯ ПОДРУГА УЖЕ МЕРТВА. А НЕКАЯ ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ТОЖЕ МОГЛА БЫ СТАТЬ МОИМ ДРУГОМ, БЫЛА СОЖЖЕНА ЗАЖИВО МЕНЬШЕ СУТОК НАЗАД. ВЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ МНЕ ЛЮДЕЙ, КТО МОГ БЫ ПОМОЧЬ МНЕ. ПРОЗРЕТЬ. ПРОЗРЕТЬ...**

Руки Фабера зудели на его коленях.

— Могу я?..

— Извините. — Монтэг протянул ему книгу.

— Прошло столько времени... Я не религиозный человек. Но ведь прошло столько времени. — Фабер стал перелистывать страницы, время от времени останавливаясь, чтобы прочитать несколько строчек. — Все такая же, какой я ее помню. Боже всемогущий, как же ее изменили в наших «гостиных»! Христос стал членом «семьи». Я часто задумываюсь: а узнаёт ли Господь Бог своего собственного сына — ведь мы его так нарядили или, правильнее было бы сказать, подрядили? Сейчас он — все равно что пакетик мятной жвачки, сплошь сахар и сахарин, если только не делает завуалированных намеков на определенные товары, которые каждому верующему ну просто абсолютно необходимы.

Фабер обнюхал книгу.

— Знаете ли вы, что книги пахнут мускатным орехом или какой-то пряностью из далекой страны? Ребенком я обожал нюхать книги. Господи, сколько же раньше было прелестных книг, до того как мы позволили им исчезнуть!

Он перелистнул страницу.

— Господин Монтаг, вы видите перед собой труса. Тогда, в те давние времена, я видел, к чему все идет. И ничего не говорил. Я был одним из тех невинных, кто мог бы громко и отчетливо возвысить голос, когда «виновных» никто уже не слушал, но я смолчал, и таким образом вина пала и на меня. И когда в конце концов они создали систему для сжигания книг с использованием пожарных, я немного поворчал и затих совсем, потому что к тому времени уже не осталось никого, кто мог бы ворчать или кричать вместе со мной. А сейчас уже поздно.

Фабер закрыл Библию.

— Ну что же... Я полагаю, вы расскажете, зачем вы сюда пришли?

— Никто больше никого не слышит. Я не могу говорить со стенами, потому что они орут *на меня*. Я не могу говорить с женой, потому что она слушает только *стены*. Я просто хочу, чтобы кто-нибудь послушал, что у меня есть за душой. И, может быть, если я буду говорить достаточно долго, в этом обнаружится какой-либо толк. И еще я хочу, чтобы вы научили меня понимать то, что я читаю.

Некоторое время Фабер изучал худое, с синеватыми скулами, лицо Монтага.

— Что вас так взбудоражило? Что выбило факел из ваших рук?

— Не знаю. **У НАС ЕСТЬ ВСЕ, ЧТО НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ, НО МЫ НЕСЧАСТНЫ. ЧЕГО-ТО НЕДОСТАЕТ.** Я огляделся по сторонам. Единственная вещь, о которой я точно знаю, что она ушла навсегда, это книги, которые я собственноручно сжег за последние десять или двенадцать лет. Вот я и подумал, что именно книги могли бы мне помочь.

— Вы безнадежный романтик, — сказал Фабер. — Это было бы смешно, если бы не было так серьезно. Не книги вам нужны, а кое-что из того, что когда-то было в книгах. Те же самые вещи могли бы и сегодня звучать в разговорах наших «родственников» из гостиных. Бесчисленные подробности жизни, ясное представление о том, что происходит вокруг, — все это могло бы проецироваться с помощью радио и телевидения, но... не проецируется. Нет-нет, то, что вы ищете, — это вовсе не книги! Извлекайте ответы из всего, что вам доступно, — из старых граммофонных пластинок, из старых кинофильмов, спрашивайте старых друзей; ищите ответы в окружающей природе, ищите их в самом себе. **КНИГИ – ВСЕГО ЛИШЬ ОДНО ИЗ ХРАНИЛИЩ, КУДА МЫ СКЛАДЫВАЛИ МНОЖЕСТВО ВЕЩЕЙ, БОЯСЬ, ЧТО СМОЖЕМ ИХ ЗАБЫТЬ.** В самих книгах вовсе нет ничего магического. Магия лишь

в том, что книги говорят нам, в том, как они сшивают лоскутки вселенной в единое целое, чтобы получилось одеяние для всех нас. Ясное дело, вы и знать не могли ничего такого, и, конечно же, вы до сих пор не очень-то понимаете, что я имею в виду, говоря вам все эти вещи. Однако интуитивно вы избрали верную дорогу, а только это и имеет значение. Вам не хватает трех вещей.

Первая, — начал перечислять Фабер. — Знаете ли вы, почему книги, подобные этой, столь важны? Потому что у них есть качество. А что означает слово «качество»? Для меня оно означает фактуру книги, ее ткань. У этой книги есть *поры*. У нее есть отличительные признаки. Эту книгу можно изучать под микроскопом. Там, под стеклом, вы найдете жизнь, которая будет пробегать перед вашими глазами в бесконечном разнообразии форм. И чем больше таких пор, чем больше лист бумаги содержит правдиво отображенных деталей жизни на один квадратный дюйм, тем более «литературно образованным» становитесь вы сами. Во всяком случае, я *лично* определяю это так. *Сообщать детали. Свежие детали.* Хорошие писатели часто прикасаются к жизни. Средние — мимолетно пробегают рукой по ее поверхности. Плохие же насилуют ее и оставляют на съедение мухам.

Итак, теперь вы понимаете, почему книги так ненавидимы и почему их так боятся? — спросил

Фабер. — Они показывают поры на лице жизни. Люди, уютно устроившиеся в своих гнездышках, хотят видеть только восковые лунообразные лица — без пор, без волос, без выражений. Мы живем в такое время, когда цветы пытаются жить за счет других цветов, вместо того чтобы жить за счет доброго дождя и черной плодородной земли. А между тем даже фейерверки, при всей их красоте, порождены химией земли. И вот почему-то мы вообразили, будто можем расти, питаясь цветами и фейерверками, без того чтобы, завершив цикл, каждый раз возвращаться к реальности. Знаете ли вы легенду о Геркулесе и Антее? Антей был борцом великанского роста, и сила его превосходила все мыслимое, пока он твердо стоял на земле. Но когда Геркулес поднял его в воздух, лишив связи с почвой, сила Антея быстро иссякла, и он погиб. Если в этой легенде не содержится чего-то важного для нас, живущих сегодня, в этом городе, в эту эпоху, — значит, я окончательно сошел с ума. Итак, вот первая вещь, которой, как я уже сказал, нам не хватает. Качество информации, фактура информационной ткани.

— А вторая?

— Досуг.

— О, но ведь у нас куча свободного времени!

— Свободного времени — да. А времени думать? Если вы не гоните машину со скоростью сто миль в час, с такой скоростью, что у вас и мысли-

то иной нет, кроме как об опасности, то играете в какую-нибудь игру или сидите в какой-нибудь гостиной, где с четырехстенным телевизором уже не поспоришь. Да и зачем? Ведь телевизор — это и есть «реальность». Она сиюминутна, она объемна. **ТЕЛЕВИЗОР ГОВОРIT ВАМ, О ЧЕМ НАДЛЕЖИТ ДУМАТЬ, И ВКОЛАЧИВАЕТ ЭТО ВАМ В ГОЛОВУ. ОН ВСЕГДА И ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРАВ.** Он *выглядит* таким убедительным. Он столь стремительно подводит вас к его собственным поспешным выводам, что вашему разуму просто не хватает времени возмутиться: «Какой вздор!»

— Только «семья» и есть настоящие «люди».

— Прошу прощения, не понял.

— Моя жена говорит, что книги — это не «реальность».

— И слава господу, что это так. Вы можете захлопнуть книгу и сказать ей: «Подожди минутку». Вы для нее — Бог. **НО КТО КОГДА-ЛИБО ВЫРЫВАЛСЯ ИЗ КОГТЕЙ, КОТОРЫЕ СМЫКАЮТСЯ НА ВАС, КОГДА ВЫ БРОСАЕТЕ ЗЕРНЫШКО В ПОЧВУ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ГОСТИНОЙ? ЗЕРНЫШКО ТУТ ЖЕ ПРОРАСТАЕТ И ПРИНИМАЕТ ТАКУЮ ФОРМУ, КАКУЮ ЗАХОЧЕТ! ЭТО СРЕДА, СТОЛЬ ЖЕ РЕАЛЬНАЯ, КАК ОКРУЖАЮЩИЙ МИР. ОНА СТАНОВИТСЯ ИСТИНОЙ, ОНА И ЕСТЬ ИСТИНА.** Сопrotивление книги можно сломить, приводя доводы разума. Но со всеми моими знаниями и скептицизмом я ни разу так и не смог переспорить полноцветный, трехмерный симфонический оркестр из ста инструментов,

гремящий в этих невероятных телегостинных и являющийся их составной частью. Как видите, моя гостиная — всего-навсего четыре обыкновенные оштукатуренные стены. А это, — Фабер протянул на ладони две маленькие резиновые затычки, — для моих ушей, когда я езжу в реактивных поездах метро.

— Зубная паста «Денем»... «Не трудятся, не прядут...» — произнес Монтаг, закрыв глаза. — Но что делать дальше? Помогут ли нам книги?

— Только в том случае, если мы заполучим третью необходимую вещь. **ПУНКТ ПЕРВЫЙ, КАК Я УЖЕ ГОВОРИЛ, ЭТО КАЧЕСТВО ИНФОРМАЦИИ. ПУНКТ ВТОРОЙ – ДОСУГ, ЧТОБЫ ПЕРЕВАРИТЬ ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ. А ПУНКТ ТРЕТИЙ – ПРАВО ПРОВОДИТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ АКЦИИ, ОСНОВАННЫЕ НА ТОМ, ЧТО НАМ СТАЛО ИЗВЕСТНО О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПУНКТОВ.** И мне с трудом верится, что один очень старый человек и один скисший пожарный могут каким-то образом повлиять на ход матча сейчас, когда мяч уже давно в игре.

— Я могу доставать книги.

— Это большой риск.

— Когда человек умирает, в этом есть своя светлая сторона: поскольку тебе уже нечего терять, ты можешь пойти на какой угодно риск.

— Ага, вы сейчас сказали одну интересную вещь, — рассмеялся Фабер. — Сказали как по писаному, а ведь нигде не вычитали.

— Неужели *подобные* вещи есть в книгах? Я сказал, совершенно не задумываясь.

— Тем лучше. Значит, вы не придумали это специально для меня или для кого-то еще. Пусть даже для самого себя.

Монтаг подался вперед:

— Сегодня днем мне пришла вот такая мысль. Если получится, что книги и *впрямь такая* ценность, то мы могли бы раздобыть печатный станок и отпечатать некоторое количество экземпляров...

— Мы?

— Да, вы и я.

— О нет! — Фабер выпрямился на стуле.

— Позвольте хотя бы изложить вам мой план...

— Если вы будете настаивать на этом, мне придется просить вас уйти.

— Неужели *вам* — и неинтересно?

— Неинтересно, если вы хотите завести разговор такого рода, который приведет меня на костер лишь за то, что я взял на себя труд выслушать вас. *Возможно*, я и выслушаю вас, но только в одном случае — если вы подскажите что-то такое, что позволило бы сжечь на костре саму систему пожарного дела. Ну, скажем, если вы предложите, что мы печатаем некоторое число книг и подкладываем их тайком в дома пожарных по всей стране, чтобы таким образом посеять семе-

на сомнения среди самих поджигателей, я скажу вам — браво!

— То есть подбросить книги, потом заявить на этих пожарных, поднять тревогу и глядеть, как горят их дома? Вы это хотите сказать?

Фабер поднял брови и посмотрел на Монтага так, будто увидел его заново.

— Это была шутка.

— Если вы думаете, будто этот план стоит того, чтобы попытаться его осуществить, то я бы хотел заручиться вашим словом, что он поможет что-то изменить.

— Такие вещи невозможно гарантировать! В конце концов, когда книг у нас было больше чем нужно, мы все равно из кожи лезли, чтобы найти самую высокую скалу и прыгнуть с нее. А сейчас нам нужна передышка. Нам очень нужны знания. И, может быть, через тысячу лет мы найдем для своих прыжков не столь высокие скалы. Книги должны напоминать нам, какие же мы ослы и дураки. Они — та самая преторианская гвардия Цезаря, которая шепчет императору, когда перед ним проходит ревуший триумфальный парад: «Помни, Цезарь, ты смертен». Большинство из нас не имеет возможности носиться с места на место, беседовать со всеми на свете, побывать во всех городах мира, у нас нет для этого ни времени, ни денег, ни такого количества друзей. Вещи, которые вы ищете, Монтаг,

действительно существуют в мире, но **СПОСОБ, ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ КОГДА-ЛИБО ПОЗНАТЬ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ ПРОЦЕНТОВ ВСЕГО ЭТОГО, ТОЛЬКО ОДИН – ЧТЕНИЕ КНИГ. ТАК ЧТО НЕ ТРЕБУЙТЕ ГАРАНТИЙ, МОНТАГ. И НЕ СТРЕМИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ ПАМЯТЬ О ВАС СОХРАНИЛАСЬ В ЧЕМ-ТО ОДНОМ – В КАКОМ-НИБУДЬ ЧЕЛОВЕКЕ, МАШИНЕ ИЛИ БИБЛИОТЕКЕ. САМИ Внесите СВОЮ ЛЕПТУ В СОХРАНЕНИЕ ЧЕГО БЫ ТО НИ БЫЛО. А ЕСЛИ НАЧНЕТЕ ТОНУТЬ, ТО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, УМИРАЯ, БУДЕТЕ ЗНАТЬ, ЧТО ПЛЫЛИ К БЕРЕГУ.**

Фабер поднялся и начал мерить шагами комнату.

— И что дальше? — спросил Монтаг.

— Вы действительно серьезно настроены?

— Абсолютно серьезно.

— Вероломный план, если называть вещи своими именами. — Фабер нервно бросил взгляд на дверь своей спальни. — Наблюдать, как по всей стране горят пожарные станции, как огонь уничтожает эти очаги предательства! Саламандра, пожирающая свой собственный хвост! Великий Боже!

— У меня есть общий список домашних адресов всех пожарных. Создав своего рода подпольную...

— Самое дрянное в том, что людям больше нельзя доверять. Ну, вы, я, а кто еще будет раздувать огонь?

— Разве нет больше профессоров, таких, как вы, бывших писателей, историков, лингвистов?..

— Либо мертвы, либо очень стары.

— Чем старее, тем лучше, на них никто не обратит внимания. Ну признайтесь, вы же знаете десятки таких людей!

— О, есть немало одиноких актеров, которые много лет не играют Пиранделло, или Шоу, или Шекспира, потому что их пьесы слишком уж полны *осознания* этого мира. Гнев актеров можно было бы использовать. И можно было бы использовать благородную ярость тех историков, которые за последние сорок лет не написали ни строчки. Это верно, мы могли бы открыть курсы думания и чтения.

— Да!

— Но все это лишь отщипывание с краешка.

ВСЯ НАША КУЛЬТУРА ПРОСТРЕЛЕНА НАВЫЛЕТ. Сам скелет необходимо переплавить и отлить в новую форму. Боже правый, это вовсе не так просто, как взять в руки книгу, отложенную полвека назад. Вспомните: необходимость в пожарных возникает довольно редко. **ПУБЛИКА САМА ПРЕКРАТИЛА ЧИТАТЬ КНИГИ, ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ.** Вы, пожарные, время от времени устраиваете цирковые представления — поджигаете дома, они полыхают, собираются толпы, чтобы поглазеть на огненное великолепие, — но на самом деле это не более чем дивертисмент, вряд ли подобные номера

так уж необходимы, чтобы поддерживать порядок вещей. В наше время очень немногие хотят быть мятежниками. А большинство этих немногих, как и я, очень легки на испуг. Кто-нибудь может плясать быстрее, чем Белый Клоун? А кричать громче, чем господин Трюкач и «семейки» из гостиных? Если может, то он добьется успеха, Монтаг. А вы в любом случае глупец. **ЛЮДИ РАЗВЛЕКАЮТСЯ.**

— И при этом кончают жизнь самоубийством! И убивают друг друга!

Все время, пока они разговаривали, стаи бомбардировщиков шли и шли на восток над домом, и только сейчас двое мужчин умолкли, прислушиваясь; им казалось, что могучее эхо реактивных двигателей дрожит в них самих.

— Терпение, Монтаг. Предоставьте войне выключить «семейки» на стенах. Наша цивилизация разваливается, и куски ее летят во все стороны. Держитесь подальше от этой центрифуги.

— Но кто-то ведь должен быть наготове, когда она рванет.

— Что-что? Вы имеете в виду людей, которые станут цитировать Мильтона? Которые будут говорить: «Я помню Софокла»? Напоминать выжившим, что у человека есть и хорошие стороны? Да эти выжившие наберут побольше камней и начнут швырять их друг в друга! Идите домой, Монтаг. Ложитесь спать. Зачем тратить свои последние

часы на бег в колесе, утверждая при этом, что ты вовсе не белка?

— Значит, вас больше ничего не трогает?

— Трогает, да так, что меня тошнит.

— И вы не станете мне помогать?

— Спокойной ночи, Монтаг, спокойной ночи.

Руки Монтага взяли со стола Библию. Он увидел, что сделали его руки, и удивился этому.

— Вы хотели бы иметь эту книгу?

— Я отдал бы за нее правую руку, — сказал Фабер.

Монтаг стоял и ждал, что произойдет дальше. Его руки, сами по себе, как два человека, работающие в паре, принялись выдирать из книги страницы. Они вырвали форзац, потом первую страницу, затем вторую.

— Идиот, что вы делаете? — Фабер вскочил, словно его ударили. Он бросился на Монтага. Тот отвел удар и позволил своим рукам продолжать. Еще шесть страниц упали на пол. Он подобрал их и скомкал под пристальным взглядом Фабера.

— Не делайте, ох, не делайте этого, — прошептал старик.

— Кто может мне помешать? Я же пожарный. Я могу сжечь вас!

Старик глядел на него во все глаза.

— Вы не станете делать этого.

— Но я мог бы!

— Книга... Не рвите ее больше. — Фабер опустился на стул, его лицо было очень белым, губы тряслись. — Сделайте что-нибудь, чтобы я не чувствовал своей усталости. Что вам нужно?

— Мне нужны вы — чтобы вы меня учили.

— Хорошо. Хорошо.

Монтаг положил книгу. Затем разобрал бумажный комок на странички и стал разглаживать каждый листок, старик опустошенно следил за ним.

Фабер потряс головой, словно пробуждаясь ото сна.

— Монтаг, у вас есть деньги?

— Немного. Четыреста или пятьсот долларов. А что?

— Принесите их. Я знаю одного человека, который полвека назад печатал газету нашего колледжа. Как раз в том году, придя в аудиторию в начале нового семестра, я обнаружил, что на мой курс истории драмы от Эсхила до О'Нила записался всего один студент. Чувствуете? Это было все равно что наблюдать, как прекрасная ледяная статуя тает под лучами солнца. Я помню, как умирали газеты — словно гигантские мотыльки на огне. И никто не хотел, чтобы они возродились. Никто не сожалел о них. И вот тогда правительство, увидев, насколько оно выиграет, если люди будут читать только о страстных губах и ударах в живот, закольцевало ситуацию, прибегнув к ва-

шей помощи, к помощи пожирателей огня... Итак, Монтаг, у нас есть этот безработный печатник. Мы могли бы начать с нескольких книг, а затем дожидаться войны, которая разрушит сложившийся порядок вещей и даст нам необходимый толчок. Несколько бомб — и «семьи», эти крысы в костюмах арлекинов, живущие в стенах всех какие только есть домов, заткнутся навсегда! И в тишине далеко разнесется наш театральный шепот.

Они оба стояли и смотрели на книгу, лежавшую на столе.

— Я старался заучить текст, — сказал Монтаг. — Но черт возьми, только повернешь голову — и его уже нет! Господи, как бы я хотел сказать пару слов Капитану. Он достаточно много читал, и у него на все есть ответы, или, по крайней мере, он делает вид, что они у него есть. У него такой масляный голос. Вот только боюсь, он переговаривает меня, и я снова стану таким, как раньше. А ведь всего неделю назад, нагнетая керосин в шланг, я еще думал: «Боже, какая забава!»

Старик кивнул.

— Кто не строит, должен сжигать дотла. Это старо как мир, как преступления малолетних.

— Значит, я и есть малолетний преступник.

— Кое-что такое есть в каждом из нас.

Монтаг направился к двери.

— Вы можете хоть как-нибудь помочь мне в моем разговоре с Пожарным Капитаном сегодня

ня вечером? Мне нужен зонтик, чтобы не промокнуть под дождем. Чертовски боюсь захлебнуться, ведь как только я появлюсь у него снова, он обрушит на меня целый ливень слов.

Старик ничего не ответил, но опять, заметно нервничая, смотрел в сторону спальни. Монтаг перехватил его взгляд.

— Так как?

Фабер глубоко вдохнул, задержал воздух и выпустил его. Снова глубокий вдох — глаза закрыты, рот плотно сжат — и долгий выдох.

— Монтаг...

Наконец старик повернулся и сказал:

— Идите. На самом деле, мне следовало бы дать вам уйти из моего дома. Я ведь действительно трусливый старый дурак.

Он отворил дверь спальни и впустил Монтага в маленькую каморку, где стоял стол, заваленный мотками микроскопически тонкой волосяной проволоки, крошечными катушками, бобинами и кристаллами, среди этого беспорядка лежало несколько металлических инструментов.

— Что это? — удивился Монтаг.

— Свидетельство моей ужасающей трусости. Ведь я столько лет прожил в одиночестве, проецируя на стены химеры моего воображения.

Я возился с электроникой, радиопередатчиками, это стало моим хобби. Моя трусость, да еще в сочетании с революционным духом, обитающим

под ее сенью, оказалась такой страстной силой, что я не мог не избрести вот это.

Он взял со стола маленький зеленый металлический предмет размером не больше пули двадцать второго калибра.

— Я оплатил все это. Откуда взял деньги? Играл на бирже, разумеется. Биржа — это последнее прибежище опасных интеллектуалов, оставшихся без работы. Итак, я играл на бирже, работал над этой штукой — и ждал. Я полжизни ждал, трясаясь от страха, чтобы кто-нибудь заговорил со мной. Сам-то я не решался ни с кем заговаривать. В тот день, когда мы с вами сидели рядышком в парке и беседовали, я уже знал, что придет время, и вы заглянете ко мне — только вот из каких побуждений, из огнелюбия или дружелюбия, угадать было трудно. Эта маленькая штучка была готова уже много месяцев назад. А ведь я чуть было не позволил вам уйти, вот насколько я боюсь!

— В ней что, приемничек «ракушка»?

— И кое-что еще! Она может слушать! Если вы вставите мою «ракушку» в ухо, Монтаг, то я, уютно сидя у себя дома, грея свои трусливые косточки, смогу слышать, что творится в мире пожарных, анализировать, выискивать его слабые стороны, при этом не подвергая себя риску. Я буду пчелиной маткой, сидящей в безопасности в своем улье. А вы будете трутнем, моим стран-

ствующим ухом. Со временем я мог бы разместить такие уши во всех частях города, среди самых разных людей, мог бы слушать и оценивать все вокруг. Если трутни умрут, то я все равно останусь целым и невредимым у себя дома и смогу тешить свой страх с максимумом комфорта и минимумом риска. Видите, какую верную игру я затеял и какого презрения я в сущности достоин?

Монтаг поместил зеленую пулю себе в ухо. Старик вставил такой же предмет в свое собственное ухо и зашевелил губами.

— Монтаг!

Голос звучал в голове Монтага.

— Я вас слышу!

Старик рассмеялся.

— Вас тоже замечательно слышно! — шепнул Фабер, но его голос звучал в голове Монтага чисто и ясно.

— Когда настанет время, отправляйтесь на пожарную станцию. Я буду с вами. Давайте вместе послушаем, что скажет этот Капитан Битти. Бог знает, может быть, он один из нас. Я буду подсказывать вам, что говорить. Мы его отлично разыграем. Вы, наверное, ненавидите меня за эту мою электронную трусость? Ведь я посылаю вас одного в ночную темь, а сам остаюсь за линией фронта и, может быть, услышу своими чертовыми ушами, как вам там снесут голову.

— Каждый делает то, что делает, — сказал Монтаг. Он вложил Библию в руки старику. — Возьмите ее. Я постараюсь устроить какую-нибудь замену. Завтра...

— Да, завтра я повстречаюсь с тем самым безработным печатником. Уж эту-то малость я могу сделать.

— Доброй ночи, профессор.

— Нет, не доброй. Остаток ночи я проведу с вами — в виде плодовой мушки, которая будет щекотать вам ухо всякий раз, как только вы почувствуете во мне нужду. Но все-таки доброй ночи. И, во всяком случае, удачи!

Дверь открылась и захлопнулась. Монтаг снова очутился на темной улице. Он внимательно взгляделся в окружавший его мир.

В ту ночь уже по виду неба можно было почувствовать, что дело идет к войне. По тому, как уходили и возвращались тучи; по тому, как выглядели звезды — целый миллион звезд плыл в просветах между облаками, словно вражеские летающие диски; по тому невольному ощущению, что небо вот-вот обрушится на город и превратит его в меловую пыль, а потом в языках красного пламени взойдет луна, — вот что чувствовалось в ту ночь.

Монтаг шел от станции метро с деньгами в кармане (он взял их в банке, одном из тех, что

были открыты каждую ночь, с вечера до утра, клиентов в них обслуживали роботы-кассиры) и по дороге слушал вставленную в ухо «ракушку»:

— Мы мобилизовали миллион человек. Если начнется война, быстрая победа нам обеспечена...

Неожиданно поток музыки захлестнул голос, и он пропал.

— Мобилизовано десять миллионов, — шептал в другом ухе голос Фабера. — А они говорят, что только один. Так отраднее.

— Фабер?

— Да.

— Я же не думаю. Я делаю только то, что мне говорят, как всегда и было. Вы сказали мне достать деньги, и я достал. Но сам я об этом вовсе не думал. Когда же я начну соображать самостоятельно?

— Вы уже начали, когда вам в голову пришли именно те слова, которые вы только что произнесли. Поверьте мне на слово.

— Другим я тоже верил на слово!

— Правильно, а теперь посмотрите, куда это нас завело. Какое-то время вам придется передвигаться вслепую. Вот вам моя рука — держитесь за нее.

— Я не хочу перебегать с одной стороны на другую только для того, чтобы мне опять *говорили*, что я должен делать. Нет никакого смысла пере-

ходить на другую сторону, если все пойдет по-старому.

— Вы уже стали мудрее!

Монтаг почувствовал, как ноги сами несут его по тротуару в сторону дома.

— Говорите, говорите.

— Хотите, я вам почитаю? Я буду читать так, чтобы вы могли запомнить. Ночью я сплю не больше пяти часов. Делать мне нечего. Если вы не против, я буду читать вам, чтобы вы лучше спали по ночам. Говорят, можно усвоить знания даже во сне, если кто-то будет нашептывать вам в ухо.

— Да.

— Так вот.

Далеко, в другом конце города, — тишайший шепот переворачиваемой страницы.

— Книга Иова.

В небе поднималась луна, а Монтаг шагал и шагал по тротуару, легонько шевеля губами.

В девять вечера, когда Монтаг сидел за легким ужином, в передней заголосила входная дверь, и Милдред кинулась из гостиной, как туземка, спасающаяся от извержения Везувия. Госпожа Фелпс и госпожа Боулз вошли в парадную дверь и тут же исчезли в пасти вулкана с мартини в руках. Монтаг оторвался от еды. Женщины напоминали чудовищные стеклянные люстры, звенящие на тысячи хрустальных голосов, а их без-

умные, как у Чеширского кота, улыбки прожигали стены дома. Не успев войти, они принялись визжать от восторга, перекрывая грохот музыки.

Монтаг вдруг понял, что он незаметно для себя оказался на пороге гостиной с недожеванной пищей во рту.

— Как все прелестно выглядят!

— Прелестно!

— Милли, ты чудесно выглядишь!

— Чудесно!

— Все выглядят просто шикарно!

— Шикарно!

Монтаг стоял и наблюдал за ними.

— Терпение! — шепнул Фабер.

— Не надо было мне приходиться сюда, — прошептал в ответ Монтаг, словно говоря сам с собой. — Я давно уже должен ехать к вам с деньгами.

— У вас будет достаточно времени завтра. Будьте осторожны!

— Ну разве не замечательное шоу? — воскликнула Милдред.

— Замечательное!

На одной из телестен какая-то женщина одновременно улыбалась и пила апельсиновый сок. «Как ей удастся делать два дела сразу?» — думал Монтаг на грани безумия. На других стенах рентгеновское изображение той же дамы являло конвульсивное путешествие освежительного напитка

из полости рта в изнемогающий от наслаждения желудок.

Внезапно вся гостиная взлетела ракетой за облака, а затем нырнула в лимонно-зеленое море, где синие рыбы поедали красных и желтых рыб. Спустя минуту Три Белых Мультишных Клоуна уже оттяпывали друг дружке конечности под аккомпанемент бурных приливов смеха. Еще две минуты — и вся гостиная, умчавшись из города, стала ареной, где бешено кружили реактивные машины — они сталкивались, давали задний ход и снова сталкивались друг с другом. Монтаг увидел, как в воздух взлетело несколько человеческих тел.

— Милли, ты *видела*?

— Видела! *Видела!*

Монтаг сунул руку внутрь стены и щелкнул главным выключателем. Картинки на стенах утянулись вниз, как если бы кто-то выпустил воду из гигантской хрустальной вазы с истеричными рыбками.

Три женщины медленно повернулись и взглянули на Монтага с нескрываемым раздражением, которое сменилось неприязнью.

— Как вы полагаете, когда начнется война? — спросил он. — Я успел заметить, что ваших мужей сегодня нет с нами.

— О, они приходят и уходят, приходят и уходят, — сказала госпожа Фелпс. — Туда-сюда,

сюда-туда, а потом все снова, снова здорово... Вчера армейские призвали Пита. Он вернется на следующей неделе. Так армейские и сказали. Скорая война. Сорок восемь часов, сказали они, и все будут дома. Именно это армейские и сказали. Скорая война. Вчера Пита призвали и сразу сказали, мол, на следующей неделе он уже вернется. Скорая...

Три женщины беспокойно ерзали на стульях и нервно поглядывали на пустые стены грязного цвета.

— Я не беспокоюсь, — сказала госпожа Фелпс. — Это пусть Пит беспокоится, — хихикнула она. — Да, пусть старина Пит сам и беспокоится. Это его дело беспокоиться, а не мое. Мне беспокоиться нечего.

— Да, — сказала Милли. — Пусть старина Пит сам и беспокоится.

— Говорят, на войне всегда умирают какие-нибудь другие мужья.

— Да, я тоже это слышала. За всю жизнь не видела ни одного мертвеца, убитого на войне. Вот мертвых, которые с крыши прыгнули, это да, видела, взять хотя бы мужа Глории, который прыгнул на прошлой неделе. А чтобы на войне, нет, не видела.

— Да уж, на войне — никогда, — сказала госпожа Фелпс. — Во всяком случае, мы с Питом всегда говорили: никаких слез, вообще ничего

такого. Для каждого из нас это третий брак, и мы оба совершенно независимы. Будь независим! — вот что мы всегда говорили. Пит сказал буквально следующее: «Если меня убьют, живи как ни в чем не бывало и не плачь, снова выходи замуж и обо мне не думай».

— Это мне кое-что напоминает, — сказала Милдред. — Вы видели вчера вечером по своей стене пятиминутный любовный роман Клары Голубки? Ну, про то, как эта женщина, которая...

Монтаг ничего не сказал на это. Он стоял и разглядывал лица женщин, как когда-то в детстве разглядывал лики святых в одной странной церкви, куда случайно зашел. Лики тех эмалевых созданий так и не наполнились для него смыслом, хотя он разговаривал с ними и стоял там довольно долго, пытаюсь почувствовать себя внутри этой религии, стремясь понять, какова же она, эта чужая религия, силясь вобрать в легкие, а значит, и в кровь побольше сырого ладана и особой пыли того места, чтобы раскрашенные мужчины и женщины с фарфоровыми глазами и кровавыми рубиновыми губами наконец тронули его, чтобы он проникся их значением. Нет, ничего не получилось, ничего; он словно бы зашел в очередной магазин, но его деньги оказались чужеземной валютой, не имевшей здесь обращения, и никакое чувство не вспыхнуло в холодной

душе, даже когда он коснулся пальцами дерева, гипса, глины... То же самое было и теперь, в его собственной гостиной, где женщины нервно ерзали на стульях под его неотступным взглядом; они раскуривали сигареты, выпускали дым, поправляли свои прически цвета солнечного огня и внимательно разглядывали ногти, пылавшие красным так, словно бы именно этот взгляд их только что и воспламенил. Лица женщин осунулись от молчания. Монтаг шумно проглотил последний кусок пищи, и от этого звука все трое подались вперед. Они прислушивались к его лихорадочному дыханию. Три пустые стены гостиной были словно бледные лбы задремавших гигантов, погруженных в пустой, без видений, сон. Монтагу казалось, что если он дотронется до этих вытаращенных лбов, то на пальцах останется тонкая пленка соленого пота. Испарина густела, набираясь молчания и тонкого, на пороге слышимости, звона, дрожавшего вокруг, во всем пространстве, всюду, даже в самих женщинах, сгоравших от напряжения. В любой момент они могли испустить долгий шипящий свист и взорваться, брызжа слюной.

Монтаг шевельнул губами:

— Давайте поговорим.

Женщины вздрогнули и уставились на него.

— Как ваши дети, госпожа Фелпс? — спросил он.

— Вы же знаете, что у меня нет никаких детей! **ГОСПОДЬ СВИДЕТЕЛЬ, НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК, БУДУЧИ В ЗДРАВом УМЕ, НЕ СТАНЕТ ОБЗАВОДИТЬСЯ ПОТОМСТВОМ!** — воскликнула госпожа Фелпс, не вполне понимая, почему этот мужчина так бешит ее.

— Я бы так не сказала, — заявила госпожа Боулз. — У меня двое детей, и мне оба раза делали кесарево сечение. Нет никакого смысла идти на родовые муки ради ребеночка. Но ведь, вы понимаете, мир должен воспроизводить себя, человеческая раса обязана продвигаться вперед. Помимо всего прочего, детки иногда выглядят совсем как вы сами, это просто прелестно. Да, сэр, два кесаревых — и вся недолга. О, конечно, мой врач говорил мне: «В кесаревых сечениях нет необходимости, у вас хорошие бедра, все в норме», — но я *настояла*.

— Кесарево там или не кесарево, но дети — это катастрофа. Вы просто не в своем уме, — сказала госпожа Фелпс.

— **Я ЗАКИДЫВАЮ ДЕТЕЙ В ШКОЛУ НА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ИЗ ДЕСЯТИ. ТАК ЧТО ОНИ ОСТАЮТСЯ СО МНОЙ ВСЕГО ТРИ ДНЯ В МЕСЯЦ, КОГДА ПРИХОДЯТ ДОМОЙ НА ПОБЫВКУ; НЕ ТАК УЖ ЭТО И ПЛОХО. ЗАГОНЯЕШЬ ИХ В ГОСТИНУЮ И ЩЕЛКАЕШЬ ВЫКЛЮЧАТЕЛЕМ. ЭТО КАК СТИРКА: ЗАГРУЖАЕШЬ БЕЛЬЕ В МАШИНУ И ХЛОПАЕШЬ КРЫШКОЙ,** — хихикнула миссис Боулз. — Они могут поцеловать меня, а могут дать пинка. Сла-

ва богу, я могу ответить тем же, мой пинок не хуже.

Женщины расхохотались, вывалив языки.

Несколько секунд Милдред сидела молча, а затем, увидев, что муж все еще стоит в дверях, захлопала в ладоши.

— Давайте поговорим о политике, чтобы развлечь Гая!

— Звучит неплохо, — сказала госпожа Боулз. — На прошлых выборах я голосовала, так же как и все, и рискнула поставить на Президента Ноубла. Я думаю, он один из самых симпатичных мужчин, когда-либо становившихся президентами.

— Ох, а что вы скажете о мужчине, которого выставили против него?

— Не очень, правда? Маловат ростом, невзрачный, да еще и брился нечисто, и причесывался кое-как.

— Чего это оппозиции взбрело в голову его выдвигать? Так не годится — выставлять подобного коротышку против высокого мужчины! К тому же он мямлил! В половине случаев я не могла расслышать ни слова. А те слова, что я все-таки расслышала, были абсолютно непонятны!

— Он еще толстый и не умеет скрывать это одеждой. Неудивительно, что Уинстон Ноубл одержал такую сокрушительную победу! Даже фамилии сработали. Поставьте рядом хотя бы на де-

сять секунд: Уинстон Ноубл и Хьюберт Хоуг¹, — результат становится ясен сразу.

— Черт возьми! — закричал Монтаг. — Да что вы знаете о Хоуге и Ноубле!

— Как это что? Мы же недавно видели их на стене в гостиной, еще и шести месяцев не прошло. Один все время ковырял в носу, я чуть не взбесилась!

— Ну же, господин Монтаг, — сказала госпожа Фелпс, — неужели вы хотите, чтобы мы голосовали за такого человека?

Милдред просияла:

— Знаешь, Гай, смойся куда подальше от двери и не нервируй нас больше.

Но Монтаг уже исчез, а через секунду вернулся с книгой в руке.

— Гай!

— Будь все проклято! Проклято! Проклято!

— Что это у вас там, уж не книга ли? А я думала, что в наше время всякие специальные знания даются с помощью фильмов. — Госпожа Фелпс заморгала. — Вы читаете по теории пожарного дела?

---

¹ Игра слов. Noble переводится с английского, как «благородный, знатный, титулованный; дворянин, аристократ»; фамилия Hoag не имеет точного значения, однако это слово близко к hog, «боров, свинья», а также может быть воспринято как редуцированное hoagy, гигантский («свинский») сэндвич.

— Теория, черта с два! — буркнул Монтаг. — Это поэзия.

— Монтаг! — Шепот.

— Оставьте меня в покое! — Монтагу казалось, будто он несется в гигантском круговороте рева, гула, гама...

— Монтаг, постойте, не надо...

— Вы *слышали*? Вы слышали, как эти чудовища толкуют про других чудовищ? Бог ты мой, это же надо так трещать о людях, о своих собственных детях, о самих себе! Так рассуждать о своих мужьях, нести такую чушь про войну! Черт подери, я стою здесь — и ушам не верю!

— Должна вам сказать, я и слова-то о *войне* не молвила, — возмутилась госпожа Фелпс.

— Что до поэзии, то я ее ненавижу, — заметила госпожа Боулз.

— А вы когда-нибудь стихи слышали?

— Монтаг! — Голос Фабера еле пробивался в его мозг. — Вы все погубите! Заткнитесь! Вот дурак!

Все три женщины поднялись с мест.

— Сядьте!

Они сели.

— Я ухожу домой, — с дрожью в голосе объявила госпожа Боулз.

— Монтаг, Монтаг, пожалуйста, ради бога! — умолял Фабер. — Что вы замыслили?

— Почему бы вам не прочитать вслух какое-

нибудь стихотворение из вашей книжки? — Госпожа Фелпс кивнула на томик. — Я думаю, это было бы очень интересно.

— Так не годится, — взвыла госпожа Буулз. — Этого нельзя делать!

— Но вы только посмотрите на господина Монтага! Ему же хочется почитать, я знаю, что хочется. А если мы будем хорошо слушать, господин Монтаг развеселится, и тогда мы, наверное, сможем остаться и поделаться что-нибудь еще.

Госпожа Фелпс нервно обвела взглядом протяжную пустоту стен, окружавших их.

— Монтаг, еще немного в этом духе, и я отключусь, я брошу вас. — Маленький «жучок» уколол его в ухо. — Какая от этого польза? Что вы докажете?

— Напугаю их до смерти, вот что я сделаю! Напугаю так, что им белый свет не мил будет!

Милдред уставилась в воздушную пустоту.

— Интересно, Гай, с кем это ты разговариваешь?

Серебряная игла пронзила его мозг.

— Монтаг, послушайте, есть только один выход. Скажите, что вы пошутили, загладьте все, сделайте вид, что больше не сердитесь. А затем — подойдите к стенному мусоросжигателю и бросьте туда книгу!

Предчувствуя, что может произойти, Милдред сказала дрожащим голосом:

— Раз в год, милые дамы, каждому пожарному разрешается принести домой одну книгу, из тех, что описывают старые времена, и показать семье, как глупо тогда все было устроено, как эти книжки заставляли людей нервничать, просто делали их психами. Сегодня вечером Гай приготовил сюрприз: он прочитает вам один образчик и продемонстрирует, какая тогда царила неразбериха, чтобы впредь мы никогда не забивали наши старенькие головки этим мусором, *не так ли, дорогой?*

Монтаг стиснул книгу в руках.

— Скажите «да».

Его губы повторили вслед за губами Фабера:

— Да.

Милдред со смехом выхватила книгу.

— Вот! Прочитай это стихотворение! Нет, дай-ка сюда, вот, это совсем смешное, ты сегодня уже читал его вслух. Дамы, вы не поймете ни слова! Там сплошь — турурум-пум-пум... Давай, Гай, читай на этой странице, дорогой!

Монтаг взглянул на раскрытую страницу.

Мушка в его ухе нежно затрепетала крыльями:

— Читайте!

— Как называется, дорогой?

— «Дуврский берег»¹.

---

¹ Стихотворение Мэтью Арнолда (1822—1888), английского поэта, педагога и критика; написано в 1867 г.

Губы Монтага онемели.

— Только читай хорошеньким ясным голосом
и медленно.

Комната была для Монтага огненным пеклом; он весь горел, он весь леденел; дамы сидели посреди голой пустыни, где было три стула и он, Монтаг, который стоял, покачиваясь из стороны в сторону, он, Монтаг, который стоял и ждал, когда госпожа Фелпс кончит поправлять кромку платья, а госпожа Боулз уберет пальцы от своей прически. Затем он начал читать — низким прерывающимся голосом, который креп по мере того, как Монтаг переходил от строчки к строчке, и голос этот уносился в пустыню, летел через все пространство белизны и возвращался, чтобы обвиться вокруг трех женщин, сидевших там в великой жаркой пустоте:

Давно ль прилив будил во мне мечты?
Его с доверьем я
Приветствовал: он сушу обвивал,
Как пояс из узорчатой тафты.
Увы, теперь вдали
Я слышу словно зов небытия:
Стеная, шлет прилив за валом вал,
Захлестывая петлю вокруг земли.

Под тремя женщинами закрипели стулья, и
Монтаг закончил, возвысив голос:

Пребудем же верны,
Любимая, — верны любви своей!

Ведь мир, что нам казался царством фей,
Исполненным прекрасной новизны,
Он въявь — угрюм, безрадостен, уныл,
В нем ни любви, ни жалости; и мы,
Одни, среди надвинувшейся тьмы,
Трепещем: рок суровый погрузил
Нас в гущу схватки перевозданных сил¹.

Госпожа Фелпс плакала.

Две другие дамы, оставаясь посреди пустыни, наблюдали за своей подругой, она плакала все громче и громче, а лицо ее исказилось до неузнаваемости. Они сидели, не касаясь ее, ошеломленные таким проявлением чувств. Госпожа Фелпс рыдала, не владея собой. Монтаг и сам был огорошен и потрясен.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, — прошептала Милдред. — Все в порядке, Клара, ну же, Клара, перестань кукситься! Клара, что произошло?

— Я... я... — рыдала госпожа Фелпс, — я не знаю, не знаю, ох, я просто не знаю... Ох...

Госпожа Боулз встала и свирепо уставилась на Монтага.

— Видите? **я знала с самого начала, именно это я и хотела доказать! я знала, что такое случится! я всегда говорила: где поэзия, там и слезы, где поэзия, там и самоубийства, рыдания, жуткие ощущения, где поэзия, там и хворь, и вообще**

---

¹ Перевод М. А. Донского.

ВСЯКАЯ ДРЯНЬ! Теперь я в этом полностью убедилась. Вы гадкий человек, господин Монтаг, очень гадкий!

— Пора... — сказал Фабер.

Монтаг почувствовал, что поворачивается, бредет к щели в стене и заталкивает книгу в прорезь, окантованную медью, — там, внутри, ее уже ждет пламя.

— Глупые слова, глупые слова, глупые ужасные вредоносные слова, — сказала госпожа Боулз. — Ну почему люди так *стремятся* навредить друг другу? Как будто в мире мало вреда, нет, им надо еще приставать к ближним с подобными вещами!

— Клара, ну же, Клара, — упрашивала Милдред, дергая госпожу Фелпс за руку. — Ну давай, веселей, ты сейчас сама включишь «семью», хочешь? Действуй! Будем смеяться и радоваться, перестань плакать, начинаем вечеринку!

— Нет, — сказала госпожа Боулз. — Я постопаю напрямиком домой. Захотите навестить меня и мою «семью» — хорошо и даже отлично. Но здесь, в придурочном доме этого пожарного, вы меня в жизни больше не увидите!

— Вот и убирайтесь домой, — сказал Монтаг очень тихо, сверля ее взглядом. — Убирайтесь домой и подумайте там о вашем первом муже, с которым вы развелись, и о вашем втором муже, разбившемся в реактивной машине, и о вашем

третьем муже, которому в этот момент вышибают мозги! Идите домой и подумайте о десятках абортов, которые вы сделали, идите, идите домой и подумайте обо всем этом, и еще о ваших чертовых кесаревых сечениях, и о детях, которые ненавидят вас до глубины души! Убирайтесь домой и подумайте там, как все это могло случиться и что вы сделали когда-либо, чтобы это предотвратить. Убирайтесь! Убирайтесь домой! — Монтаг уже кричал. — Пока я не сбил вас с ног и пинком не вышвырнул на улицу!

Двери хлопнули, и дом опустел. Монтаг стоял один посреди зимней стужи, и стены гостиной были цвета грязного снега.

В ванной полилась вода. Он услышал, как Милдред вытряхивает на ладонь таблетки снотворного.

— Вы дурак, Монтаг, дурак, дурак, о боже, какой же вы глупый дурак...

— Заткнитесь! — Монтаг вытащил из уха зеленую пультку и затолкал ее в карман.

Она продолжала тихонько шкворчать:

— ...дурак... дурак...

Монтаг обыскал дом и нашел книги — Милдред засунула их за холодильник. Некоторых не хватало, и он понял, что жена по собственной инициативе начала потихоньку убавлять количество динамита в доме — брикет за брикетом. Но Монтаг больше не сердился, он чувствовал толь-

ко опустошение, а если и удивлялся чему-либо, то лишь самому себе. Он вынес книги на задний двор и спрятал их в кустах около забора. Только на одну ночь, думал он, на тот случай, если она решит еще что-нибудь сжечь.

Он вернулся и прошел по всему дому.

— Милдред? — позвал он у двери затемненной спальни.

В ответ не раздалось ни звука.

На улице, отправившись на работу, он постарался не заметить, пересекая газон, каким донельзя темным и опустевшим был дом Клариссы Макклеллан...

По пути в центр города Монтагу было настолько одиноко после жуткой ошибки, которую он недавно совершил, что ему остро захотелось снова ощутить странную теплоту и умиротворение, которыми был пронизан мягкий, ставший привычным голос, бестелесно звучащий в ночи. Хотя прошло всего несколько коротких часов, ему уже казалось, что он знает Фабера всю свою жизнь. Монтаг понимал теперь, что в нем умещаются два человека. Прежде всего, это был он сам, Монтаг, который ничего не знал в этой жизни, который не знал даже, каким он был дураком, только смутно подозревал это. И одновременно он осознавал, что был еще и стариком, который разговаривал с ним, Монтагом, все разговаривал и разговаривал с ним, пока поезд, всосанный трубой на од-

ной окраине ночного города, мчал его к другой окраине, подчиняя свое движение долгой, затяжной судороге перехваченного подземного горла. И все последующие дни, и все последующие ночи, лишенные луны, и все ночи, озаренные ярчайшей луной, смотрящей с небес на землю, старик будет продолжать этот разговор, будет разговаривать и разговаривать, капля за каплей, камень за камнем, слой за слоем. Его мозг в конце концов переполнится, и он больше не будет Монтагом, уж это старик сказал ему твердо, уж в этом заверил его, уж это ему обещал. С того момента он будет — Монтаг-плюс-Фабер, огонь плюс вода, а затем, в один прекрасный день, когда все перемешается, прокипит и бесшумно переработается, не останется ни огня, ни воды, получится вино. Из двух совершенно разных и противоположных вещей возникнет третья. И однажды, оглянувшись назад, на дурака, оставшегося в прошлом, он поймет, что и на самом деле был круглым дураком. Даже сейчас он мог почувствовать, что уже пустился в этот долгий путь, что прощание с самим собой уже началось и он с каждым шагом удаляется от себя, от того себя, каким был раньше.

Приятно было идти и прислушиваться к басовитому гудению «жука» в своем ухе, к сонному комариному писку, к тончайшему филигранному журчанию стариковского голоса — сначала тот

брания его, а потом, уже поздно ночью, когда Монтаг вышел в клубах пара из подземки и снова очутился в мире пожарных станций, — принялся утешать.

— Сострадание, Монтаг, сострадание. Не заводите, не изводите этих людей, ведь совсем недавно вы были одним из них. Они так уверены, что будут заниматься своим делом вечно. Но заниматься этим делом им осталось недолго. Они не знают, что вся их деятельность — это большой, гигантский сверкающий метеор, который, летя в пространстве, пылает восхитительным огнем, но рано или поздно нанесет удар. Они же, как и вы в прошлом, видят только яркий блеск и полыханье красочного пламени. Старички, которые сидят дома, Монтаг, перепуганные старички, нежащие свои кости, хрупкие, как арахисовая скорлупа, не имеют права на критику. И тем не менее я вам скажу: вы почти что загубили все в самом начале. Будьте осторожны! Я с вами, помните об этом. Я прекрасно понимаю, как все могло так получиться. Должен сознаться, ваша слепая ярость придала мне сил. Господи, как же молодо я себя почувствовал! Но сейчас... сейчас я хочу, чтобы вы почувствовали себя стариком, хочу, чтобы сегодня вечером в вас перелилась хоть капелька моей трусости. Ближайшие несколько часов, после того как вы встретитесь с Капитаном Битти, ходите

вокруг него на цыпочках, пусть я буду слушать его вместо вас, дайте мне возможность оценить ситуацию. Выживание — это наш билет в будущее. Забудьте об этих несчастных глупых женщинах...

— Я сделал их еще более несчастными, — сказал Монтаг. — Думаю, они много лет не испытывали ничего подобного. Я был потрясен, увидев, как госпожа Фелпс рыдает. Может быть, они правы, может быть, и впрямь лучше не смотреть в лицо реальности, а предаваться развлечениям. Не знаю. Я чувствую свою вину...

— Нет, вы не должны винить себя! Если бы не было войны, если бы на Земле царил мир, я сам сказал бы вам — все прекрасно, развлекайтесь сколько угодно. Но, Монтаг, вы не должны снова становиться пожарным, просто пожарным. С этим миром все не очень-то ладно.

Монтаг внезапно вспотел.

— Вы слушаете меня, Монтаг?

— Мои ноги... — сказал Монтаг. — Я не могу даже шевельнуть ими. Глупейшее чувство, черт побери. Мои ноги не желают двигаться!

— Послушайте, Монтаг. Успокойтесь, — мягко сказал старик. — Я знаю, я знаю. Вы боитесь наделать ошибок. *Не бойтесь!* Ошибки можно обратить себе на пользу. Ох, парень, когда я был моложе, я просто *швырял* свое невежество людям в лицо. Меня били за это палками. К со-

рока годам я отточил свой интеллект, и он из тупого орудия превратился в тонкий режущий инструмент. Если вы будете скрывать свое невежество, никто вас пальцем не тронет, но вы ничему и не научитесь. А сейчас — берите ноги в руки, и вперед, к пожарной станции! Мы близнецы, мы больше не одиноки, мы не сидим порознь в своих гостиных, не имея никакого контакта друг с другом. Если вам потребуется помощь, когда Битти начнет расспрашивать вас с особым пристрастием, знайте: я буду прямо здесь, в вашей барабанной перепонке, я все возьму на заметку!

Монтаг почувствовал, как шевельнулись его ноги — сначала правая, затем левая.

— Старина, — сказал он, — не покидайте меня.

Механической Гончей на месте не было. Ее конура оказалась пустой, и все здание пожарной станции было погружено в белую штукатурную тишину, и оранжевая «Саламандра» спала с полным брюхом керосина, а скрещенные огнеметы висели на ее боках... — Монтаг с бьющимся, замирающим, снова бьющимся сердцем прошел сквозь эту тишину и, коснувшись рукой медного шеста, скользнул в темном воздухе ввысь, то и дело оглядываясь на пустую конуру. Фабер в эти секунды был серой ночной бабочкой, спавшей у него в ухе.

Битти стоял возле люка в ожидании, но при этом повернувшись спиной, словно он вовсе никого и не ждал.

— Ну вот, — сказал он, обращаясь к пожарным, игравшим в карты, — к нам пожаловал престранный зверь, который на всех языках именуется словом «дурак».

Не оборачиваясь, он протянул вбок руку, ладонью вверх, требуя подношения. Монтаг положил на ладонь книгу. Даже не взглянув на обложку, Битти швырнул книгу в мусорную корзину и закурил сигарету.

— «И мудрецам порой нетрудно стать глупцами»¹. С возвращением, Монтаг. Надеюсь, теперь, когда лихорадка у тебя прошла и болезнь отступила, ты останешься с нами. Присаживайся. Сыграем в покер?

Они сели за стол. Раздали карты. Находясь в поле зрения Битти, Монтаг остро ощущал вину своих рук.

Его пальцы были словно хорьки, которые наводили бед и теперь никак не могли успокоиться: они все время шевелились, перебирали что-то и прятались в карманы, пытались скрыться от бесцветного, как спиртовое пламя, взгляда

---

¹ Заключительная строка стихотворения английского поэта Джона Донна (1572—1631) «Тройной глупец». Перевод Б. В. Томашевского.

Битти. Монтагу казалось: стоит Битти только донуть на них, как руки тут же иссохнут, свернутся по краям, и их никогда уже не удастся оживить; до конца его дней они останутся похороненными в рукавах куртки, забытые навсегда. Потому что это были те самые руки, которые начали действовать самостоятельно, руки, которые перестали быть его частью, именно в них совесть впервые проявила себя, заставив его схватить книги и умчаться, унося с собой Книгу Иова, и Книгу Руфь, и Вилли Шекспира, а сейчас, в пожарной станции, ему мерещилось, что эти руки покрыты кровью, словно обтянуты красными перчатками.

Дважды на протяжении получаса Монтаг вынужден был отрываться от игры и уходить в уборную, чтобы вымыть руки. А когда возвращался, он прятал руки под стол.

Битти смеялся:

— Держи свои руки на виду, Монтаг. Понимаешь, не то чтобы мы тебе не доверяли, но...

Все дружно хохотали.

— Ладно, — сказал Битти. — Кризис позади, и все опять хорошо, овца возвращается в овчарню. Все мы овцы, которые иногда отрывались от стада. Правда есть правда, стенали мы, и она останется таковой до Судного дня. Те, кто исполнены благородными мыслями, никогда не будут одиноки, кричали мы самим себе. «Сладкоречи-

вой мудрости нам сладостны плоды»¹, сказал сэра Филип Сидни. Но с другой стороны: «Слова как листва; где обилье слов, там зрелых мыслей не найдешь плодов»². Александр Поуп. Что ты об этом думаешь, Монтаг?

— Не знаю.

— Осторожнее, — шепнул Фабер; его жилье сейчас было очень далеко отсюда, в другом мире.

— А вот об этом? «И полузнайство ложь в себе таит; Струею упивайся пиерид: Один глоток пьянит рассудок твой, Пьешь много — снова с трезвой головой». Поуп, все тот же «Опыт о критике». И что из этого следует?

Монтаг прикусил губу.

— А я скажу тебе, что следует, — сказал Битти, с улыбкой разглядывая свои карты. — Ты действительно на какое-то время стал пьяницей. Прочитал несколько строк — и тут же полез на скалу: сейчас, мол, прыгну. Бух! — и ты уже готов взорвать весь мир, рубить головы, сбивать с ног женщин и детей, крушить власть. Я знаю, я через это прошел.

---

¹ Строка из стихотворения английского поэта сэра Филипа Сидни (1554—1586) «В защиту поэзии» (ок. 1580). Перевод В.Т. Бабенко.

² Строки из поэмы английского поэта Александра Поупа (1688—1744) «Опыт о критике» (1711). Перевод А. Субботина.

— Да нет, я в порядке, — нервно сказал Монтаг.

— Не красней. У меня и в мыслях нет тебя подковыривать, честное слово, нет. Знаешь, час назад я видел сон. Прилег на несколько минут вздремнуть, и вот во сне между нами, между мной и тобой, Монтаг, разгорелся бешеный спор о книгах. Ты был вне себя от ярости, выкрикивал разные цитаты, а я спокойно парировал все твои выпады. «Власть», — говорил я, а ты, цитируя доктора Джонсона, возражал: «Знание не равно силе, оно больше!» Тогда я говорил: «Ну-ну, мой мальчик, ведь доктор Джонсон утверждал и другое: «Не умен тот, кто готов поменять определенность на неопределенность»¹. Держись пожарных, Монтаг. Все остальное — жуткий хаос!

— Не слушайте его, — шептал Фабер. — Он хочет сбить вас с толку. Это скользкий человек. Будьте начеку!

Битти самодовольно захихикал:

— Ты снова привел цитату: «Правда должна выйти на свет: убийства долго скрывать нельзя!»²

---

¹ Это высказывание английского писателя и лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709—1784) было опубликовано в издававшемся им журнале «Рассеянный» (1758—1760), № 57.

² Слова Ланчелота из комедии У. Шекспира (1564—1616) «Венецианский купец» (1596), действие 2, сцена 2. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

А я добродушно воскликнул: «О Боже, он говорит только о своем коне!» И добавил: «В нужде и черт Священный текст приводит»¹. Тут ты как заорешь: «Наш век скорей признает золоченого глупца, чем в рубище одетого святого мудреца»². А я тихо шепчу: «Теряет истина достоинство свое, когда ее мы защищаем рьяно»³. Ты вопишь: «И трупы стали вновь сочиться кровью, едва заведев гнусного убийцу!» А я говорю, похлопывая тебя по руке: «Что, неужто язвы у тебя во рту тоже из-за меня?» Ты уже просто визжишь: «Знание — сила!»⁴, «Карлик на плечах великана видит дальше, чем каждый из них порознь!»⁵

---

¹ Слова Антонио из комедии У. Шекспира «Венецианский купец», действие 1, сцена 3. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

² Строки из пьесы английского драматурга Томаса Деккера (1572?—1632) «Приятная комедия о старом Фортунате» (1600). Перевод В.Т. Бабенко.

³ Строка из трагедии английского драматурга Бена Джонсона (1573—1637) «Заговор Катилины» (1611), действие 3, сцена 2. Перевод В.Т. Бабенко.

⁴ Слова английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) из его работы «*Meditationes Sacrae*» (1597), эссе «О ересях».

⁵ Парафраз выражения английского религиозного писателя Роберта Бертона (1577—1640) из его произведения «Анатомия меланхолии» (1621—1651): «Карлик, стоящий на плечах великана, может видеть дальше, чем сам гигант». Выражение восходит к строкам римского поэта Марка Аннея Лукана (39—65) из поэмы

И тогда я с редкостной безмятежностью подвожу итог своей части беседы: «Ошибочно принимать метафору за доказательство, поток многословия за источник истин с большой буквы, а себя за оракула — это недомыслие, присущее нам от рождения»¹, — так однажды выразился господин Валери.

Голова у Монтага кружилась до тошноты. Ему казалось, что его безжалостно бьют — по лбу, глазам, носу, губам, подбородку, по плечам, по рукам, которыми он размахивал, отбиваясь от ударов. Ему хотелось крикнуть: «Нет! Заткнитесь! Вы смешали все в кучу! Прекратите!»

Тонкие пальцы Битти потянулись к руке Монтага и обхватили запястье.

— Боже, какой пульс! Похоже, я тебя достал, а, Монтаг? Господи Иисусе, твой пульс бухает, словно вчера кончилась война. Не хватает только сирен и колоколов! Ну что, побеседуем еще немного? Мне нравится, что ты паникуешь. Я гово-

---

«Фарсалия, или О гражданской войне»: «Пигмеи, помещенные на плечи гигантов, видят больше, чем сами гиганты».

¹ Немного сокращенная фраза из эссе французского поэта и писателя Поля Валери (1871—1945) «Введение в систему Леонардо да Винчи» (1895). В полном виде высказывание звучит так: «Ошибочно принимать парадокс за открытие, метафору за доказательство, поток многословия за источник истин с большой буквы, а себя за оракула — это недомыслие, присущее нам от рождения».

рю на всех языках — суахили, индейский, английский литературный... Мои движенья красноречивей, чем потоки слов¹, не так ли, Вилли?

— Не поддавайтесь, Монтаг! — В его ухе щекотно зашевелилась ночная бабочка. — Он мутит воду!

— О, ты напугался до чертиков, — сказал Битти, — потому что я сделал ужасную вещь: я использовал те самые книги, к которым ты так привязался, и напал на тебя со всех сторон сразу, побил по всем пунктам! Что за предатели эти книги! Ты считаешь, что они защитники, а они поворачиваются против тебя. Другие тоже могут их использовать, и вот ты уже пропал, затерялся посреди великого болота, тонешь в трясине существительных, глаголов, прилагательных... А в самом конце моего сна подъезжаю я к тебе на «Саламандре» и говорю: «Едешь со мной?» Ты залезаешь в машину, и мы в блаженном молчании едем назад, к пожарной станции, — все отошло на задний план, между нами снова мир.

Битти отпустил запястье Монтага, и его рука вяло шлепнулась на стол.

---

¹ Битти перефразирует слова Алонзо из драмы У. Шекспира «Буря» (1611—1612): «Их музыка, их жесты, их движенья красноречивей, чем потоки слов» (действие 3, сцена 3). Перевод М. А. Донского.

— Все хорошо, что хорошо кончается¹, — заключил Битти.

Тишина. Монтаг сидел, словно резной белый камень. Эхо последнего удара молота по его черепу медленно стихло, умерши по пути в черную пещеру, где скрывался Фабер, дожидаясь, пока улягутся все остальные отголоски. И наконец, когда потревоженная пыль осела в мозгу Монтага, Фабер начал тихим голосом:

— Хорошо, он выговорился. Вы должны во все это вникнуть. В ближайшие несколько часов я тоже скажу свое слово. Вам придется вникнуть и в это. А затем попытаться взвесить то и другое и решить, в каком направлении прыгать или куда падать. Но я хочу, чтобы это было ваше решение, не мое, не Капитана, а ваше. И помните, что Капитан принадлежит к числу самых опасных врагов истины и свободы, к сплоченному и недвижимому стаду большинства. О господи, эта ужасная тирания большинства! Каждый из нас заводит свою волынку. И вы сами должны будете определить, каким ухом вам слушать эту музыку.

Монтаг открыл было рот, чтобы ответить Фаберу, но тут зазвонил станционный колокол и спас его от этой непростительной, в присутствии других пожарных, ошибки. Голос с потолка нарас-

---

¹ Слова из пьесы У. Шекспира «Конец — делу венец» (1603), действие 4, сцена 4.

пев объявил тревогу. В другом конце комнаты — так-так-так — дробно застучал тревожный телефон, печатая адрес вызова. Держа карты в розовой руке, Капитан Битти нарочито медленным шагом подошел к телефону и, дождавшись, когда рапорт будет допечатан до конца, оторвал кусок бумажного листа с адресом. Небрежно взглянув на него, он сунул клочок в карман, затем вернулся и сел за стол. Остальные пожарные глядели на него.

— Дело может обождать секунд сорок, ровно столько мне нужно, чтобы все ваши денюжки перетекли ко мне, — сказал он с радостным видом.

Монтаг положил карты на стол.

— Что, Монтаг, устал? Выходишь из игры?

— Да.

— Ну продержись еще немного! А впрочем, если подумать, можно закончить партию и потом. Оставьте свои карты на столе лицом вниз — и живо собирать оборудование. Бегом марш!

Битти снова поднялся.

— Ты не очень хорошо выглядишь, Монтаг. Мне даже думать не хочется, что у тебя снова начинается лихорадка...

— Я чуть-чуть не в форме.

— Ты должен быть в отличной форме. Это особый случай. Ну, пошли, прыгаем!

Они взвились в воздух и ухватились за медный шест, словно то была последняя возможность избежать катившейся под их ногами приливной волны, но, ко всеобщему ужасу, медный шест тут же унес их вниз, в темноту, в раскаты, кашель и всхлипы бензопакостного дракона, с ревом пробуждавшегося к жизни!

— Э-ге-гей!

В громе и вое сирены они свернули за угол, сотрясались шины, визжала резина, тяжелое бремя керосина грузно ворочалось в блестящем медном баке, словно еда в животе великана, тряска срывала пальцы Монтага с серебряных поручней, руки болтались в холодной пустоте, ветер драл его волосы, пытаясь сорвать их с черепа и унести назад, ветер свистел в зубах, а он все думал и думал о женщинах, которые были этим вечером у него в гостинной, о пустых, как мякина, женщинах, из которых неоновый ветер выдул последние зернышки, и том, как он, чертов глупец, вздумал читать им книгу.

Все равно что тушить пожар из водяных pistolетов, так же бессмысленно и так же бредово! Одна вспышка ярости уступила другой. Старый гнев сменился новым гневом. Полное помешательство, когда же он покончит с ним и успокоится, когда он в самом деле по-настоящему успокоится?

— Вот они мы, вперед!

Монтаг поднял голову. Битти никогда не водил машину, но сегодня он был за рулем, он гнал «Саламандру», круто срезая повороты; подавшись вперед, он сидел на высоком водительском троне, и полы тяжелого черного непромокаемого плаща хлопали за его спиной, отчего он казался огромной черной летучей мышью, которая неслась над машиной, над медными цифрами по ее бокам, принимая на себя ветер.

— Вот они мы, Монтаг, мы сделаем мир счастливым!

Розовые, фосфоресцирующие щеки Битти поблескивали в темной вышине, он яростно скалил-ся, улыбаясь.

— Приехали!

«Саламандра» гулко стала, как вкопанная, стряхнув с себя людей, — они соскальзывали с боков и неуклюже прыгали на землю. Монтаг стоял, не отрывая воспаленных глаз от холодного блестящего поручня, в который вцепились его пальцы.

«Я не могу больше этого делать, — думал он. — Как я могу выполнить это новое задание? Как я могу продолжать жечь? Нет, я не могу орудовать в этом месте».

Битти, пахнувший ветром, сквозь который он только что мчался, был уже рядом с Монтагом.

— Все в порядке, Монтаг!

Пожарные, в своих громоздких сапогах подобные безногим инвалидам на протезах, бегали бесшумно, как пауки.

Монтаг наконец поднял взгляд и обернулся. Битти наблюдал за его лицом.

— Что-нибудь не так, Монтаг?

— Не пойму, — медленно произнес Монтаг, — мы же остановились перед моим домом...

Часть третья

СВЕТЛО ГОРЯЩИЙ¹

По всей улице вспыхивали, мерцая, огни и открывались двери: готовился карнавал. Монтаг и Битти глядели во все глаза, один — отказываясь верить увиденному, другой — с бесстрастным удовлетворением, на стоящий перед ними дом, главную арену, где вот-вот начнут жонглировать факелами и глотать пламя.

— Что ж, — произнес Битти, — ты *допрыгался*. Старина Монтаг хотел пролететь рядышком с Солнцем, и вот он сжег свои чертовы крылья, а теперь никак не поймет, в чем тут дело. Неужели мало было намека, когда я подослал Гончую к твоему дому?

---

¹ Название части заимствовано из начальной строфы стихотворения английского поэта Уильяма Блейка (1757—1827) «Тигр» (1794): «Тигр, о тигр, светло горящий / В глубине полночной чаши, / Кем задуман огневой / Соразмерный образ твой?» Перевод С. Я. Маршака.

Лицо Монтага совершенно онемело и утратило всякое выражение; он почувствовал, как его голова, словно каменное изваяние, повернулась в сторону темного соседского дома, окруженного ярким бордюром цветов.

Битти фыркнул:

— О, нет! Неужели ты и впрямь одурачен пошлым комплектом фраз той маленькой идиотки, так или нет? Цветочки, бабочки, листики, закаты, о дьявол!.. Все это есть в ее досье. Будь я проклят! Я попал в самое яблочко. Стоит только взглянуть на твой бледный вид. Несколько травинок и фазы Луны. Какой хлам! И чего хорошего она со всем этим сделала?

Монтаг присел на холодное крыло «Дракона» и повел головой на полдюйма влево, затем на полдюйма вправо, влево, вправо, влево, вправо, влево...

— Она все видела. Она никому ничего не сделала. Никому не докучала.

— Не докучала, черт побери! А вокруг тебя она не вилась, а? Она ведь из этих, из проклятых доброхотов, которые только и умеют, что потрясенно молчать, всем своим видом говоря: «А я все равно святее тебя!» Их единственный талант — заставлять других чувствовать себя виноватыми. Проклятье, они воздымаются над тобой, как полночное солнце, от которого тебя и в постели прошибает холодный пот!

Парадная дверь отворилась, и по ступенькам сошла, нет, сбежала Милдред; ее окаменевшая, словно в сонной одуре, рука сжимала один-единственный чемодан. К обочине тротуара с шипением подбежал жучок такси.

— Милдред!

Она пробежала мимо: негнущееся тело, мучное от пудры лицо; рта, без следа помады, как и не было.

— Милдред, это же *не ты* подняла тревогу?

Она сунула чемодан в поджидавший ее «жучок», забралась внутрь и уселась, бормоча:

— Бедная «семья», бедная «семья», ох, все пропало, все, теперь все пропало...

Битти схватил Монтага за плечо, жучок тут же рванул с места, мигом набрал скорость семьдесят миль в час, и вот он уже в конце улицы, вот его уже нет.

Раздался звон, словно вдребезги разбилась мечта, собранная из витого стекла, зеркал и хрустальных призм. Монтаг покачнулся, его развернуло, будто неизвестно откуда налетел еще один шквал, и он увидел, как Стоунмен и Блэк, работая топорами, крушат оконные рамы, чтобы устроить перекрестную вентиляцию.

Шорох бабочки «мертвая голова», тычущейся в холодный черный экран:

— Монтаг, это Фабер. Вы слышите меня? Что там происходит?

— То, что происходит, происходит со мной, — сказал Монтаг.

— Какой ужасный сюрприз! — воскликнул Битти. — **ведь в наши дни каждый полагает, каждый абсолютно уверен: «со мной-то уж никогда ничего не произойдет». Это другие умирают, а я буду жить и жить.** Нет последствий, нет и ответственности. Кроме разве того, что они все-таки есть. Впрочем, не будем сейчас о них говорить, ладно? К тому времени как последствия тебя настигают, уже ничего не поделаешь, не так ли, Монтаг?

— Монтаг, вы можете убраться оттуда, убежать? — спросил Фабер.

Монтаг шел, но не чувствовал, как его ноги касаются цемента, а затем и ночной травы. Рядом с ним Битти щелкнул зажигателем и завороченно уставился на оранжевый язычок пламени.

— Что в огне такое, что делает его столь привлекательным? Сколько бы ни было нам лет, мы всегда тянемся к нему, в чем тут причина? — Битти задул огонек и снова зажег его. — В вечном движении. Человек всегда хотел изобрести эту штуку, но так и не изобрел. Огонь — это почти вечное движение. Если ему только позволить, он выжжет дотла всю нашу жизнь, от рождения до смерти. Что есть огонь? Это тайна. Ученые кулдыкают что-то такое о трении и молекулах, а на самом деле они ничего не знают. Главная прелесть

огня в том, что он убирает последствия и уничтожает ответственность. Проблема стала чересчур обременительной? В печку ее! Вот и ты, Монтаг, стал таким бременем. И огонь снимет тебя с моей шеи — быстро, чисто, наверняка, потом даже гнить будет нечему. Эстетично, антибиотично, практично.

Монтаг стоял и глядел, и вглядывался в этот престранный дом, ставший совсем чужим из-за позднего часа, бормотанья соседских голосов и битого стекла вокруг; а вон там на полу, меж сорванных обложек, рассыпавшихся, как лебединые перья, лежат эти непостижимые книги, которые сейчас выглядят так нелепо и никчемно, будто и впрямь не стоят они того, чтобы из-за них переживать, раз нет в них ничего, кроме черного шрифта, пожелтевшей бумаги и обтрепавшихся переплетов.

Да, это, конечно, Милдред. Она, должно быть, подглядела, как он прятал книги в саду, и снова принесла их в дом. Милдред. Милдред.

— Я хочу, Монтаг, чтобы ты проделал эту работу один-одинешенек. И не с керосином и спичками, а поштучно, с огнеметом в руках. Твой дом, тебе и чистить.

— Монтаг, вы что, не можете бежать? Убирайтесь оттуда!

— Нет! — беспомощно крикнул Монтаг. — Гончая! Все из-за Гончей!

Фабер услышал, но и Битти, решивший, что это предназначалось ему, услышал тоже.

— Да, Гончая где-то здесь поблизости, так что ничего такого и не думай. Ну, готов?

— Да. — Монтаг щелкнул предохранителем огнемета.

— Огонь!

Огромная чуткая лапа огня выметнулась наружу и накрыла книги, отшвырнула их, вбила в стену. Он вошел в спальню, выстрелил дважды, и кровати-двойняшки с громокипящим шепотом взвились в воздух, Монтаг и не подозревал, что в них могло содержаться столько света, страсти и тепла. Он сжег стены спальни и комодик с косметикой, потому что хотел все здесь изменить, и стулья, и столы, и серебряные приборы в столовой, и пластиковую посуду, — все, что кричало о том, как он жил здесь, в этом пустом доме, с чужой женщиной, которая завтра забудет его, она уже вполне забыла его, едва покинув дом, потому что в ушах у нее «ракушки», и она едет сейчас через весь город, одна, совсем одна, и слушает радио, которое вливается, и вливается, и обливает ее. И, как и раньше, жечь было наслаждением. Монтагу казалось, что вместе с огнем из сопла вырывается он сам, хватая все, рвет языками пламени, раздирает пополам и избавляется от бессмысленной проблемы. Не получается решение? Ну что же, теперь не будет и самой

проблемы. Огонь — лучшее средство от всего на свете!

— Монтаж, книги!

Книги прыгали и плясали, как зажариваемые живьем птицы, на крыльях которых полыхали красные и желтые перья.

А затем он перешел в гостиную, где, незримо улегшись, спали огромные чудовища-идиоты с их белыми думами и снежными грезами. Он пустил по стреле огня в каждую из трех глухих стен, и оттуда на него зашипел вакуум. Пустота и свист испускала пустой, еще более пустой, чем она сама, бессмысленный вопль. Монтаж попытался вообразить себе этот вакуум, на поверхности которого пустое небытие разыгрывало свои спектакли, но у него ничего не получилось. Он задержал дыхание, чтобы вакуум не проник ему в легкие. Одним движением он отсек от себя его жуткую пустоту и, отпрянув, подарил всей комнате огромный и яркий желтый цветок всежжения. Огнеупорный пластик, облекавший все вокруг, вскрылся, как от удара ножа, и весь дом начал содрогаться от пламени.

— Когда полностью закончишь, — сказал за его спиной Битти, — пойдешь под арест.

Дом упал в облаке красных углей и черного пепла. Он улегся на ложе из сонной розово-серой золы, и над ним поднялся, поплыл к небу, медлен-

но колеблясь из стороны в сторону, султан дыма. Было три тридцать утра. Толпа рассосалась по домам: огромные цирковые шатры тяжело осели горами углей и мусора, представление давно закончилось.

Монтаг стоял с огнеметом в безвольных руках, под мышками мокли огромные острова пота, лицо было измазано сажей. Остальные пожарные спокойно ждали за его спиной, оставаясь в тени, лишь только их лица были слабо освещены тлеющим фундаментом.

Монтаг дважды начинал говорить, и наконец ему удалось собраться с мыслями:

— Так это моя жена подняла тревогу?

Битти кивнул.

— Но ее подруги подняли тревогу еще раньше, задолго до того, как я дал команду выезжать. Так или иначе, но ты бы все равно попался. Это было весьма глупо — цитировать стихи направо и налево, не считаясь ни с чем. Так мог поступить только чертовски глупый сноб. Дайте человеку несколько строчек стихов, и он тут же начинает мнить себя Создателем. Ты решил, что с этими книгами способен ходить по воде, словно посуху, между тем мир может прекрасно обходиться без них. Погляди, куда они тебя завели, ты сидишь в зловонной жиже по самые губы. Стоит мне всколыхнуть эту жижу мизинцем, и ты захлебнешься!

Монтаг не мог двигаться. Грянуло великое землетрясение, в дыму и пламени, и сровняло его дом с землей, и где-то там, под развалинами, была Милдред, и где-то там была вся его жизнь, поэтому он не мог двигаться. Землетрясение все еще продолжалось, внутри его что-то качалось, и падало, и содрогалось, а он стоял на полусогнутых ногах, едва сдерживая тяжкий груз усталости, недоумения и позора, и позволял Битти избивать его, не прикладывая при этом рук.

— Ты идиот, Монтаг. Ты, Монтаг, полный дурак. Ну скажи, идиот проклятый, зачем ты в самом деле сотворил такое?

Монтаг не слышал, он был далеко отсюда, в мыслях он убежал прочь, его уже вовсе не было здесь, осталось лишь мертвое, покрытое сажей тело, которое раскачивалось перед другим безумствующим дураком.

— Монтаг, выбирайтесь оттуда! — сказал Фабер.

Монтаг прислушался.

Битти с такой силой ударил его по голове, что Монтага отбросило на несколько шагов. Зеленая пуля, в которой продолжал шептать и кричать голос Фабера, упала на тротуар. Ухмыляясь, Битти схватил ее и наполовину вставил себе в ухо.

До Монтага донесся далекий голос:

— Монтаг, вы в порядке?

Битти выключил зеленую пулю и сунул ее в карман.

— Ну-ну... Значит, здесь кроется нечто большее, чем я думал. Я видел, как ты наклонял голову, прислушиваясь к чему-то. Поначалу я решил, что у тебя там «ракушка», но потом, когда ты внезапно поумнел, я призадумался. Мы еще проследим, куда ведет эта ниточка, и примерно накажем твоего дружка.

— Нет! — выкрикнул Монтаг.

Он крутанул предохранитель огнемета. Битти мгновенно перевел взгляд на пальцы Монтага, и глаза его слегка расширились. Монтаг увидел в них удивление и сам взглянул на свои руки, пытаясь разобраться, что же еще они выкинули на этот раз. Позднее, обдумывая случившееся, он так и не смог понять, что именно — то ли сами руки, то ли реакция на них Битти — дало тот последний толчок, который привел к убийству. Последний рокочущий гром лавины обрушился на него, камни ударили по ушам, но больше ничего не задели.

Битти улыбнулся самой своей очаровательной улыбкой.

— Ну что же, это один из способов овладеть аудиторией. Если нацелить на человека ствол, можно заставить его выслушать любую речь. Ладно, давай сюда свою речь. Что у нас на этот раз? Почему бы тебе не изрыгнуть на меня Шек-

спира, сноб недотепистый? «Мне не страшны твои угрозы, Кассий/ Вооружен я доблестью так крепко/ Что все они, как легкий ветер, мимо/ Пронесятся»¹. Ну как? Смелее, ты, беллетрист второсортный, спускай наконец курок!

И Битти сделал один шагок по направлению к Монтагу.

— Мы никогда не жгли *по справедливости*... — только и произнес Монтаг.

— Дай эту штуку сюда, Гай, — сказал Битти с застывшей улыбкой. И стал вопящей вспышкой, скачущим врастопырку, что-то тараторящим манекеном, в котором не осталось ничего человеческого, ничего узнаваемого, только корчащееся пламя на газоне, в том месте, куда Монтаг выпалил долгую пульсирующую струю жидкого огня. И было шипение, словно кто-то, набрав полный рот слюны, плюнул на раскаленную докрасна плиту, и было бульканье, и пошла пена, как если бы чудовищную черную улитку обсыпали солью, отчего началось ужасное разжижение и кипение желтых пузырей. Монтаг зажмурился, он кричал, кричал, кричал и все силился дотянуться руками до ушей, чтобы, заткнув их, отсесть страшный звук, а Битти бился и перекидывался, и переворачивался, и перекручивался на траве, пока наконец

---

¹ Слова Брута из трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь», действие 4, сцена 3. Перевод М. А. Зенкевича.

не свернулся, словно обугленная восковая кукла, и не затих.

Двое других пожарных стояли совершенно недвижно.

Монтаг уже давно сдерживал в себе дурноту, поэтому у него хватило сил нацелить на них огнемет.

— Повернитесь!

Они повернулись; на лицах струи пота, цвет серый, как у мяса, припущенного на огне. Монтаг ударил их по головам, сшиб каски, пожарные повалились друг на друга и, упав, больше не шевелились.

Как будто лист слетел, осенний, одинокий.

Монтаг обернулся, пред ним была Механическая Гончая.

Явившись из мрака, она успела одолеть полгазона, двигаясь с такой плавучей легкостью, что казалась цельным и твердым облаком черно-серого дыма, в полнейшей тишине несомым на Монтага ветром.

Она сделала один-единственный последний прыжок, взвилась в воздух на добрых три фута выше головы Монтага и стала падать, протягивая к нему паучьи лапы и лязгая прокаиновой иглой, своим единственным озленным зубом. Монтаг ударил ее влет цветком огня, тем чудодейственным бутоном, что может распуститься только раз, цветок обвил металлического пса

своими желтыми, синими, оранжевыми лепестками, тем самым одев его в новый наряд, и тут зверь врезался в Монтага, отшвырнув его футов на десять назад, к древесному стволу дерева, но огнемета тот не выпустил. Монтаг услышал царапанье, а потом почувствовал, как Гончая хватает его за ногу и вонзает в нее иглу, но длилось это доли секунды, потому что в следующий миг огонь взметнул зверя в воздух, переломал в суставах металлические кости и выплеснул наружу его внутренности мощной струей ярко-красного цвета, словно вдруг пустили сигнальную ракету, надежно прикрепив ее к земле. Монтаг лежал и смотрел, как эта мертво-живая тварь, умирая, сучит лапами в воздухе. Даже теперь, казалось, зверь все еще хотел добраться до него и довести инъекционную работу в ногу Монтага. Его охватило смешанное чувство облегчения и ужаса, как у человека, который успел отскочить от машины, пронесшейся мимо со скоростью девяносто миль в час, но при этом бампер все же разбил ему колено. Он боялся подняться, боялся, что с анестезированной голенью вообще не сумеет удержаться на ногах. Онемение онемелости онемевшей пустотелости...

И что дальше?..

Улица безлюдна, дом выгорел, как ветхий клочок театральной декорации, все прочие дома

темны, Гончая здесь, Битти там, двое других пожарных где-то еще, а «Саламандра»?.. Он взглянул на огромную машину. Ей тоже надо бы исчезнуть.

«Ну, — подумал он, — давай посмотрим, сможешь ли ты обойтись без посторонней помощи. Становись на ноги! Легче, легче... *Вот!*»

Он стоял, и у него была только одна нога. Вторая была обгоревшим сосновым чурбаком, который он таскал с собой в наказание за какой-то неясный грех. Стоило ему перенести на нее тяжесть, как в икру вонзался сноп серебряных игл, и боль волной поднималась к колену. Монтаг заплакал.

«Ну пошли! Слышишь, ты?! Пошли! Тебе нельзя здесь оставаться!» Дальше по улице в нескольких домах снова зажглись огни — то ли недавние события были тому причиной, то ли противоестественная тишина, наступившая после сражения, Монтаг так и не понял. Он ковылял среди развалин, то и дело хватаясь за больную ногу, когда она начинала отставать; он и разговаривал с ней, и хныкал, и выкрикивал команды, указывая, куда идти, и проклинал ее, и умолял поработать как следует, ведь от этого сейчас зависела вся его жизнь. Он слышал, как несколько человек, окликнув друг друга, перекрикивались в темноте. Наконец Монтаг добрался до заднего двора, выходившего в переулок. «Ну что же, Битти, — подумал он, — вот вы больше и не проблема. Вы са-

ми всегда говорили: «Не решай проблему, сожги ее». Вот я и сделал оба дела сразу — и не решил, и сжег. Прощайте, Капитан!»

И он заковылял в темноте по переулку.

Ружейный выстрел гремел в ногу всякий раз, когда он на нее наступал, и Монтаг думал: «Дурак, проклятый дурак, ужасный дурак, идиот, ужасный идиот, проклятый идиот, и еще раз дурак, проклятый дурак; ты посмотри, какая каша, а ведь швабры-то нет, не вымоешь, ты только посмотри, какую кашу ты заварил и расплескал всюду, и что теперь будешь делать? Гордыня, черт побери, и дурацкий нрав, все искромсал, все испортил, с первых шагов блюешь на всех и вся, а в первую очередь на себя. Но ведь все навалилось разом, одно за другим — Битти, эти женщины, Милдред, Кларисса, все подряд... Впрочем, это не оправдание, нет, не оправдание. Дурак, проклятый дурак, ну что, идем сдаваться?»

«Нет, мы все-таки спасем то, что можем спасти, сделаем то небольшое, что еще осталось сделать. И если нам суждено гореть, давай-ка прихватим с собой кое-кого еще!»

Он вспомнил о книгах и повернул обратно. Ничтожный шанс, но он все-таки есть.

Он действительно нашел несколько книг там, где их оставил, — возле садовой изгороди. Милдред, благослови ее Господь, упустила несколько

книг. Четыре книги по-прежнему лежали в том самом месте, где он их спрятал. В темноте завывали голоса, вокруг шарили лучи карманных фонариков. А вдаль уже ревели другие «Саламандры», грохот их двигателей далеко разносился в ночи, и полицейские машины тоже прорезали себе путь сквозь город воем своих сирен.

Монтаг забрал четыре оставшиеся книги и запрыгал, подскакивая на каждом шагу, запрыгал по переулку — и вдруг упал, словно ему отсекли голову, а туловище бросили лежать на тротуаре. Что-то внутри его рывком остановило его тело и швырнуло на землю. Он лежал, где упал, и рыдал, подобрав под себя ноги и вжавшись незрячим лицом в гравий.

«Битти хотел умереть».

Только разрыдавшись, Монтаг понял, что это было именно так. **БИТТИ ХОТЕЛ УМЕРЕТЬ.** Ведь он просто стоял там и ничего не делал, чтобы спастись, даже не пытался спастись, просто стоял и вышучивал его, подковыривал по-всякому, думал Монтаг, и этой мысли хватило, чтобы он подавил в себе рыдания и дал передышку легким, жаждавшим воздуха. Как странно, странно — столь сильно хотеть смерти, что ты разрешаешь человеку ходить вокруг тебя с оружием и вместо того, чтобы заткнуться и тем самым спасти себе жизнь, продолжаешь орать на окружающих лю-

дей, и высмеивать их, пока они совсем не взбесятся, и тогда...

Неподалеку — топот бегущих ног.

Монтаг сел. Давай выбираться отсюда. Пошли, вставай, вставай, ты что, так и будешь здесь сидеть? Но он все еще плакал, и с этим нужно было покончить. Рыдания понемногу стихали. Ведь он никого не хотел убивать, никого, даже Битти. Его собственная плоть стиснула его, съжившись, словно тело погрузили в кислоту. Монтаг скорчился, давась. Он снова увидел Битти — живой недвижимый факел, трепещущий, угасая, на траве. Он впился зубами в костяшки пальцев. Простите меня, простите меня, о боже, как же я виноват...

Он пытался собрать все кусочки воедино, вернуться к нормальному рисунку жизни, каким он был всего несколько коротких дней назад, до того как в него вошли сито, песок, зубная паста «Денем», голоса ночных бабочек, огненные светляки, сигналы тревоги, прогулки по ночному городу, слишком много всего для нескольких коротких дней, да, в сущности, для целой жизни тоже много.

Топот ног в дальнем конце переулка.

«Вставай!» — приказал он себе.

«Вставай, черт тебя побори!» — крикнул он ноге.

И встал.

Боль была такая, словно в коленные чашечки ему вонзали спицы, а потом это были уже штопальные иглы, а потом заурядные, обыкновеннейшие английские булавки, а затем, после того как он в немыслимом танце, сделав еще пятьдесят прыжков и скачков, миновал деревянный забор, наспиговав себе руку занозами, боль от укулов стала походить на то, как если бы кто-то время от времени обдавал его ногу кипятком из пульверизатора. И наконец эта нога снова стала его собственной ногой. Он боялся, что если побежит, то может сломать ослабевшую лодыжку, но спустя какое-то время, втягивая широко открытым ртом всю черную ночь и выдыхая ее уже побледневшей, так что вся темнота тяжело оседала в нем самом, он все же пустился дальше ровной мерной трусцой. Книги он держал в руках.

Он думал о Фабере.

Фабер остался там, в дымящейся глыбе вара, не имевшей теперь ни имени, ни сущности. Он сжег и Фабера тоже. Эта мысль внезапно так потрясла его, что ему привиделось, будто Фабер на самом деле умер, изжарившись, как таракан, в той крошечной, засунутой в карман зеленой капсуле. Капсуле, затерявшейся в одежде человека, от которого не осталось уже ничего, кроме голого скелета, стянутого асфальтовыми жилами.

«Ты должен помнить: сожги их, или они сожгут тебя!» — вспомнилось ему. Ну что же, сейчас все свелось именно к этому.

Он порылся в карманах, деньги были там, и еще он нашел в одном из карманов привычную «ракушку», по которой город разговаривал сам с собой в это холодное черное утро.

— Полицейская тревога. Объявлен розыск: беглец в черте города. Совершил убийство и преступления против государства. Имя: Гай Монтаг. Род занятий: пожарный. В последний раз замечен...

Он пробежал, не останавливаясь, шесть кварталов, а затем переулочек, выскочил на широкий, в десять полос, безлюдный проспект. Он казался пустынной — ни единой лодки — рекой, застывшей в резком белом свете высоких дуговых ламп; если попытаться пересечь ее, можно утонуть, подумал Монтаг, слишком широкой была эта река, слишком открытой. И еще это была огромная сцена без декораций, которая приглашала Монтага перебежать через нее — чтобы любой мог легко заметить его в ярких лучах иллюминации, легко поймать, легко застрелить.

«Ракушка» гудела в его ухе:

— ...наблюдайте, не появится ли бегущий мужчина... бегущий мужчина... наблюдайте, не появится ли одинокий мужчина... пеший... наблюдайте...

Монтаг отпрянул в тень. Прямо перед ним была бензозаправочная станция — огромная сверкающая глыба фарфорового снега; к ней подъезжали для заправки два серебряных «жука». Если хочешь пересечь этот широкий бульвар, сказал он себе, ты должен быть чистым и презентабельным, ты должен не бежать, а идти, спокойно идти, как бы прогуливаясь. А если ты умоешься и причешешь волосы, это лишь добавит безопасности, и тогда ты сможешь продолжить свой путь и добраться до... чего?

Да, подумал он, куда, собственно, я бегу?

Никуда. Ему и в самом деле некуда идти, у него нет ни единого друга, к которому можно было бы обратиться. Кроме разве что Фабера. И тут он осознал, что и впрямь бежит, совершенно инстинктивно, по направлению к дому Фабера. Но Фабер не может его укрыть, сама такая попытка была бы самоубийством. И в то же время Монтаг понимал, что он все равно заглянет к Фаберу, хотя бы на несколько коротких минут. Дом Фабера — то самое место, где он сможет подзарядить свою быстро сажающуюся веру в собственную способность к выживанию. Ему просто надо знать, что на свете живет такой человек, как Фабер. Ему необходимо убедиться, что этот человек жив, а не испепелился там, на газоне, не сгорел, как тело внутри другого тела. И, конечно же, надо еще оставить Фаберу часть денег, чтобы он мог их тра-

тить, когда Монтаг побежит дальше. Возможно, он все-таки сумеет выбраться из города и тогда сможет начать жить где-нибудь на реке, или поблизости от реки, или рядом со скоростным шоссе, в полях или на холмах.

Могучий вихревой шелест заставил его поднять глаза.

В небо поднимались полицейские вертолеты, пока еще так далеко, что казалось, будто кто-то сдунул серую головку сухого одуванчика. Два десятка машин реяли над городом в трех милях от Монтага, нерешительно тычась в воздухе, словно бабочки, озадаченные осенью, а затем они начали отвесно падать на землю, то одна, то другая, то здесь, то там, чтобы, мягко взбив тесто улиц, неожиданно обратиться в полицейских «жуков», которые принимались с визгом носиться по бульварам или же, не менее внезапно, снова взмывали в воздух, продолжая свои поиски.

А здесь перед ним была заправочная станция, служители которой как раз сейчас занимались обслуживанием клиентов. Подойдя к зданию сзади, Монтаг вошел в мужской туалет. Сквозь алюминиевую стену он услышал, как голос по радио сказал: «Объявлена война». На улице в баки машин закачивался бензин. Мужчины в «жуках» говорили что-то, и служители станции тоже говорили — о двигателях, бензине, о том, сколько им

должны за заправку. Монтаг стоял, пытаясь заставить себя почувствовать весь ужас спокойного заявления, сделанного по радио, но у него ничего не получалось. Чтобы войти в его личную жизнь, войне надо будет подождать — час, может быть, два часа.

Не делая лишних звуков, он вымыл руки и лицо и вытерся насухо полотенцем. Вышел из туалета, осторожно закрыл за собой дверь, шагнул в темноту, и вот наконец он снова стоит на краешке пустынного бульвара.

Проспект лежал перед ним в утренней прохладе, как игра, в которой необходимо выиграть, как гигантский желоб кегельбана. Бульвар был чист, словно поверхность арены за две минуты до того, как на ней появятся некие безымянные жертвы и некие безвестные убийцы. Воздух поверх бетона, воздух над широкой бетонной рекой дрожал от тепла всего лишь одного тела, тела Монтага; непостижимо, но он чувствовал, как его собственная температура заставляет вибрировать весь ближайший мир. Монтаг был фосфоресцирующей мишенью, он знал это, ощущал всей кожей. И теперь ему предстояло сделать первые шаги коротенькой прогулки.

В трех кварталах от него вспыхнуло несколько автомобильных фар. Монтаг глубоко втянул воздух. Легкие в его груди были словно два горящих веника. Рот иссох от бега. В горле чувствовал-

ся вкус кровавого железа, в ногах была ржавая сталь.

Ну и что это там за фары? Лишь только ты начнешь двигаться, тебе нужно будет все время оценивать, как скоро те «жуки» могут оказаться здесь. Так, а сколько от меня до той обочины? Похоже, ярдов сто. Может быть, и меньше, но лучше полагать, что сто, лучше полагать, что если идти очень медленно, эдакая приятная прогулочка, то переход займет не меньше тридцати секунд, даже сорок секунд на все про все. А «жуки»? Тронув с места, они пролетят эти три квартала секунд за пятнадцать. Значит, даже если на полпути он пустится бежать, то?..

Он поставил на мостовую правую ногу, затем левую, затем снова правую. Все, он уже шел по пустынному проспекту.

Конечно, даже если бы улица была совершенно пуста, все равно нельзя быть уверенным в безопасности перехода: машина может внезапно вылететь из-за подъема в четырех кварталах отсюда, ты и десяти вдохов не сделаешь, как она уже перед тобой, и на тебе, и поперх тебя, и вот ее уже и след простыл.

Монтаг решил больше не считать шагов. Он не смотрел ни вправо, ни влево. Свет ламп над головой казался таким же ярким и обнажающим, как лучи полуденного солнца, — и столь же горячим.

Он прислушался к шуму машины, которая набирала скорость в двух кварталах справа от него. Огни подвижных фар внезапно метнулись туда-сюда и поймали Монтага.

Продолжай идти.

Монтаг споткнулся, еще крепче вцепился в книги и приказал себе не застывать на месте. Инстинктивно он сделал несколько быстрых шагов, но тут же громко заговорил с собой, собрался с силами и снова перешел на прогулочный шаг. Он был уже на середине улицы, когда «жук», судя по реву двигателя, который, взвывая, взял более высокую ноту, прибавил скорости.

Полиция, конечно же. Они меня видят. Ну, так, еще медленнее, медленнее, совсем медленно, спокойно, не поворачивайся, не оглядывайся, никакой озабоченности. Иди, вот и все, иди и иди...

«Жук» мчался. «Жук» ревел. «Жук» увеличивал скорость. «Жук» завывал. «Жук» был тонкоголосым громом. «Жук» стелился над улицей. «Жук» шел по точной свистящей траектории, выстреленный из невидимого ружья. Он достиг скорости сто двадцать миль в час. Он перевалил уже за сто тридцать. Монтаг сжал челюсти. Казалось, от жара мчащихся огней у него горят щеки, дрожат веки, а все тело обливается кислым потом.

Он начал идиотски шаркать, начал разговаривать с собой, а затем не выдержал и просто побежал. Он выбрасывал ноги так далеко, как только

можно, и вниз, под себя, и снова как можно дальше, и под себя, и назад, вперед, под себя, назад. Боже! Боже! Он уронил книгу, сбил шаг, чуть было не повернул назад, передумал, рванулся вперед, крича в бетонную пустоту, «жук» суетливо нагонял свою бегущую еду, двести футов, осталось сто футов, девяносто, восемьдесят, семьдесят, Монтаг задыхался, молотил руками воздух, ноги вверх вниз назад, вверх вниз назад, «жук» ближе, ближе, воеет, зовет, голова Монтага вывернута в сторону, навстречу слепящему сиянию, глаза выжжены добела, вот «жук» уже проглочен светом собственных фар, вот его уже нет, только факел, летящий в Монтага, весь — звук, весь — рев. И вот — он уже почти накрыл его!

Монтаг споткнулся и упал.

Вот и все! Конец!

Но как раз в падении и был единственный смысл. За мгновение до того, как налететь на Монтага, бешеный «жук» косо пошел в сторону, вильнул и исчез. Монтаг лежал ничком, вдавив голову в бетон. Над ним, вместе с синим хвостом выхлопа, плавали завитки смеха.

Он падал, подняв правую руку над головой. Теперь рука плоско лежала на бетоне. Подтянув ее к себе, он обнаружил на самом кончике среднего пальца тончайшую, в одну шестнадцатую дюйма, черную метку от протектора в том месте, где чиркнуло проносящееся колесо. Монтаг поднялся

на ноги, с недоумением глядя на эту черную черточку.

Это была не полиция, подумал он.

Монтаг оглядел бульвар. Он был свободен. Машина, полная детей, всех возрастов. Бог знает, от двенадцати до шестнадцати, наверное, носятся, свистят, орут, кричат «ура», увидели человека, зрелище необыкновеннейшее, гуляющий человек, редкость, кто-то просто сказал: «Достанем его», не зная, что это беглец, господин Монтаг, просто компания детей, выехавшая покататься в эту долгую ночь, чтобы с ревом и воем покрыть пятьсот или шестьсот миль за несколько лунных часов, от ветра леденеют лица, и неважно, вернуться они домой на рассвете или не вернуться, будут живы или не будут, — главное, приключение.

Они убили бы меня, подумал Монтаг. Он стоял шатаясь, разорванный воздух все еще шевелил пыль вокруг него, дотрагивался до ссадины на щеке. Просто так, ни за что ни про что, они убили бы меня.

Монтаг побрел к дальней обочине, приказывая каждой ноге по отдельности — шагай, продолжай двигаться. Каким-то образом он собрал разлетевшиеся книги, хотя не помнил, чтобы наклонялся и дотрагивался до них. Он то и дело перекладывал их из руки в руку, словно это была сдача в покере и он никак не мог разобрать комбинацию.

Хотел бы я знать, а не они ли убили Клариссу?
Он остановился, и его мозг очень громко повторил эту фразу:

— *Хотел бы я знать, а не они ли убили Клариссу!*
Ему захотелось с криком побежать за ними.
Глаза наполнились влагой.

Его спасло то, что он упал ничком. Увидев лежащего Монтага, водитель «жука» инстинктивно просчитал высокую вероятность того, что, переезжая тело на такой большой скорости, машина наверняка перевернется и выбросит всех вон. А если бы Монтаг остался стоячей мишенью?..

У Монтага перехватило дыхание.

В конце бульвара, в четырех кварталах от него, «жук» замедлил ход, развернулся на двух колесах и теперь, набирая скорость, мчался назад, косо переходя на встречную полосу.

Но Монтага уже не было на проспекте, он укрылся в спасительной темноте того самого переулка, ради которого он и пустился в этот долгий путь час — или, может, минуту? — назад. Он стоял, дрожа от ночного холода, и смотрел через плечо, как «жук» проносится мимо, вот его занесло на центральную часть проспекта, в воздухе взвихрился смех, машина исчезла.

Спустя несколько мгновений, шагая в темноте, Монтаг увидел, как с неба падают, падают, падают вертолеты, словно хлопья первого снега грядущей долгой зимы...

Дом был тих.

Монтаг подошел к нему сзади, прокравшись сквозь густой, sprыснутый ночной сыростью аромат желтых нарциссов, роз и влажной травы. Он дотронулся до сетчатой двери черного хода, обнаружил, что она открыта, скользнул внутрь и, прислушиваясь, прошел через крылечко.

«Госпожа Блэк, как вы там, спите? — подумал он. — Да, я знаю, это нехорошо, но ведь ваш муж поступал так с другими и никогда не задавал лишних вопросов, никогда не сомневался, никогда не беспокоился. А сейчас, коль скоро вы жена пожарного, настал черед и вашего дома, настал ваш черед — за все дома, которые сжег ваш муж, за всех людей, которым он, не задумываясь, причинил вред».

Дом не ответил.

Монтаг спрятал книги на кухне и переместился из дома опять в переулок, и там обернулся: дом был по-прежнему темен и тих, он спал.

По пути назад через весь город, над которым, как клочки бумаги в небе, порхали вертолеты, он поднял пожарную тревогу, позвонив из одинокой телефонной будки возле закрытого на ночь магазина. А потом долго стоял в холодном ночном воздухе, стоял и ждал, и наконец услышал, как вдалеке подали голос сирены, и тут же завыли в полную силу, и «Саламандры» помчались, помчались, помчались, чтобы сжечь дом

господина Блэка, пока он был на работе, чтобы поутру его жена, дрожа от рассветной прохлады, стояла и смотрела, как проседает и рушится в огонь крыша ее дома. Но сейчас она все еще спала.

«Спокойной ночи, госпожа Блэк», — пожелал он.

— Фабер!

Новый стук в дверь, шепот, долгое ожидание. Затем, через минуту, внутри маленького дома Фабера замерцал огонек. Снова пауза, и задняя дверь открылась.

Они стояли и разглядывали друг друга в полумраке — Фабер и Монтаг, стояли и разглядывали, словно каждый не верил в существование другого. Затем Фабер шевельнулся, и протянул руку, и схватил Монтага, и втянул его внутрь, и усадил, и вернулся к двери, и некоторое время стоял там в проеме, прислушиваясь. В утренней дали завывали сирены. Фабер вошел в комнату и прикрыл за собой дверь.

— Я был дураком, все время, с самого начала, — сказал Монтаг. — Мне нельзя долго оставаться у вас. Краткая остановка на пути бог знает куда.

— **ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ВЫ БЫЛИ ДУРАКОМ ЧТО НАДО, — ОТВЕТИЛ ФАБЕР. — Я ДУМАЛ, ВЫ УЖЕ МЕРТВЫ. АУДИОКАПСУЛА, КОТОРУЮ Я ВАМ ДАЛ...**

— ...сгорела.

— Я слышал, как Капитан разговаривал с вами, — и вдруг тишина. Я чуть было не бросился вас разыскивать.

— Капитан мертв. Он обнаружил аудиокапсулу, он услышал ваш голос, и он собирался выследить вас. Я убил его из огнемета.

Фабер сел и долго ничего не говорил.

— Боже мой, как это могло случиться? — спросил Монтаг. — Еще вчера вечером все было прекрасно, и вдруг я понимаю, что тону. Сколько раз человек может тонуть и при этом оставаться в живых? Я не могу дышать. Битти мертв, а когда-то он был моим другом, и Милли нет, я думал, она мне жена, а сейчас уже просто не знаю. И дом сгорел дотла. И нет больше работы, я в бегах, а по дороге сюда я подбросил в дом пожарного книгу. Господи Иисусе, и все это я натворил за одну-единственную неделю!

— Вы сделали то, что должны были сделать. К этому шло уже давно.

— Да, я верю, что так оно и есть, если я вообще во что-то верю. Накапливалось, накапливалось, а потом произошло. Я давно чувствую это, во мне что-то копилось, я делал одно, а чувствовал совсем другое. Боже, ведь все это было внутри меня. Удивительно, как оно не проявилось внешне, подобно жировым отложениям. И вот я теперь у вас, чтобы ваша жизнь тоже превратилась в кашу. Они же могут прийти за мной сюда.

— Впервые за много лет я чувствую, что живу, — сказал Фабер. — Чувствую, что делаю то, что должен был сделать целую жизнь тому назад. Пока еще я не испытываю страха. Может быть, потому, что я наконец делаю то, что положено. А может, потому, что я совершил неосторожный поступок и теперь не хочу выгладеть в ваших глазах трусом. Полагаю, впредь мне придется совершать куда более отчаянные поступки и подвергнуть себя серьезному риску, дабы не загубить все дело и снова не впасть в страх. А каковы ваши планы?

— Бежать дальше.

— Вы знаете, что объявлена война?

— Да, слышал.

— Боже, ну не забавно ли это? — сказал старик. — У нас теперь полно своих забот, и потому война кажется такой далекой-далекой.

— У меня просто не было времени подумать об этом. — Монтаг вытащил стодолларовую бумажку. — Хочу, чтобы это осталось у вас. Когда я уйду, используйте их как угодно, лишь бы помогло.

— Но...

— Может, к полудню я буду уже мертв. Используйте их.

Фабер кивнул.

— Если сможете, лучше направляйтесь к реке, идите берегом, пока не наткнетесь на старую железнодорожную ветку, ведущую за город, и дальше идите по ней. Хотя в наши дни практиче-

ски все летают самолетами и большая часть железных дорог заброшена, но рельсы-то остались, хотя и ржавеют. Я слышал, что по всей стране, там и сям, все еще есть лагеря бродяг, их называют «ходячими лагерями», и если уйти подальше и держать глаза открытыми, то, говорят, вдоль колеи, на всем пути от нас до Лос-Анджелеса, можно встретить немало старых выпускников Гарварда. Большинство из них находится в розыске, в городах за ними охотятся, тем не менее, думается, они выживают. Их не так-то много, и я полагаю, правительство никогда не видело в них столь большую опасность, чтобы затеять большую игру и переловить их всех. Можете на какое-то время укрыться у этих бродяг, а потом свяжитесь со мной в Сент-Луисе. Я уезжаю туда сегодня утром пятичасовым автобусом, хочу повидать того отставного печатника. Так что я тоже наконец выхожу на свет. Вашим деньгам найдется хорошее применение. Спасибо, и да благословит вас Господь. Может, хотите поспать несколько минут?

— Нет, лучше побегу.

— Давайте выясним, что к чему.

Он быстро провел Монтага в спальню, снял и отложил в сторону картину в раме, и на стене обнаружился телевизионный экран размером с почтовую открытку.

— Мне всегда хотелось иметь что-нибудь очень маленькое, нечто такое, к чему я мог бы

подойти, нечто такое, что можно было бы, если нужно, заткнуть ладонью. Не терплю ничего, что могло бы орать на меня, ничего чудовищно большого. И вот — вы видите...

Он щелкнул выключателем.

— Монтаг, — сказал телевизор и зажегся. — М-О-Н-Т-А-Г. — Голос произнес имя по буквам. — Гай Монтаг. Все еще в бегах. Подняты полицейские вертолеты. Из другого района доставлена новая Механическая Гончая...

Монтаг и Фабер переглянулись.

— ...Механическая Гончая *никогда* не подводит. Ни разу, с того самого момента, как это невероятное изобретение было впервые использовано для розыска добычи, она не совершила ни единой ошибки. Наша телекомпания горда тем, что сегодня вечером имеет возможность последовать за Гончей на вертолете, оборудованном камерой, лишь только она возьмет курс на мишень...

Фабер наполнил два стакана виски.

— Нам это понадобится.

— ...нос, настолько чувствительный, что Механическая Гончая может запомнить и идентифицировать десять тысяч запаховых показателей десяти тысяч мужчин без дополнительной переустановки!

Фабер легонько вздрогнул и обвел взглядом дом, стены, дверь, дверную ручку и стул, на котором сидел Монтаг. Монтаг понял, что означает

этот взгляд. Они оба быстро оглядели дом, и Монтаг ощутил, как расширились его ноздри, и понял, что сам пытается взять свой собственный след, и неожиданно оказалось, что у него очень чуткий нос, который без труда распознает путь, который Монтаг проделал в воздухе комнаты, и след пота его пальцев, свисающий с дверной ручки, — след невидимый и даже не единственный, их было много, как драгоценных камней на маленьком канделябре; он стал светящимся облаком, привидением, и от этого стало невозможно дышать. Он увидел, как Фабер задерживает собственное дыхание, боясь втянуть это привидение в свое тело, возможно, уже и без того зараженное испарениями фантома и запахами беглеца.

— А сейчас вертолет опускает Механическую Гончую на место Пожара!

И тут на маленьком экране возникли сгоревший дом, и толпа, и что-то, накрытое простыней, а с неба, порхая, спускался вертолет, похожий на гротескный цветок.

Итак, они должны довести игру до конца, подумал Монтаг. Цирк будет продолжаться, хотя не пройдет и часа, как начнется война...

Зачарованный, не пытаясь пошевелиться, он следил за происходящим на экране. Все казалось таким далеким, не имеющим к нему никакого отношения; это была пьеса, поставленная отдельно и отдаленно, смотреть ее было удивительно, в ней

заклучалась даже какая-то странная прелесть. И ведь это все для меня, подумал он, боже ты мой, все это делается только для меня.

Если бы он захотел, то мог бы устроиться здесь с комфортом и наблюдать за всей охотой, за всеми ее быстро сменяющимися фазами, — промчаться вниз по переулкам, вверх по улицам, перепрыгнуть через пустые плавные проспекты, пересечь автомобильные стоянки и игровые площадки, делая тут или там паузы для рекламных объявлений, и вверх по другим переулкам, к горящему дому господина и госпожи Блэк, и дальше, дальше, и вот наконец этот дом, где Фабер и он сам сидят, попивая виски, а Механическая Гончая уже принимается к последнему следу, беззвучная, как надвижение самой смерти, прежде чем резко затормозить вот у этого окна. И тогда, если бы он захотел, Монтаг мог бы встать, подойти к окну, поглядывая одним глазком на телевизионный экран, открыть его, высунуться наружу, оглянуться и увидеть себя — как он стоит там, инсценированный, объясненный, подгримированный, живописно подсвеченный ярким сиянием маленького телевизионного экрана, герой драмы, которую полагается смотреть совершенно беспристрастно, стоит и знает, что в других гостиных он виден в натуральную величину, во весь рост, в полном цвете, во всем совершенстве пропорций! — а если он будет очень внимателен и по-

старается ничего не пропустить, то сумеет увидеть, как в него, за мгновение до проваливания в небытие, вопьется игла — во благо бесчисленных граждан, седоков гостиных, которые несколько минут назад пробудились ото сна, потому что стены их телевизионных комнат, неистово воя сиренами, пригласили их посмотреть большую игру, охоту, карнавал одного человека.

Хватит ли ему времени, чтобы сказать последнее слово? Когда на глазах у десяти, или двадцати, или тридцати миллионов человек Гончая схватит его, разве не должен он будет одной фразой или хотя бы одним словом подытожить всю свою жизнь за последнюю неделю, причем так, чтобы эта фраза, это слово оставались в их душах еще долго после того, как Гончая, зажав его в металлических тисках своих челюстей, повернется и затрусит прочь в темноту, а телекамера, оставаясь неподвижной, будет следить, как эта тварь все уменьшается и уменьшается, удаляясь, — потрясающее затемнение! Но что же может он сказать одним словом или несколькими словами, чтобы опалить все эти лица и разбудить их?

— Вот она, — шепнул Фабер.

Вылетев из вертолета, на землю плавно опустилось нечто, что не было ни машиной, ни зверем, ни мертвым, ни живым, яркая бледно-зеленая светимость. Оно приземлилось возле дымящихся развалин дома Монтага, и полицейские,

принеся брошенный Монтагом огнемёт, положили его перед рилом Гончей. Послышались жужжание, пощелкивание, гудение.

Монтаг потряс головой, встал и допил остаток своего виски:

— Пора. Мне жаль, что все так получилось.

— О чем это вы? Обо мне? О моем доме? Я все это заслужил. Ради бога, бегите. Может быть, мне удастся задержать их здесь...

— Стойте. Пользы не будет, если они обнаружат еще и вас. Когда я уйду, сожгите покрывало с этой кровати, до которого я дотрагивался. Стул из гостиной, на котором я сидел, сожгите в вашей комнате в мусоросжигателе. Оботрите спиртом мебель, протрите дверные ручки. Сожгите коврик из прихожей. Включите на полную мощность кондиционеры во всех комнатах, распылите повсюду средство от насекомых, если оно у вас есть. Потом включите поливальную установку, пусть разбрызгиватели бьют как можно выше, обдайте из шланга дорожку и тротуар. Если нам хоть чуть-чуть повезет, может быть, удастся уничтожить здесь всякие следы моего присутствия.

Фабер пожал ему руку.

— Я об этом позабочусь. Удачи вам. Если нам обоим удастся сохранить доброе здоровье, то на следующей неделе, или еще через неделю, напишите мне в Сент-Луис, до востребования. Жаль, что никак не получится поддерживать с вами

связь через наушник. Эта штука хорошо поработала на нас. Однако запасы моего оборудования ограничены. Видите ли, я никогда не думал, что смогу использовать ее. Вот глупый старик! Со всем ума нет. Глупый, глупый. В общем, у меня нет еще одной зеленой пули нужной конструкции, такой, чтобы можно было вставить вам в голову. Ну а сейчас бегите!

— И последнее. Только быстро. Достаньте любой чемодан и набейте его самой грязной вашей одеждой — старый костюм, чем грязнее, тем лучше, рубаша, какие-нибудь старые кроссовки, носки...

Фабер вышел и вернулся через минуту. Они обклеили картонный чемодан прозрачной липкой лентой.

— Ясное дело, чтобы сохранить внутри древний запах господина Фабера, — заметил Фабер, вспотевший от усилий.

Монтаг обрызгал чемодан снаружи небольшим количеством виски.

— Не хочу, чтобы Гончая учуяла оба запаха сразу. Могу я взять с собой остаток виски? Оно мне потом понадобится. Господи Иисусе, хоть бы все удалось!

Они еще раз пожали друг другу руки и, выходя, бросили взгляд на телевизор. Гончая, сопровождаемая нависшими над ней вертолетами с камерами, шла по следу, шла тихо-тихо, совсем бес-

шумно, внюхиваясь в сильный ночной ветер. Она уже вбежала в первый переулок.

— До свидания!

Монтаг легко выскочил из задней двери и пустился бежать с полупустым чемоданом в руке. Он услышал, как сзади вскинулась поливальная установка и наполнила темный воздух дождем, который сначала падал мягко, а затем превратился в ровный ливень; вода омывала тротуар и стекала на мостовую. Вместе с собой Монтаг унес несколько капель этого дождя, попавших на лицо. Ему показалось, что он услышал, как старик крикнул вслед «До свиданья!», но уверенности в этом не было.

Очень быстро он побежал прочь от дома, вниз по улице, направляясь к реке.

Монтаг бежал.

Он чувствовал Гончую, как чувствуют приход осени, холодной, сухой и скорой, как чувствуют ветер, который, пролетая, не колышет траву, не дребезжит в окнах, не шевелит тенями листьев на белых тротуарах. Гончая не касалась окружающего мира. Свое молчание она несла с собой, и это молчание можно было ощутить, потому что оно, следуя за тобой через весь город, все время наращивало давление за твоей спиной. Монтаг чувствовал, что давление растет, и бежал дальше.

На пути к реке он остановился, чтобы перевести дыхание, и заодно заглянул в тускло освещенные окна проснувшихся домов; внутри он увидел силуэты людей, смотревших стены своих гостиных, а там, на стенах, Механическая Гончая, выдох неоновом пара, паучьими перебежками мчалась вперед: вот она здесь, а вот ее уже нет, опять здесь, и снова ищи ветра в поле! Только что была на террасе Вязов, а уже бежит по улице Линкольна, по Дубовой, по Парковой, вот и переулоч, ведущий к дому Фабера!

«Пробеги мимо, — подумал Монтаг. — Не останавливайся, беги дальше, не сворачивай!»

На стене гостиной — дом Фабера, в ночном воздухе пульсируют струи поливальной установки.

Гончая приостановилась, вся дрожа.

«Нет! — Монтаг приник к подоконнику. — Сюда! Я здесь!»

Прокаиновая игла высунулась и мгновенно втянулась назад, высунулась, втянулась. Но перед тем, как игла вовсе исчезла в рыле Гончей, с нее сорвалась единичная ясная капелька зелья, приносящего сны.

Монтаг надолго затаил дыхание — словно два кулака сжались в груди.

Механическая Гончая отвернулась и бросилась дальше по переулку, прочь от фаберовского дома.

Монтаг резко перевел взгляд на небо. Вертолеты были гораздо ближе — словно туча насекомых слеталась к единственному источнику света.

С усилием Монтаг снова напомнил себе, что увиденное на экране — не выдуманный эпизод, подсмотренный им по пути к реке, а реальная действительность, и что он был свидетелем шахматной партии, которую, ход за ходом, разыгрывает он сам.

Он закричал, чтобы тем самым дать себе необходимый толчок, чтобы оторваться от окна этого последнего дома и захватывающего сеанса шахматной игры, продолжающегося там. *К черту!* И вот он уже далеко, его уже нет. Переулок, улица, переулок, улица, запах реки... Нога вперед, нога вниз, нога вперед и вниз... Скоро будут бежать двадцать миллионов Монтагов, если телекамеры поймают его. Двадцать миллионов бегущих Монтагов, бегущих, как в древней, мерцающей на экране кистоунской комедии¹: «копы», грабители, преследователи и преследуемые, охотники и до-

---

¹ Кистоунские комедии — собирательное название для огромного количества короткометражных комедийных фильмов, снятых в эпоху немого кино компанией «Кистоун». Эта компания была создана в 1912 г. и производила по одной комедии в неделю. Большое количество фильмов было посвящено смешным похождениям незадачливых полицейских — «кистоунских копов». В 35 комедиях этого типа снялся Чарли Чаплин.

быча, — он сам видел все это тысячу раз. А за ним гонятся двадцать миллионов беззвучно лающих Гончих, рикошетом летающих через гостиные: от трех бортов в дальнюю лузу, есть! От правой стены через центральную к левой, луза! Правая стена, центральная стена, левая стена, луза!

Монтаг воткнул в ухо «ракушку».

— Полиция предлагает всем гражданам, живущим в районе террасы Вязов, поступить следующим образом: пусть каждый человек в каждом доме на каждой улице откроет парадную или заднюю дверь или выглянет из окна. Беглец не сможет скрыться, если через минуту каждый выглянет из своего дома. Приготовились!

Ну, конечно! Странно, что они не делали этого раньше! За столько лет — и ни разу не испробовали такую игру! Всем встать и всем выглянуть! Вот уж не ошибешься! Он единственный, кто в одиночку бежит по ночному городу, единственный, кто испытывает крепость своих ног!

— А теперь — на счет десять. *Один! Два!*

Он почувствовал, как весь город встал.

— Три!

Он почувствовал, как весь город повернулся к тысячам своих дверей.

Быстрее! Нога вперед, толчок, нога назад!..

— Четыре!

Люди, как лунатики, бредут по коридорам.

— Пять!

Он ощутил их пальцы на дверных ручках!

Запах реки был прохладным, пахло так, будто идешь под крепким дождем. Горло Монтага было забито перекаленной ржавчиной, от бега в глазах стояли сухие слезы. Он закричал, словно этот крик мог подхлестнуть его, перебросить через последние сто ярдов, остававшиеся до реки.

— Шесть, семь, восемь!

На пяти тысячах дверей повернулись ручки.

— Девять!

Он рванулся, оставив за собой последний ряд домов, и побежал вниз по склону, ведущему к плотной движущейся черноте.

— Десять!

Двери распахнулись.

Он представил себе тысячи и тысячи лиц, всматривающихся во дворы, переулки и небо; тысячи лиц, скрытых занавесками; тысячи бледных лиц, испуганных ночной темнотой, словно рыльца серых зверьков, выглянувших из своих электрических нор; тысячи лиц с серыми бесцветными глазами, серыми языками и серыми мыслями, проглядывающими сквозь оцепенелую плоть лиц.

Но он был уже у реки.

Монтаг коснулся ее, просто чтобы увериться в ее реальности. Он вошел в воду, разделся в темноте догола и стал брызгать на тело, ноги, руки, голову неразбавленный спирт воды; он пил ее и не мог напиться, и даже носом втянул в себя

малую толику. Затем надел старую одежду и башмаки Фабера, а свои вещи швырнул в реку и долго смотрел, как их сносит течением. Потом, не выпуская из руки чемодан, он зашел в реку еще дальше, туда, где уже не чувствовалось дна, и течение унесло в темноту его самого.

Он был уже в трехстах ярдах ниже по течению, когда Механическая Гончая достигла реки. В вышине парили огромные грохочущие круги вертолетных винтов. Буря света обрушилась на реку, и Монтаг нырнул, уходя от этой мощной иллюминации, сравнимой лишь с солнцем, пробившимся сквозь облака. Он чувствовал, что река увлекает его все дальше и дальше в темноту. Затем лучи метнулись назад, на берег, и вертолеты снова начали кружить над городом, словно наткнулись на новый след. Они исчезли. Исчезла Гончая. И теперь была только холодная река, и был Монтаг, плывший по ней в нечаянном покое — прочь от города, огней, погони, прочь от всего.

Ему казалось, будто бы он сошел со сцены, где осталось много актеров. Ему казалось, будто бы он покинул спиритический сеанс, где осталась целая туча бормочущих духов. Из нереальности, которая страшила его, он перемещался в реальность, которая тоже была нереальной — в силу своей новизны.

Мимо скользила черная земля, он плыл теперь за пределами города среди холмов. Впервые за добрый десяток лет над ним высыпали звезды и начали свой ход по небу — великое круговращение огня. Он видел, как в небе собираются великие силы звезд, грозящие скатиться вниз и сокрушить его.

Он плыл на спине, когда чемодан набрал воды и затонул; река была кротка и нетороплива, она все дальше и дальше уходила от людей, которые ели тени на завтрак, пар на обед и морось на ужин. Река была очень реальна; она мягко несла Монтага, давая ему время и досуг наконец-то обдумать и прошедший месяц, и миновавший год, и все годы его жизни. Он прислушался к своему сердцу — его ритм замедлился. И мысли перестали метаться, вторя толчкам крови.

Он увидел, что луна в небе теперь была заметно ниже. Вот сама луна там, а что служит причиной лунному свету? Конечно, солнце. А что дает свет солнцу? Его собственный огонь. День за днем солнце горит и горит, не переставая. Солнце и время. Солнце, время и горение. Горение. Река тихо несла его, легонько поигрывая, как мячиком. Горение. Солнце и все часовые механизмы Земли. Все это сошлось вместе и стало единым целым в его мозгу. После долгого плавания по земле и короткого плавания по реке он наконец

понял, почему никогда в жизни больше не должен жечь.

Солнце горит каждый день. Оно сжигает Время. Планета несется по кругу и вертится вокруг собственной оси, а Время только и делает, что сжигает годы и в любом случае сжигает людей, не прибегая к его, Монтага, помощи. **И ЕСЛИ ОН ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ ПОЖАРНЫМИ БУДЕТ СЖИГАТЬ РАЗНЫЕ ВЕЩИ, А СОЛНЦЕ БУДЕТ СЖИГАТЬ ВРЕМЯ, ТО ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО СГОРИТ ВСЕ!**

Кто-то из них должен перестать жечь. Солнце, конечно, не перестанет. И получается, что это должен сделать он, Монтаг, и те люди, с кем он работал бок о бок еще несколько коротких часов назад. Где-то опять должно начаться сбережение и накопление, и кому-то придется взять на себя эту роль: сберегать и так или иначе копить, копить и так или иначе сберегать все заслуживающее внимания — в книгах, в записях, в людских головах, в любом виде, лишь бы все это оставалось нетронутым — ни молью, ни чешуйницей, ни ржавчиной, ни гнилью, ни людьми со спичками. В мире полно горения — всех видов и форм. Скоро, очень скоро должна будет начать свою деятельность новая гильдия — гильдия асбестоткачей.

Он почувствовал, как его пятки ударились о твердь, коснулись гальки, пробороздили песок. Река принесла его к берегу.

Он взгляделся в огромное черное создание, лишенное глаз и света, лишенное формы и имеющее только размер, который тянется на тысячи миль, никак не желая остановиться; создание, раскинувшее свои травяные холмы и леса, которые сейчас ожидали его.

Монтаг медлил, не решаясь покинуть уютный поток воды. На суше его ждала встреча с Гончей. В кронах деревьев мог неожиданно засвистеть могучий вертолетный ветер.

Но пока здесь был лишь обычный осенний ветер, он тек высоко вверх, как еще одна река. Почему Гончая больше не бежит за ним? Почему погоня отвернула от реки? Монтаг внимательно вслушивался. Ничего. Ничего.

Милли, подумал он. Вот передо мной лежит весь этот край. Прислушайся к нему! Ничего, совсем ничего. Так много тишины, Милли, я все думаю, как бы ты ее восприняла? Стала бы кричать мне — «Заткнись! Заткнись!», так или нет? Милли, Милли... Ему стало грустно.

Но Милли здесь не было, и Гончей здесь не было; сухой запах сена, доносившийся с какого-то дальнего поля, вернул его на землю. Он вспомнил одну ферму, на которой побывал очень давно, еще ребенком; то был один из редчайших случаев в его жизни, когда он обнаружил, что где-то там, за семью завесами нереальности, за стенами гостинных, за пустяшным рвом, окружавшим город,

существовали коровы, которые жевали траву, свиньи, которые валялись в полдень в теплых лужах, и собаки, которые облаивали белых овец на холме.

И вот теперь сухой запах сена и движение речных вод побудили его вспомнить, как он спал на свежем сене в одиноком амбаре на задах тихого фермерского домика, вдали от шумных скоростных трасс, под древней ветряной мельницей, крылья которой издавали такое жужжание, словно годы жизни проносились над головой. Тогда он всю ночь пролежал на высоком сеновале, прислушиваясь к звукам далеких животных и насекомых, к деревьям, ко всем малым движениям и шевелениям.

А посреди ночи, думал тогда Монтаг, он, возможно, услышит под сеновалом звуки, словно поступь легких шагов. Встрепенувшись, он приподнимется и сядет. Звуки шагов, удаляясь, стихнут. Будет уже поздняя ночь, он снова ляжет и, взглянув в оконце сеновала, увидит, как в фермерском домике гаснут огни, а затем очень молодая и очень красивая женщина сядет у неосвещенного окна и станет завязывать лентой свои волосы. Ее будет очень трудно разглядеть, но лицо этой женщины будет похожим на лицо девушки, которая стала уже далеким прошлым, очень-очень далеким прошлым, девушки, которая понимала погоду, у которой никогда не было ожогов от

огненных светляков и которая знала, что будет, если провести одуванчиком по подбородку. Затем женщина исчезнет из теплого окна и снова появится уже этажом выше, в своей выбеленной лунной комнате. А он, под звуки смерти, под звуки реактивных истребителей, разрезавших небо на два черных куска так, что линия разреза уходила за горизонт, будет лежать на сеновале, надежно укрытый от любых опасностей, и следить, как эти странные новые звезды над ободом земли бегут мягких красок зари.

Утром он не будет испытывать необходимости во сне, потому что теплые запахи и чарующие картины этой во всех смыслах сельской ночи уже дали ему хороший отдых и подарили крепкий сон, хотя глаза его были всю ночь широко открыты, а на устах как была, так и осталась полуулыбка — он понял это, когда ему пришло в голову подвигать лицом.

А внизу, у лестницы сеновала, его будет ожидать совсем уже невероятная вещь. В розовом свете раннего утра он осторожно сойдет с последней ступеньки, неся в себе такое полное осознание окружающего мира, что ему будет даже немного страшно, и остановится над маленьким чудом, и наконец нагнется, чтобы дотронуться до него.

До прохладного стакана свежего молока, нескольких яблок и груш, выставленных у подножия лестницы.

Это было все, чего он сейчас хотел. Несколько признаков того, что огромный мир примет его и даст то немалое время, которое требовалось для того, чтобы обдумать все, что следовало обдумать.

Стакан молока, яблоко, груша.

Он вышел из реки.

Берег обрушился на него, как прилив. Монтаг был сокрушен темнотой, и всем видом этой местности, и миллионами запахов, прилетавшими с ветром, который леденил его тело. Он повалился на спину, над ним загибался гребень огромного вала темноты, звука и запаха, в ушах у него стоял рев. Волна закружила его. Звезды посыпались перед глазами, словно пылающие метеоры. Ему захотелось снова нырнуть в реку, с тем чтобы она лениво понесла его, целого и невредимого, куда-нибудь дальше. Темная земля, вздымающаяся над ним... — как в тот день, в детстве, когда он купался в море и вдруг, откуда ни возьмись, самая большая волна за всю историю его воспоминаний вмяла его в соленую грязь и зеленую тьму, вода обожгла ему рот и нос, из желудка поднялась рвота, как он тогда кричал! Слишком много воды!

Слишком много земли.

Шепот из черной стены, стоявшей перед ним. Силуэт. У силуэта два глаза. Ночь смотрела бы него. Лес его видел.

Гончая!

Ты бежишь, мчишься, вымаливаешь себе избавление, едва не тонешь, заплываешь в такую даль, затрачиваешь столько сил, и вот, решив, что ты в безопасности, облегченно вздыхаешь и наконец выходишь на берег, — и после этого видишь...

Гончую!

В агонии Монтаг издал последний крик, единственный, словно все это было уже чересчур для одного человека.

Силуэт взорвался, и нет его. Глаза исчезли. Кучи листьев взметнулись и осыпались сухим дождем.

Монтаг был один в диком безмолвии.

Олень. Он ощутил тяжелую мускусную струю — словно запах духов, смешанный с кровью и камедным паром звериного дыхания, а еще кардамон, еще мох и амброзия, вот чем пахла эта необъятная ночь, где деревья бежали на Монтага и расступались, бежали и расступались, в ритме крови, пульсировавшей на дне его глаз.

На земле лежал, наверное, миллиард листьев; он шел по ним вброд, шел вброд по этой сухой реке, пахнувшей горячими бутончиками гвоздики и теплой пылью. А прочие запахи! От земли пахло так, будто взрезали сырую картофелину, и запах был тоже сырой, прохладный и белый, оттого что большую часть ночи светила луна. И еще был за-

пах маринада из свежееоткрытой бутылки, и запах петрушки, выложенной на столе. И тонкий желтый запах горчицы из баночки. И запах гвоздики из соседского сада. Он опустил руку и почувствовал, как к ней потянулся стебелек травы — словно ребенок погладил его ладонь. Теперь его пальцы пахли лакрицей.

Он остановился и долго дышал, и чем больше вбирал в себя запахов этого края, тем больше наполнялся подробностями земли, расстилавшейся вокруг. Он уже не был пуст. Подробностей было более чем достаточно, чтобы наполнить его до краев. Теперь их всегда будет более чем достаточно.

Он брел, спотыкаясь, по мелководью листьев.

Вдруг посреди этой чужести — нечто знакомое.

Нога ударилась о какой-то предмет, отозвавшийся глухим звоном. Он пошарил рукой по земле — ярд в одну сторону, ярд в другую. Железнодорожная колея.

Колея, которая выходила из города и, ржавея по пути, пересекала всю страну, шла через леса и рощи, ныне совсем обезлюдившие, бежала все дальше и дальше вдоль берега реки.

Это была тропа, которая вела Монтага к цели, куда бы он ни направлялся. Колея была единственной знакомой здесь вещью, волшебным талисманом, который, возможно, будет вести его

какое-то время, талисманом, которого можно коснуться рукой, который можно ощущать под ногами, пока он будет пробираться сквозь заросли ежевики, брести озерами запахов, ощути и касаний, среди шепота и веяния листьев.

Он зашагал по колее.

И очень удивился, поняв, что вдруг абсолютно уверился в одном факте, доказать который не было никакой возможности.

КОГДА-ТО, УЖЕ ДОВОЛЬНО ДАВНО, ТЕМ ЖЕ ПУТЕМ, КОТОРЫМ ШЕЛ ОН СЕЙЧАС, ПРОШЛА КЛАРИССА.

Весь замерзший, Монтаг осторожно продвигался по колее, его ноги были исколоты колючками и исхлестаны крапивой, он четко представлял себе, что все его тело, лицо, глаза и рот забиты темнотой, а уши забиты звуками, и вот спустя полчаса он увидел впереди огонь.

Огонь исчез, затем возник снова, словно подмигнул чей-то глаз. Монтаг остановился, боясь, что одним своим выдохом может загасить этот огонь. Но тот остался на прежнем месте, и Монтаг стал осторожно приближаться, стараясь ничем себя не выдать, хотя до огня было еще далеко. Прошло добрых пятнадцать минут, прежде чем он подошел к нему почти вплотную, тогда Монтаг остановился и, оставаясь в укрытии, начал рассматривать его. Легкое трепетание, белый и красный цвета... — **ЭТО БЫЛ СТРАННЫЙ ОГОНЬ, ПОСКОЛЬ-**

КУ ТЕПЕРЬ ОН ОЗНАЧАЛ ДЛЯ МОНТАГА НЕЧТО СОВСЕМ ИНОЕ, НЕ ТО, ЧТО РАНЬШЕ.

ОН НИЧЕГО НЕ ЖЕГ. ОН СОГРЕВАЛ.

Монтаг увидел множество ладоней, протянутых к его теплу, ладоней без рук, ибо руки были скрыты темнотой. Над ладонями — неподвижные лица, все движение на них было от игры и мерцания пламени. Монтаг не подозревал, что огонь может так хорошо смотреться. За всю жизнь ему и в голову не приходило, что огонь может не только брать, но и давать. Даже запах его был иным.

Он не знал, сколько он так простоял, в нем сидело глупое и в то же время очень приятное ощущение: он воображал себя зверем, который вышел из леса, привлеченный светом костра. Он был тварью с пушистым хвостом и живыми, быстрыми глазами, он был тварью, покрытой шерстью, с вытянутой мордой, копытами и рогами, он был тварью, кровь которой, если бы пролилась на землю, пахла бы осенью. Он стоял так долго-долго, вслушиваясь в теплое потрескивание пламени.

Огонь собрал вокруг себя большую тишину, и тишина была в лицах мужчин, и еще там скопилось само время, и этого времени было достаточно, чтобы сидеть под деревьями у заржавленной колеи и смотреть на мир, и поворачивать его так и эдак глазами, словно он был куском стали, по-

мещенным в самый центр этого костра, и мужчины придавали ему форму. Не только огонь был здесь иным. Иной была и тишина. Монтаг еще ближе придвинулся к этой особой тишине, озабоченной делами всего мира.

Затем раздалась голоса, они начали переговариваться, и Монтаг не мог разобрать ни слова из того, о чем голоса вели речь; звук нарастал и стихал, и голоса тоже поворачивали мир так и эдак, рассматривая его со всех сторон; голоса все понимали и о земле, и о деревьях, и о городе, лежавшем у реки на другом конце колеи. Голоса говорили обо всем, и Монтаг понял, что не было ничего, о чем они не могли бы говорить, он вывел это из самого ритма разговора, из его течения, из любопытства и удивления, плескавшихся в голосах людей.

А затем один из мужчин поднял глаза и увидел Монтага — в первый, а может быть, в седьмой раз, — и чей-то голос сказал, обращаясь к нему:

— Ладно, можете выходить!

Монтаг отступил в тень.

— Все в порядке, — сказал голос. — Вы здесь желанный гость.

Монтаг медленно подошел к костру и пятерым сидевшим вокруг него старым мужчинам, одетым в темно-синие джинсы и джинсовые куртки и темно-синие рубашки. Он не знал, что им сказать.

— Садитесь, — сказал человек, который, по-видимому, был вожаком этой маленькой группы. — Хотите кофе?

Монтаг наблюдал, как темная дымящаяся смесь льется в складную жестяную кружку, которую ему немедленно подали. Он осторожно отхлебнул и почувствовал, что люди у костра с любопытством разглядывают его. Кофе обжигал губы, но это было хорошо. Окружавшие его лица были бородатыми, однако сами бороды — чистыми и опрятными, и руки тоже чистыми. Все встало, как бы приветствуя гостя, и снова сели.

Монтаг отхлебывал из кружки.

— Спасибо, — сказал он. — Большое спасибо.

— Добро пожаловать, Монтаг. Меня зовут Грейнджер. — Мужчина протянул ему бутылочку с бесцветной жидкостью. — Выпейте и это тоже. Это изменит химический состав пота. Через полчаса вы будете пахнуть сразу как два совершенно посторонних человека. Коль скоро по вашему следу идет Гончая, лучше всего осушить бутылочку до дна.

Монтаг выпил горькую жидкость.

— Вы будете вонять, как рыжая рысь, но это нормально, — добавил Грейнджер.

— Вам известно мое имя, — сказал Монтаг.

Грейнджер кивнул на портативный батарейный телевизор, стоявший возле костра:

— Мы следили за погоней. И догадались, что в конце концов вы свернете на юг и пойдете вдоль реки. Когда мы услышали, как вы ломитесь сквозь лес, словно пьяный лось, то не спрятались, как мы это обычно делаем. Мы поняли, что вы в реке, камеры на вертолетах повернули к городу. А там сейчас весьма занятно. Погоня продолжается. Впрочем, уже в другом направлении.

— В другом направлении?

— Давайте посмотрим.

Грейнджер щелкнул выключателем портативного телевизора.

Картинка была сущим кошмаром — концентрированный ужас, вихрь красок, стремительный полет, — и здесь, в лесу, этот кошмар можно было легко передавать из рук в руки. Голос кричал:

— Погоня продолжается в северной части города! Полицейские вертолеты слетаются к Восемьдесят седьмой авеню и парку «Вязовая роща»!

Грейнджер кивнул:

— Это все подделка. У реки вы сбили их со следа. Но признать это они не могут. Они понимают, что нельзя так долго удерживать внимание аудитории. У шоу должна быть резкая концовка — раз, и все! Если бы они начали обыскивать всю эту чертову реку, то и к утру не управились бы. Вот они и выискивают козла отпущения, чтобы завершить все шоу каким-нибудь прибабахом.

Смотрите, смотрите. Не пройдет и пяти минут, как Монтаг будет пойман.

— Но каким образом...

— Смотрите.

Камера в брюхе вертолета, парящая над городом, метнулась и показала пустую улицу.

— Видите? — шепнул Грейнджер. — Сейчас в самом конце улицы покажется жертва, это и будете вы. Видите, как наезжает камера? Выстраивает картинку. Нарастивает напряжение. Общий план. В эти секунды какой-нибудь бедняга уже вышел на прогулку. Какой-нибудь чудака. Редкость в наше время. Не думайте, что полиция не знает привычек таких вот чудил, людей, которые любят гулять на рассвете черт знает почему или же по причине бессонницы. Во всяком случае полиция месяцами, годами следит за ними, составляет карты, графики. Никогда ведь не знаешь, когда такого рода информация может понадобиться. А сегодня, получается, она как раз и к месту! Позволяет сохранить лицо. О боже, вы только взгляните!

Мужчины, сидевшие у костра, подались вперед.

На экране из-за угла дома вывернул человек. И тут же в картинку ворвалась Механическая Гончая. Проекторы вертолетов ударили вниз лучами — десяток сверкающих столбов выстроились вокруг человека, заключив его в клетку.

Голос закричал:

— Это Монтаг! Погоня закончена.

Безвинный человек с дымящейся сигаретой в руке остановился в полнейшем недоумении. Он уставился на Гончую, не представляя себе, что это такое. Возможно, он никогда не представлял ничего подобного. Он взглянул на небо, в сторону воющих сирен. Камера нырнула вниз. Гончая взвилась в воздух, ритм ее движения и чувство времени были невероятно прекрасны. Выскочила игла. На мгновение она зависла в воздухе перед их глазами, словно бы давая широкой аудитории возможность оценить всю картину: животный ужас на лице жертвы, пустую улицу, стального зверя, подобного пуле, несущейся к мишени.

— Монтаг, не двигайтесь! — сказал голос с неба.

И камера обрушилась на жертву, и Гончая сделала то же самое. Обе настигли ее синхронно. Гончая и камера вцепились в жертву мощной, удушающей паучьей хваткой. Человек завизжал. Он завизжал. Он завизжал!

Затемнение.

Тишина.

Безмолвие.

В полной тишине Монтаг вскрикнул и отвернулся от экрана.

Безмолвие.

Какое-то время люди сидели вокруг костра с ничего не выражающими лицами, а потом диктор за кадром темного экрана сказал:

— Поиски закончены, Монтэг мертв; преступление против общества отомщено.

Темнота.

— А теперь мы на полчаса перенесемся в Невесную комнату гостиницы «Люкс», в программе «За секунду до рассвета» участвуют...

Грейнджер выключил телевизор.

— Они так и не показали лицо этого человека в фокусе. Вы обратили внимание? Даже самые близкие ваши друзья, и те не смогли бы сказать, вы это были или нет. Они смазали картинку ровно настолько, чтобы заработало воображение. Дьявольщина, — прошептал он. — Дьявольщина...

Монтэг ничего не сказал в ответ; весь дрожа, он сидел, снова повернувшись к телевизору, и не сводил глаз с пустого экрана. Грейнджер коснулся его руки:

— С возвращением из загробного мира.

Монтэг кивнул.

— Теперь, пожалуй, можно познакомиться и с остальными, — продолжил Грейнджер. — Это Фред Клемент, когда-то он возглавлял кафедру по Томасу Харди в Кембридже¹, пока этот универ-

---

¹ Имеется в виду г. Кембридж (штат Массачусетс), где расположен Гарвардский университет.

ситет не стал Школой атомной инженерии. А это доктор Симмонс из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, специалист по Ортеге-и-Гассету. Профессор Уэст, присутствующий здесь, внес немалый вклад в этику, науку уже забытую, он преподавал в Колумбийском университете, но это было много лет назад. Преподобный Падовер тридцать лет назад выступил с несколькими проповедями и в итоге за одну неделю, с воскресенья по воскресенье, лишился, по причине своих взглядов, сразу всех прихожан. Он уже давно бродяжничает с нами. Теперь обо мне. Я написал книгу «Пальцы в перчатке, или Подобающие взаимоотношения между личностью и обществом». И вот я здесь! Добро пожаловать, Монтаг!

— Нет, мое место не с вами, — наконец медленно проговорил Монтаг. — Всю дорогу я был идиотом.

— Ну, нам к этому не привыкать. Мы все совершили в своей жизни правильные ошибки, иначе не оказались бы здесь. Когда мы были отдельно взятыми индивидами, все, чем мы располагали, — это ярость. Много лет назад, когда пожарный явился, чтобы сжечь мою библиотеку, я ударил его. С тех пор я в бегах. Хотите присоединиться к нам, Монтаг?

— Да.

— Что вы можете нам предложить?

— Ничего. Я думал, у меня с собой часть «Книги Екклесиаста» и, может быть, фрагмент «Откровения Иоанна Богослова», но даже этого не осталось.

— «Книга Екклесиаста» — это было бы чудесно. А где вы ее держали?

— Здесь, — Монтаг коснулся рукой головы.

— А, — с улыбкой кивнул Грейнджер.

— Что-нибудь не так? Разве я неправильно поступил? — спросил Монтаг.

— Более чем правильно, вы поступили отлично! — Грейнджер обернулся к священнику. — У нас есть «Книга Екклесиаста»?

— Да, одна. Человек по имени Харрис в Янгстауне.

— **МОНТАГ**, — Грейнджер крепко сжал его плечо, — **ХОДИТЕ С ОПАСКОЙ. БЕРЕГИТЕ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ. ЕСЛИ ЧТО-НИБУДЬ СЛУЧИТСЯ С ХАРРИСОМ, ТО «КНИГОЙ ЕККЛЕСИАСТА» СТАНЕТЕ ВЫ.** Видите, какой важной персоной вы стали за одну минуту!

— Но я все забыл!

— Нет, ничего не исчезает бесследно. У нас есть способы встряхнуть ваши шарики.

— Но я уже пытался вспомнить!

— Не пытайтесь. У каждого из нас фотографическая память, но потребовалась целая жизнь, чтобы понять, как разблокировать то, что на самом деле хранится в мозгу. Симмонс работал над этим двадцать лет, и сейчас мы довели наш метод

до такой стадии, когда мы в состоянии вспомнить все, что когда-то читали. Вот вы, Монтаг, хотели бы вы когда-нибудь прочитать «Республику» Платона?

— Конечно!

— Я и есть «Республика» Платона. Хотите прочитать Марка Аврелия? Господин Симмонс — это Марк собственной персоной.

— Здравствуйте, — сказал господин Симмонс.

— Привет, — ответил Монтаг.

— Я хочу, чтобы вы познакомились с Джонатаном Свифтом, автором этой злобной политической сатиры «Путешествия Гулливера». **ВОТ ЭТОТ ПАРЕНЬ – ЧАРЛЗ ДАРВИН, ЭТОТ – ШОПЕНГАУЭР, ТАМ – ЭЙНШТЕЙН, А ЗДЕСЬ, БОК О БОК СО МНОЙ, – ГОСПОДИН АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР, ДОБРЕЙШИЙ ФИЛОСОФ, ПО СУТИ.** Вот мы все перед вами, Монтаг. Аристофан, Махатма Ганди, Гаутама Будда, Конфуций, Томас Лав Пикок¹, Томас Джефферсон и господин Линкольн — мы все к вашим услугам. И еще мы — Матфей, Марк, Лука и Иоанн.

Все негромко засмеялись.

— Этого *не может быть*, — сказал Монтаг.

— Это *есть!* — ответил Грейнджер, улыбаясь. — Мы тоже сжигатели книг. Мы читали, а по-

---

¹ Пикок Томас Лав (1785—1866), английский поэт и романист.

том сжигали книги, боясь, что их найдут. Микрофильмирование себя не оправдало; ведь мы все время странствуем, не хочется закапывать микрофильмы, чтобы потом к ним надо было возвращаться. Всегда есть риск, что нас обнаружат. Лучше держать все в наших старых головах, куда никто не сможет заглянуть, никто даже не заподозрит, где надо искать. Все мы — кусочки истории, литературы, международного права. Байрон, Том Пейн¹, Макиавелли, Христос — все здесь. А время уходит. И началась война. И мы здесь, а город там, укутанный своим тыщачесветным покрывалом. Над чем вы задумались, Montag?

— Над тем, до чего же я был слеп, когда пытался все повернуть по-своему, когда подбрасывал книги в дома пожарных и поднимал после этого тревогу.

— Вы делали то, что должны были делать. В масштабах всей страны это могло бы сработать прекраснейшим образом. Однако наш путь проще и, как мы думаем, лучше. Все, чего мы хотим, — это сохранить знание, которое, по нашему мнению, потом понадобится нам целым

---

¹ Пейн Томас (1737—1809), американский писатель, публицист (родился в Великобритании; с 1774 г. жил в Северной Америке); участник Войны за независимость в Северной Америке и Великой французской революции.

и невредимым. Мы пока еще не хотим никого подстрекать, не хотим никого гневить. Потому что если нас уничтожат, то знание умрет, может быть, навсегда. На наш особый манер мы — образцовые граждане: бродим себе по старым железнодорожным колеям, вечерами укладываемся спать на холмах, и городской люд нас не трогает. Иногда нас останавливают и обыскивают, но среди нашего личного имущества нет ничего такого, что можно было бы вменить нам в вину. Наша организация весьма гибка и фрагментарна, и к тому же устроена очень вольно. Кое-кто из нас сделал себе пластические операции на лицах и кончиках пальцев. Сейчас у нас ужасная пора: мы ждем, чтобы война поскорее началась и так же быстро кончилась. Во всем этом приятного мало, но бразды правления не в наших руках, мы просто нелепое меньшинство, вопиющее в пустыне. Но когда война закончится, может быть, и для нас найдется какое-то применение в этом мире.

— Вы всерьез считаете, что вас тогда будут слушать?

— Если нет, что же, придется подождать еще. Передадим книги нашим детям, в устной форме, а они, в свою очередь, придут с этими книгами к другим людям. Конечно, многое будет утеряно. Но ведь людей невозможно заставить слушать. Рано или поздно, но они должны будут прийти

в себя после долгой болезни и тогда начнут задумываться, что же такое случилось в мире и почему он взорвался прямо под их ногами. Долго продолжаться это не может.

— Сколько вас всего?

— Этой ночью нас уже тысячи — на дорогах, на заброшенных железнодорожных путях; снаружи мы бродяги, внутри — библиотеки. Поначалу в этом не было никакого плана. Каждый человек имел какую-нибудь книгу, которую он хотел запомнить. И действительно запоминал. Затем, в течение двадцати лет или около того, мы встречались друг с другом во время наших скитаний и общими усилиями создали нечто вроде просторной сети, а потом выработали план действий. Самое важное, если не единственное, что нам нужно было вдолбить в самих себя, — это то, что сами мы никакие не важные персоны, мы не должны быть педантами и нам не след ощущать свое превосходство над кем-либо еще в мире. Мы не более чем суперобложки для книг, и другого смысла в нашем существовании нет. Иные из нас живут в маленьких городках. Первая глава книги Торо «Уолден» живет в Грин-Ривер, вторая глава — в Уиллоу-Фарм, штат Мэн. А вот в штате Мэриленд есть один городишко, в котором живут всего двадцать семь человек, ни одна бомба туда никогда не упадет, и этот городок — полное собрание трудов человека по имени Бертран Рассел. Берите

этот городок и листайте страницу за страницей, каждый человек — столько-то страниц. А когда война закончится — когда-нибудь, в каком-нибудь году это обязательно произойдет, — можно будет снова писать книги, и тогда наших людей начнут приглашать, одного за другим, чтобы они читали наизусть то, что знают, и мы опять будем печатать все это типографским способом, пока не наступит новое средневековье, и тогда нам придется начинать всю эту чертову карусель сначала. Но ведь это и есть самое замечательное в роде человеческом — его невозможно обескуражить или отвратить от этой деятельности настолько, чтобы он поднял лапки кверху и отказался начинать все сначала, потому что прекрасно знает: такая деятельность очень важна и во всяком случае заниматься ею *стоит*.

— Что мы будем делать этой ночью? — спросил Монтаг.

— Ждать, — ответил Грейнджер. — И немного продвинемся дальше по реке, так, на всякий случай.

Он начал забрасывать костер комьями земли и мелкой пылью.

Остальные мужчины принялись помогать, и Монтаг тоже стал помогать, и получилось, что вдали от жилья, посреди дикой природы, люди дружно двигают руками, чтобы сообща загасить огонь.

Они стояли у реки в звездном свете.

Монтаг взглянул на светящийся циферблат своих водонепроницаемых часов. Пять. Пять часов утра. Еще год прошел с тиканьем одного-единственного часа, а за дальним берегом реки ждал рассвет.

— Почему вы мне верите? — спросил Монтаг. Мужчина шевельнулся в темноте.

— Достаточно взглянуть на вас. Вы давно не видели себя в зеркале. Помимо всего прочего, город никогда не придавал нам столь большого значения, чтобы взять на себя хлопоты по организации изощренной погони за вами, лишь бы выйти на нас. Несколько психов со стишками в головах их не волнуют: они это знают, мы это знаем, любой и каждый знает это. Пока большие круги населения не начали бродить по лесам, цитируя Великую хартию вольностей и Конституцию, все в порядке. А чтобы этого не допустить, достаточно время от времени прибегать к помощи пожарных. Нет, города нас не беспокоят. А вот вы беспокоите — вон как вы выглядите, краше в гроб кладут.

Они шли берегом реки, направляясь на юг. Монтаг пытался рассмотреть лица мужчин, старые лица, морщинистые и усталые, как он запомнил их, увидев ночью при свете костра. Он искал в них одухотворенность, решительность, триумфальную победу над будущим, но что-то ничего

похожего не было видно. Возможно, он ожидал, что лица будут гореть надеждой, лучиться знаниями, которые были у этих людей, сиять наполняющим их светом, как сияют зажженные фонари. Однако весь свет на лицах его спутников был лишь отблеском походного костра, и эти люди, казалось, ничем не отличались от любых других людей, которые пробежали длинную дистанцию, или потратили много времени на поиски чего-то, или видели, как гибнет что-то хорошее, — и вот теперь, когда время уже позднее, они собрались, чтобы дождаться конца вечеринки и посмотреть, как будут тушить лампы. Они вовсе не были уверены, что от тех вещей, которые они носят в своих головах, все зори грядущих дней разгорятся более чистым светом, они вообще ни в чем не были уверены, кроме разве того, что книги аккуратно стоят на полках позади их спокойных глаз, что эти книги, со все еще не разрезанными страницами, ждут своих читателей, которые, возможно, придут позже, спустя годы, и дотронутся до них кто чистыми, а кто и грязными пальцами.

Они шли, и Монтаг время от времени украдкой поглядывал то на одно лицо, то на другое.

— НЕ СУДИТЕ О КНИГЕ ПО ОБЛОЖКЕ, — СКАЗАЛ КТО-ТО.

И все тихо засмеялись, продолжая двигаться дальше, к низовьям реки.

Раздался визг, и реактивные самолеты из города, пронесшись в вышине, скрылись задолго до того, как люди успели поднять головы. Обернувшись, Монтаг посмотрел в сторону города, он лежал выше по реке очень далеко — слабое сияние, не более того.

— Моя жена там.

— Печально слышать. В ближайшие несколько дней городам несдобровать, — отозвался Грейнджер.

— Странно, я по ней не скучаю. Странно, но я вообще ничего особенного не чувствую, — сказал Монтаг. — Секунду назад мне пришло в голову, что, если она умрет, я, наверное, даже грусти не почувствую. Это неправильно. Со мной, должно быть, что-то не так.

— Послушайте, — сказал Грейнджер, взяв Монтага под руку и придерживая ветки кустарника, чтобы он смог пройти. — Когда я был мальчишкой, умер мой дед, он был скульптором, а еще добрейшим человеком, с большим запасом любви, которую он отдавал миру; он помог навести порядок в трущобах в нашем городке, и мастерил для нас игрушки, и вообще переделал в жизни миллион дел, его руки всегда были заняты. А когда он умер, я вдруг понял, что плачу вовсе не о нем, а о тех вещах, которые он мастерил. Я плакал, потому что он больше никогда ничего не смастерит, никогда не будет резать по дереву, не помо-

жет нам разводить голубей на заднем дворе, не будет играть на скрипке — так, как умел только он, не будет рассказывать нам анекдоты — так, как тоже умел только он. Он был частью нас самих, и когда он умер, умерли и все его дела, и не было никого, кто мог бы делать их так, как он. Он был личностью. Он был значительным человеком. Я так и не смог примириться с его смертью. И я часто думаю, какая же замечательная резьба по дереву так и не родилась на свет только потому, что он умер. Сколько анекдотов исчезло из мира, сколько почтовых голубей остались нетронутыми его ладонями. Он лепил этот мир. Он делал миру добро. И в ночь, когда он усоп, мир обанкротился, лишившись десяти миллионов чудесных дел.

Монтаг шагал молча.

— Милли, Милли, — шептал он. — Милли.

— Что?

— Моя жена, моя жена. Бедная Милли, бедная, бедная Милли. Я ничего не помню. Я думаю о ее руках, но не вижу, чтобы они вообще что-либо делали. Они просто висят вдоль ее тела, или лежат на коленях, или в них дымится сигарета, вот и все.

Монтаг повернулся и взглянул назад.

А что дал городу ты, Монтаг?

Пепел.

А что остальные давали друг другу?

Небытие.

Грейнджер стоял рядом с Монтагом и тоже смотрел в сторону города.

— Каждый человек, когда он умирает, должен оставить что-то после себя. Так говорил мой дед. Ребенка, книгу, картину, дом, который ты построил, стену, которую ты возвел, пару башмаков, которые ты сшил своими руками. Или сад, который ты посадил. Что-то такое, чего так или иначе касались твои руки, — чтобы твоей душе было куда уйти после твоей смерти, и когда люди посмотрят на дерево или цветок, которые ты посадил, ты будешь там. Не имеет значения, что именно ты делаешь, говорил он, главное, чтобы ты изменил что-то и чтобы это «что-то» было одним до твоего прикосновения, а когда ты убрал руки, оно стало другим, похожим на тебя самого. Вся разница между человеком, который просто подстригает газон, и настоящим садовником заключается в прикосновении, говорил он. Тот, кто просто подстригает траву, мог бы вовсе не подходить к газону, его там словно и не было, а садовник остается в деревьях целую жизнь.

Грейнджер шевельнул рукой.

— Как-то раз, пятьдесят лет назад, дед показал мне несколько фильмов о ракетах «Фау-2». Доводилось вам когда-либо видеть атомное грибовидное облако с высоты двухсот миль? Булавочный укол, пустяк. Особенно по сравнению с

дикой природой, расстилающейся вокруг. Дед раз десять прокрутил тогда этот фильм, а затем высказал надежду, что когда-нибудь наши города станут более открытыми и впустят в себя больше зелени, сырой земли и дикой природы, дабы напомнить людям: нам отведено не так уж много места на планете, мы живем по милости дикой природы, и забрать ей у нас все, что она дала, так же легко, как сдуть нас своим дыханием или наслать океан, который поведаст нам, что не такие уж мы большие, какими себе кажемся. Если мы забудем, как близко бывает присутствие дикой природы по ночам, говорил дедушка, то в один прекрасный день она придет и съест нас, потому что к тому времени мы и помнить не будем, насколько она может быть ужасной и реальной. Понимаете?

Грейнджер повернулся к Монтагу.

— Вот уже сколько лет как дед умер, но стоит вам приподнять крышку моего черепа, клянусь Богом, и в извилинах мозга вы найдете там крупные папиллярные линии его отпечатков пальцев. Он прикоснулся ко мне. Как я уже упомянул, он был скульптором. «Ненавижу римлянина по имени Статус Кво!» — сказал он мне однажды. И еще он сказал: **«НАПИТАЙ СВОИ ГЛАЗА ЧУДОМ. ЖИВИ ТАК, КАК ЕСЛИ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ СЕКУНД УМРЕШЬ НА МЕСТЕ. ОТКРОЙ ГЛАЗА НА МИР. ОН БОЛЕЕ ФАНТАСТИЧЕН, ЧЕМ ЛЮБАЯ ГРЕЗА, СДЕЛАННАЯ И ОПЛАЧЕННАЯ НА ФАБРИКЕ.** Не проси

гарантий, не требуй никакой безопасности — такого зверя не существовало никогда. А если бы и существовал, то он был бы родственником ленивцу, который изо дня в день и целыми днями висит вверх ногами на дереве, просыпая всю свою жизнь. К черту! — воскликнул он. — Потряси дерево и сбрось ленивца — пусть шлепнется на задницу!»

— Смотрите! — вскричал Монтаг.

В этот самый миг началась и кончилась война.

Впоследствии люди, стоявшие рядом с Монтагом, так и не могли сказать, видели они что-нибудь или нет. Может быть, мимолетное полыхание света, легкое движение в небе. Может быть, бомбы были уже в воздухе, а реактивные самолеты, на кратчайшую долю секунды застыв в десяти, в пяти, в одной миле над ними, словно зерна, брошенные в небеса гигантской рукой сеятеля, тут же исчезли, и бомбы с ужасающей быстротой и вместе с тем неожиданно медленно поплыли вниз, на утренний город, который самолеты оставили далеко за собой. Бомбардировка на самом деле закончилась в то самое мгновение, когда самолеты, мчавшиеся со скоростью пять тысяч миль в час, обнаружили цель и уведомили об этом бомбардиров; и война тоже закончилась, заняв не больше времени, чем свист косы в воздухе. Она закончилась, лишь только бомбардиры дернули за рычаги бомбосбрасывателей. Прощ-

ли три секунды, полные три секунды, прежде чем бомбы ударили по городу, и за этот промежуток, в который ужалось все время истории, сами вражеские самолеты уже успели облететь половину обозримого мира, словно пули, в которые дикари-островитяне не могли поверить, потому что пули были невидимы; и вдруг сердце разнесено в клочья, тело падает на землю, причем части его движутся самостоятельно, кровь изумлена тем, что выпущена на вольный воздух, а мозг расточительно тратит время на несколько драгоценных воспоминаний и озадаченно умирает.

В это нельзя было верить. Это был жест, не более того. Монтаг увидел взмах огромного металлического кулака над далеким городом и понял, что скажет им всем вой реактивных самолетов, который раздастся вслед за содеянным: «Разрушайтесь, пусть не останется камня на камне, погибайте. Умрите!»

На одно-единственное мгновение Монтаг держал бомбы в небе — воздев к ним мысли свои и беспомощные руки.

— Бегите! — крикнул он Фаберу.

Клариссе:

— Беги!

Милдред:

— Выходи, быстрее выходи оттуда!

Но он вспомнил, что Кларисса мертва. А Фабер уже вне города: где-то там, в глубоких доли-

нах дальней части страны, пятичасовой автобус шел от одного разора к другому. И хотя разор еще не начался, еще только висел в воздухе, тем не менее он был неизбежен, как неизбежно осуществляется все задуманное человеком. Не успеет автобус пробежать еще пятьдесят ярдов по скоростному шоссе, как пункт назначения потеряет всякий смысл, а пункт отправления из столицы превратится в свалку.

Но Милдред...

Выходи, беги!

Он увидел ее в номере какой-то гостиницы, а оставалось всего полсекунды, а бомбы были уже в ярде, в футе, в дюйме от крыши. Он увидел, как она сидит, подавшись к огромной мерцающей стене, сделанной из цвета и движения, и слушает, что говорит ей «семья», а «семья» все говорит, говорит, говорит с ней, и болтает, и лепечет, и называет ее по имени, и улыбается ей, и ни слова не говорит о бомбе, которая уже в дюйме, уже в полдюйме, уже в четверти дюйма от крыши гостиницы. А Милдред сидит, подавшись к стене, и смотрит на нее таким голодным взглядом, словно только этот голод и разгадает загадку ее бессонных тревог. Милдред сидит беспокойно, нервно, как будто вот-вот нырнет, прыгнет, упадет в это роящееся буйство красок и утонет в пучине светлого счастья.

Ударила первая бомба.

— Милдред!

Очень может быть... — но кто об этом узнает? — очень может быть, что гигантские вещательные станции, с их лучами красок, света, разговоров и болтовни, ушли в небытие первыми.

Падая ничком, валясь на землю, Монтаг увидел, ощутил — или ему почудилось, что он увидел и ощутил, — как отблики стен погасли на лице Милли, он услышал ее крик, потому что в ту миллионную долю секунды, что ей осталось жить на свете, она увидела отражение собственного лица, увидела в зеркале, а не в хрустальном шаре, и это было такое дикое пустое лицо, отрешенное, отрешенное от всего в этой комнате, лишенное прикосновений, истощенное и поедающее самое себя, что Милдред не сразу узнала его, но наконец все-таки поняла, что это лицо — ее собственное, и быстро перевела взгляд на потолок, и в этот самый миг вся конструкция гостиницы грянула на нее, неся с собой сотни тонн кирпича, металла, штукатурки, дерева, и увлекла вниз, на встречу с людьми из других ульев, а затем молниеносно доставила всех в подвал, где мощный взрыв избавил себя от людей на свой безрассудный, как и полагается взрывам, манер.

Вспомнил. Монтаг приник к земле. Вспомнил. В Чикаго. В Чикаго, много лет назад. Милли и я. Вот где мы встретились! Теперь я помню. В Чикаго. Много лет назад.

Страшное сотрясение вздыбило воздух вдоль и поперек реки, повалило людей — словно падали костяшки домино, выстроенные дорожкой, — дохнуло водой, подняв над рекой фонтаны, дохнуло пылью и заставило деревья над головами горестно зарыдать под сильным ветром, пронесшимся в южную сторону. Монтаг еще сильнее вдавился в землю, сжался в малый комок, плотно зажмурил глаза. Он моргнул только раз, но в этот миг увидел, что в воздухе вместо бомб был город. Бомбы и город поменялись местами. Какое-то непостижимое мгновение город стоял в воздухе, перестроенный и неузнаваемый, он был такой высоты, о какой никогда и не мечтал, к какой никогда даже не стремился, намного выше того роста, который определил ему человек, он стал наконец-то гигантской фреской, созданной из всплесков бетонного крошева и искорок рваного металла, фреской, которая повисла, словно опрокинутая в небо лавина, — миллион красок, миллион странностей, дверь вместо окна, низ вместо верха, торец вместо фасада, — а затем город перевернулся и упал за смертью.

Звук этой смерти пришел позднее.

Монтаг лежал на земле, его крепко стиснутые веки скрежетали от пыли, и в плотно закрытом рту тоже была мелкая мокрая цементная пыль, он задышался и плакал и вдруг снова подумал:

«Я вспомнил, вспомнил, вспомнил, я вспомнил что-то еще. Что же это? Да, да, часть «Екклесиаста». Часть «Екклесиаста» и «Откровение». Только кусочек той большой книги, только кусочек, быстрее, быстрее же, пока он не исчез, пока не кончилось действие шока, пока не утих ветер. «Книга Екклесиаста». Вот она!»

Лежа на дрожащей земле, он стал беззвучно проговаривать про себя слова книги, он повторил эти слова много раз, и они были совершенны, и нисколько не раздражали, и в них не было ни следа зубной пасты «Денем», там был только Проповедник, только он, и больше никого, и он стоял в полный рост в сознании Монтага и смотрел на него...

— Берегись! — сказал чей-то голос.

Люди лежали, разинув рты, словно рыбы, разложенные на траве. Они держались за землю, как дети держатся за знакомые вещи, несмотря на то, что эти вещи холодны или мертвы, несмотря на то, что уже случилось или еще случится с ними, их пальцы впивались в грязь, и они кричали изо всех сил, чтобы не лопнули барабанные перепонки, чтобы не лопнул их рассудок, они лежали, широко раскрыв рты, и Монтаг кричал вместе с ними, протестуя против ветра, который полосовал лица, рвал губы и от которого из носов текла кровь.

Монтаг наблюдал, как оседает великая пыль,

как на мир надвигается великое безмолвие. Он лежал, и ему казалось, что он видит каждую крупинку пыли, каждую травинку, слышит каждый всхлип, крик и шепот, раздающиеся в мире. Тишина падала на землю вслед за медленно сеющей пылью, неся с собой весь досуг, который им понадобится, чтобы оглядеться и впитать органами чувств реальность этого дня.

Монтаг посмотрел на реку. Мы пойдем по реке. Он посмотрел на старую железнодорожную колею. Или мы пойдем этим путем. Или мы неспешно пойдем по скоростной трассе, и теперь у нас будет время, чтобы вместить в себя все происшедшее. И когда-нибудь, очень не скоро, после того как все это осядет в нас, оно выйдет наружу через наши руки и наши рты. Многие окажется неправильным, но какая-то доля, вполне достаточная, будет правильной. **МЫ ТОЛЬКО СЕГОДНЯ ПУСКАЕМСЯ В ПУТЬ, МЫ БУДЕМ ИДТИ И СМОТРЕТЬ НА МИР, СМОТРЕТЬ, КАК ОН БРОДИТ ВОКРУГ И РАЗГОВАРИВАЕТ, И МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ПОНЯТЬ, КАК ОН НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫГЛЯДИТ.** Теперь я хочу видеть все. Поначалу, пока увиденное вливается в меня, оно еще не будет мною, но со временем, когда все соберется внутри в единое целое, это уже буду я. Боже ты мой, Боже ты мой Боже, так смотри на мир, лежащий вокруг, смотри на него, он пока там, вовне, за пределами моего тела и моего лица, и единственный способ дотронуться до него — это поместить

его туда, где в конечном итоге находится мое «я», впустить его в кровь, пусть пульсирует в жилах, пусть обегает мое тело тысячу, десять тысяч раз в день. Вот тогда я удержу его, и он никогда больше от меня не убежит. Когда-нибудь я крепко ухватюсь за этот мир. Пока я придерживаю его только одним пальцем, но это лишь начало.

Ветер стих.

Остальные мужчины какое-то время лежали, цепляясь за рассветный краешек сна, еще не готовые к тому, чтобы встать и приступить к заботам нового дня, начать разводить костры, готовить еду и делать тысячи мелких дел, не забывая при этом переставлять ноги, сначала правую, потом левую, и двигать руками, сначала правой, потом левой. Они лежали и моргали запорошенными пылью ресницами. Можно было услышать их частое дыхание, частое, замедленное, медленное...

Монтаг сел.

Однако других движений за этим не последовало. Другие поступили так же. Солнце алым краешком робко дотрагивалось до черного горизонта. Воздух был прохладен и пахнул надвигающимся дождем.

Грейнджер бесшумно поднялся, ощупал свои руки и ноги, выругался себе под нос и дальше ругался безостановочно; с его лица капали слезы. Он зашаркал к реке, чтобы посмотреть, что творится выше по течению.

— Там все плоско, — сказал он долгое время спустя. — **ГОРОД ВЫГЛЯДИТ, КАК КУЧКА ПЕКАРСКОГО ПОРОШКА. ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ.** — И добавил, опять-таки долгое время спустя: — **Я ВСЕ ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ, СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ ЗНАЛО, ЧТО ГРЯДЕТ КОНЕЦ? ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ, ДЛЯ СКОЛЬКИХ ЛЮДЕЙ ЭТО БЫЛО ПОЛНЕЙШЕЙ НЕОЖИДАННОСТЬЮ?**

«А в другой половине мира, — думал Монтаг, — сколько еще умерло городов? А сколько у нас, в нашей стране? Сто? Тысяча?»

Кто-то чиркнул спичкой, коснулся ею клочка сухой бумаги, выуженного из кармана, сунул горящую бумагу под кучку травы и листьев, а спустя немного времени подбросил немного веточек, они были мокрые и начали потрескивать, но в конце концов занялись, и костер стал разрастаться в воздухе раннего утра, споря блеском с восходящим солнцем; тогда люди постепенно оторвались от созерцания верховий реки и неуклюже придвинулись к огню, им нечего было сказать, и когда они склонились над костром, солнце окрасило их шею.

Грейнджер развернул кусок тонкой клеенки, там было немного бекона.

— Перекусим немного. Потом развернемся и пойдем вдоль реки вверх. Люди там нуждаются в нас.

Кто-то достал маленькую сковородку, на нее бросили бекон, а потом сковородку помести-

ли над огнем. Спустя несколько секунд бекон начал трепыхаться и танцевать на сковороде, и шкворчание его наполнило утренний воздух ароматом. Мужчины молча наблюдали за этим ритуалом.

Грейнджер смотрел в огонь.

— Феникс.

— Что?

— Давным-давно, еще до Христа, жила-была на свете глупая чертова птица, которую звали феникс. Каждые несколько сотен лет она разводила большой погребальный костер и сжигала себя. Должно быть, она была первой двоюродной родственницей Человека. Но каждый раз, когда она сжигала себя, она выпрыгивала из пепла, таким образом рождаясь снова и снова. Похоже, мы делаем то же самое, тоже повторяем все снова и снова, но у нас есть при этом одна чертова особенность, которой у феникса не было никогда. **МЫ ЗНАЕМ, КАКУЮ ЧЕРТОВУ ГЛУПОСТЬ ТОЛЬКО ЧТО ОТМОЧИЛИ. МЫ ЗНАЕМ ВСЕ ЧЕРТОВЫ ГЛУПОСТИ, КОТОРЫЕ СОВЕРШИЛИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ, И ПОСКОЛЬКУ МЫ ПОНИМАЕМ ЭТО И НАШЕ ПОНИМАНИЕ ВСЕГДА С НАМИ В ТАКОЙ ФОРМЕ, ЧТО ЕГО МОЖНО УВИДЕТЬ, ТО КОГДА-НИБУДЬ МЫ ВСЕ-ТАКИ ПЕРЕСТАНЕМ СООРУЖАТЬ ЭТИ ЧЕРТОВЫ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОСТРЫ И ПРЫГАТЬ ПОСРЕДИ НИХ.** В каждом новом поколении мы находим хотя бы несколько человек, обладающих способностью помнить.

Он снял сковородку с огня и дал бекону остыть, а потом они медленно и задумчиво стали его есть.

— Ну что же, — сказал Грейнджер, — давайте двинемся вверх вдоль реки. И держите в голове одну простую мысль: сами по себе вы вовсе не важны. В вас нет ничего особенного. Когда-нибудь тот груз, который мы несем в себе, может помочь людям. Но даже тогда, много-много лет назад, когда книги были у нас под рукой, мы не использовали то, что извлекали из них. Мы только и делали, что оскверняли память мертвых. Только и делали, что плевали на могилы всех тех бедняг, которые умерли до нас. В ближайшую неделю, и в ближайший месяц, и в ближайший год мы будем встречать множество одиноких людей. И когда они спросят нас, чем мы занимаемся, вы можете ответить: «Мы вспоминаем». Это то самое, что в конечном счете поможет нам победить. И когда-нибудь мы вспомним так много, что построим самый большой проклятуший паровой экскаватор во всей истории и выроем самую большую могилу, какая когда-либо была, и сунем туда войну, и накроем могильной плитой. А теперь пошли, нам нужно прежде всего построить фабрику зеркал и весь следующий год производить только одни зеркала, чтобы можно было долго-долго смотреться в них.

Они закончили с едой и погасили костер. Новый день вокруг них разгорался все ярче, будто в розовой лампе кто-то все время выдвигал фитиль. Птицы, которые поначалу стремительно улетели, теперь вернулись и снова начали устраиваться в ветвях деревьев.

Монтаг пустился в путь и через секунду обнаружил, что остальные пристроились за ним, все двигались на север. Это удивило Монтага, и он посторонился, чтобы пропустить вперед Грейнджера, но тот лишь глянул на него и утвердительно кивнул. Монтаг зашагал дальше. Он смотрел на реку, и на небо, и на ржавую колею, которая вела назад, туда, где лежали фермы, где стояли амбары, полные сена, и куда этой ночью пришло множество людей, направлявшихся прочь от города. Когда-нибудь, через месяц или через шесть месяцев, но не позднее чем через год, он снова пройдет здесь, уже один, и будет идти и идти, пока не поравняется со всеми остальными людьми.

А сейчас им предстоял долгий утренний путь, до самого полудня, и если люди молчали, то это потому, что надо было обо всем подумать, и еще потому, что нужно было о многом вспомнить. Может быть, потом, поздним утром, когда солнце будет высоко и всех согреет, они начнут беседовать или просто говорить вслух вещи, которые всплывут в памяти, чтобы убедиться, что эти вещи все

еще там, чтобы абсолютно убедиться, что в их головах все содержится в целостности и сохранности. Монтаг ощущал, как в нем самом медленно ворочаются, медленно кипят слова. Что скажет он, когда придет его черед? Что он может предложить людям в такой день, как этот, чтобы хоть немного облегчить дорогу? «Всему свое время». Да. «Время разрушать, и время строить». Да. «Время молчать, и время говорить». Да, все это он скажет. А что еще? Что еще? Что-то такое, что-то такое...

«...И по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой: и листья дерева — для исцеления народов»¹.

Да, думал Монтаг, именно это я приберегу для полудня. Для полудня...

Когда мы доберемся до города.

---

¹ Отк. 22, 2.

Послесловие

Я не знал этого, но я в буквальном смысле писал десятицентовый роман. Весной 1950 года, чтобы написать и закончить первый вариант романа «Человек огня», который впоследствии стал «451° по Фаренгейту», мне пришлось заплатить девять долларов и восемьдесят пять центов, причем десятицентовиками.

Все предыдущие годы, с 1941-го и по ту пору, о которой идет речь, я печатал свои вещи большей частью в гаражах — либо в том, что у нас был в Венесе, штат Калифорния (мы жили там по бедности, а вовсе не потому, что селиться в этом городке тогда считалось модным), либо в гараже позади типового домика, в котором мы с моей женой Маргаритой поднимали нашу семью. Из гаража меня изгнали мои собственные, нежно любящие меня дети, которые то и дело прибегали

к заднему оконцу и пели там песни и стучали по стеклу. Папе приходилось выбирать между завершением рассказа и игрой с девочками. Конечно же, я выбирал игру, что ставило под угрозу семейные доходы. Необходимо было найти офис. Денег на это у нас не было.

В конце концов я нашел подходящее место — комнату машинисток в подвале библиотеки Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Там аккуратными рядами стояли штук двадцать, если не больше, пишущих машинок — старых «ремингтонов» или «ундервудов», прокат которых стоил десять центов за полчаса. Вы опускали свой десятицентовик, часы начинали бешено тикать, а вы начинали бешено печатать, чтобы закончить работу, прежде чем истекет полчаса. Таким образом, побудительных мотивов было два: мои дети побудили меня работать вне дома, а таймер, приделанный к пишущей машинке, побудил меня стать настоящим клавишным маньяком. Время и на самом деле было деньгами. Я закончил первый вариант романа примерно за девять дней. В нем было двадцать пять тысяч слов — половина объема романа в его окончательном виде.

В перерывах между опусканиями десятицентовиков, припадками безумия, когда машинку заклинивало (ведь при этом утекали драгоценные минуты!), и заправкой и выдергиванием бумажных листов я шатался по верхнему этажу. Там я,

погибая от любви, бродил по коридорам, гулял вдоль стеллажей — касался пальцами книг, вытаскивал тот или иной томик, переворачивал страницы, всовывал томик на место; я буквально тонул во всем этом добре, которое и составляет сущность любой библиотеки. Какое роскошное место — вы не согласны? — для написания романа о том, как в Будущем станут жечь книги!

Но довольно о прошлых временах. Что можно сказать о «451° по Фаренгейту» в наши дни? Изменилось ли мое отношение к чему-то из того, что сообщал мне роман, когда я был гораздо более молодым автором? Если только под изменением, которое вы имеете в виду, понимать то, что моя любовь к библиотекам расширилась и углубилась, то ответом на вопрос будет «да» — и пусть это словечко рикошетом отлетает от книжных стеллажей и смахивает тальк со щек библиотекарей. С того момента, как я написал эту книгу, я соткал больше рассказов, романов, эссе и стихотворений о писателях, чем любой другой из известных мне авторов за всю историю литературы. Я написал стихи о Мелвилле, о Мелвилле и Эмили Дикинсон, об Эмили Дикинсон и Чарлзе Диккенсе, о Готорне, По, Эдгаре Райсе Берроузе, а попутно я сравнивал Жюль Верна и его Безумного Капитана с Мелвиллом и его столь же одержимым моряком. Я царапал стихи о библиотекарях, с моими любимыми авторами я пересекал в ноч-

ных поездах бескрайние просторы континента, ночами напролет я бормотал и пил, пил и болтал с ними. В одном из стихотворений я предостерег Мелвилла, чтобы он держался подальше от суши (она никогда не была его стихией!); я превратил Бернарда Шоу в робота, чтобы его удобнее было протащить «зайцем» в ракету, а потом разбудил этого робота во время долгого перелета к созвездию Центавра и слушал, как с его языка срываются «Предисловия» и попадают в мое восхищенное ухо. Я написал рассказ о Машине Времени, в котором я с жужжанием переносусь в прошлое, чтобы посидеть у смертного одра Уайльда, Мелвилла и По, рассказать им о своей любви к ним и в последние часы жизни согреть их холодеющие кости... Но хватит об этом. Как вы можете видеть, когда дело касается книг, писателей и тех гигантских элеваторов, в которых хранятся зерна их разума, я становлюсь обезумевшим сумасшедшим.

Недавно, воспользовавшись «Студио Театр Плейхаус» в Лос-Анджелесе, я вызвал из мира теней всех моих героев «451° по Фаренгейту». «Что нового? — спросил я Монтага, Клариссу, Фабера, Битти. — Что нового со времени нашей последней встречи в 1953 году?»

Я спросил. Они ответили.

Они написали новые сцены, приоткрыв странные уголки их душ и грез, которые до сих пор

никто не обнаруживал. В итоге получилась двух-актная пьеса, постановка которой дала хорошие результаты и собрала в основном прекрасные рецензии.

Битти дальше всех вышел на сцену, отвечая на мой вопрос: «Как все это началось? Почему вы приняли решение стать Начальником Пожарных, сжигателем книг?» Ответ Битти, удививший меня самого, прозвучал в сцене, когда он пригласил главного героя Гая Монтага к себе домой. Войдя в квартиру, Монтэг был поражен, обнаружив там тысячи и тысячи книг, выстроившихся по стенам потайной библиотеки Начальника Пожарных! Монтэг поворачивается и кричит своему шефу:

«Но вы же Главный Сжигальщик! Вы не должны держать книги у себя дома!»

На что Главный Сжигальщик с легкой сухой усмешкой отвечает: **«ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ ВЛАДЕТЬ КНИГАМИ, МОНТАГ, А В ТОМ, ЧТОБЫ ИХ ЧИТАТЬ! ДА, ВСЕ ПРАВИЛЬНО. Я ВЛАДЕЛЕЦ ЭТИХ КНИГ, НО Я НЕ ЧИТАЮ ИХ!»**

Монтэг в ужасе ожидает дальнейших объяснений Битти.

«Разве ты не видишь прелести ситуации, Монтэг? Я никогда не читал их. Ни одной книги, ни единой главы, ни единой страницы, ни единого абзаца. Ну не ирония ли, а? Иметь тысячи книг и не распахнуть ни одной, повернуться к ним спиной и сказать: «Нет». Все равно что иметь полный

дом красивых женщин и, улыбаясь, не... даже не коснуться какой-либо из них... Итак, ты видишь, что я вовсе не преступник. Если когда-нибудь ты застанешь меня за чтением книги, тогда да, тогда можешь на меня донести! Но это место так же чисто, как молочно-белая спальня двенадцатилетней девственницы в летнюю ночь. Эти книги умирают на моих полках. Почему? Потому что я так решил. Я не даю им средств к существованию, не вселяю надежд — ни жестом, ни взглядом, ни словом. Они не более чем пыль».

«Не понимаю, как вы можете не...» — протестует Монтаг.

«...поддаваться искушению? — восклицает Начальник Пожарных. — О, это уже было, только давным-давно. Яблоко съедено, его больше нет. Змей вернулся на свое дерево, сад зарос сорняками и поражен ржавчиной».

«А ведь когда-то... — Монтаг колеблется, но все-таки продолжает: — Когда-то вы, должно быть, очень любили книги».

«Тушэ! — отвечает Начальник Пожарных. — Удар ниже пояса. В челюсть. Пробито сердце. Кишки наружу. О, посмотри же на меня, Монтаг. Да, перед тобой человек, который любил книги, нет, мальчишка, который впадал из-за них в иступление, терял рассудок, лазил по книжным полкам, как обезумевший шимпанзе. Я ел их как салат, книги были моими сэндвичами на за-

втрак, они были моим вторым завтраком, обедом и полуночной жвачкой. Я вырывал страницы и ел их с солью, обмакивал в соус, грыз переплеты, языком перелистывал главы! Книги — десятками, сотнями, миллиард книг... Я столько перетаскал их домой, что остался горбатым на долгие годы. Философия, история искусств, политика, общественные науки, стихи, очерки, величайшие пьесы — назови что угодно, я все это ел. А затем... а затем...» — Голос Пожарного Начальника стихает.

Монтаг подсказывает:

«А затем?»

«Как тебе сказать, затем случилась жизнь. — Начальник Пожарных закрывает глаза, вспоминая. — Жизнь. Обычная жизнь. Та самая. Любовь, которая была не очень-то и любовью, мечта, которая прокисла и свернулась, секс, который развалился на части, смерти, которые так быстро и так незаслуженно пришли к моим друзьям, убийство того, убийство другого, безумие близкого человека, медленная смерть матери, внезапное самоубийство отца... — бег стада слонов, мощная атака болезней. И ни разу, ни разу не подвернулась в нужное время нужная книга, чтобы заткнуть отверстие в крошащейся стене разваливающейся плотины и тем самым сдержать потоп. Метафорой больше, сравнением меньше, дело не в этом. И вот, когда мой тридцатый год был на

исходе и тридцать первый уже высунул краешек, я решил, что надо оправляться от болезни, — а ведь все кости до единой переломаны, каждый сантиметр кожи ободран, изранен или обожжен. Я взглянул на себя в зеркало и за испуганным лицом молодого еще человека увидел затаившегося там старика, увидел ненависть ко всем и ко всему на свете. Что ни назови — все проклял бы! И я открыл страницы прекрасных книг своей библиотеки и обнаружил... что, что, что же я там обнаружил?!»

Монтаг высказывает догадку:

«Страницы оказались пустыми?»

«В самое яблочко! Точно в цель! О, конечно, слова там были, но они обтекали мои глаза, как горячее масло, не попадая внутрь, и не означали ничего. Они не могли предложить ни помощи, ни утешения, ни покоя, ни тихой гавани, ни настоящей любви, ни кровати, ни света».

Монтаг возвращается в мыслях в прошлое.

«Тридцать лет назад... сожжение последних библиотек...»

Битти утвердительно кивает:

«Мишень поражена! И вот, не имея работы, я, неудавшийся романтик, да как меня ни назови, черт возьми, подаю документы на Пожарного Первого Класса! Первого! Я первый, кто взбегаёт по лестнице, первый, кто вламывается в библиотеку, первый, кто вторгается в пылающие топки

сердец наших вечно пламенеющих сограждан, облейте меня керосином, дайте мне факел! Лекция окончена. Отправляйся восвояси, Монтаг. Дверь вон там!»

И Монтаг уходит, и интереса к книгам в нем еще больше, чем раньше, он уходит, и это начало того пути, который приведет его в изгой, и уже скоро за ним погонится и едва не уничтожит Механическая Гончая, мой робот, мой клон великого баскервильского зверя, созданного Артуром Конан Дойлом.

В моей пьесе старик Фабер — учитель, живущий не совсем чтобы по месту учительствования, — всю долгую ночь разговаривает с Монтагом (через «ракушечное» радио, воткнутое в ухо), а потом гибнет от руки Пожарного Начальника. Каким образом? Битти подозревает, что кто-то инструктирует Монтага через потайное устройство, он выбивает «ракушку» из уха Монтага и кричит далекому учителю:

«Мы уже едем, чтобы схватить тебя! Мы уже у двери! Уже поднимаемся по лестнице! Взять его!»

И это так пугает Фабера, что его сердце разрывается...

Все это хорошие сцены. И соблазн был велик, время-то идет. Мне пришлось драться с самим собой, чтобы не всунуть их в новое издание романа.

Наконец, многие читатели прислали мне письма, в которых протестовали против исчезновения Клариссы и интересовались, что с ней стало. Франсуа Трюффо был полон того же любопытства, и в своей киноверсии моего романа¹ он извлек Клариссу из забвения и поместил ее среди Книжных Людей — они вместе бродили по лесам и, как молитвы, читали друг другу книги, хранившиеся у них в головах. Мне тоже хотелось спасти Клариссу: ведь в конце концов именно на ней, полубезумной, болтавшей всякие глупости о звездах, лежала большая часть ответственности за то, что Монтаг начал задумываться о книгах и о том, что в них содержится. Поэтому в финале моей пьесы Кларисса все-таки появляется, она приветствует Монтага, и таким образом у моей вещи, произведения весьма мрачного, образуется нечто вроде «хэппизнда».

Однако роман, в отличие от пьесы, остался верен себе, прежнему. Я не верю, что произведения каких бы то ни было молодых авторов следует подчищать, особенно если учесть, что когда-то таким молодым автором был я сам. Монтаг, Битти, Милдред, Фабер, Кларисса — все они стоят, дви-

---

¹ Французский режиссер Франсуа Трюффо (1932—1984) снял фильм по роману Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» в 1967 г. Это единственный фильм Трюффо на английском языке.

гаются, входят и выходят точно так же, как делали это тридцать два года назад, когда я впервые описал их — десять центов за полчаса работы на машинке — в подвальном этаже библиотеки Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. С тех пор я не изменил ни одной мысли, ни одного слова.

И последнее открытие. Как вы видели, все свои романы и рассказы я пишу, задыхаясь от наплыва восхитительных чувств. Только совсем недавно, глядя на этот роман, я осознал, что Монтаг получил свою фамилию от названия одной бумагоделательной компании. А Фабер, конечно же, это карандашный фабрикант! Ну и хитрая же бесстыгия мое подсознание — так назвать моих героев!

И ничего не сказать *мне самому!*

Кода

Около двух лет тому назад я получил письмо от одной важной молодой леди из колледжа Вассара¹, в котором она сообщала, что ей очень понравился мой эксперимент в области космической мифологии — «Марсианские хроники».

Но, добавила она, разве не будет лучше, если сейчас, по прошествии времени, переписать эту книгу, вставив в нее побольше женских персонажей и ролей?

За несколько лет до этого я получил немало писем по поводу все тех же «Марсианских хроник»; авторы многих посланий сетовали, что черные в книге — сплошные «дяди Тома», и интересовались, почему бы мне не «переписать их заново»?

---

¹ Престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси (штат Нью-Йорк).

Примерно в то же самое время пришло письмо от одного белого южанина, который рассудил, что я слишком расположен к черным, и предложил вообще выкинуть из цикла один из рассказов.

Две недели назад гора моей почты родила почти не различимую взглядом мышь в виде письма от одного известного издательства, которое вознамерилось включить мой рассказ «Ревун» в антологию для средней школы.

В этом рассказе я описал маяк: по ночам идущий от него свет воспринимался как «Свет Бога». Если встать на позицию любого морского существа, то можно вообразить, что этот свет был не чем иным, как воплощением «Его Присутствия».

Редакторы убрали из текста «Свет Бога» и «Его Присутствие»¹.

Лет пять назад редакторы другой антологии, предназначенной для школьников, объединили в одном томике около 400 (можете пересчитать!) рассказов. Как можно втиснуть в одну книгу 400 рассказов таких авторов, как Твен, Ирвинг, По, Мопассан и Бирс?

---

¹ В русском переводе этого рассказа, сделанном в советские времена, «Свет Бога» стал «божественным огнем», а вместо «в Его Присутствии» появилось «предстали перед каким-нибудь рыбьим божеством».

Святая простота! Сдери кожу, выломай кости, вытряхни костный мозг, иссеки мясо, развари, перетопи сало и уничтожь. Каждое прилагательное, имеющее хоть какое-нибудь значение, каждый глагол, который не стоит на месте, каждая метафора весом больше комара — вон! Каждое сравнение, способное заставить полукретина скривить губы в улыбке, — ату его! Каждое отступление, объясняющее грошовую философию первоклассного писателя, — долой!

И вот уже любой рассказ, исхудавший, изглодавшийся, исчерканный, облепленный пиявками и обескровленный до белизны, неотличим от любого другого рассказа. Твен читается, как По, читается, как Шекспир, читается, как Достоевский, читается, как — в финале — Эдгар Гест¹. Каждое слово, в котором более трех слогов, — вырезается бритвой. Каждый образ, требующий хотя бы секундного внимания, — убит наповал.

Ну что, начинаете схватывать эту проклятую, эту невероятную картину?

Вы спросите, как я на все это среагировал?

А я всех «уволил».

---

¹ Гест Эдгар Альберт (1881—1959), американский журналист, родился в Англии; писал стихами. Для творчества Геста характерно разнообразие литературных форм и методов стихосложения.

Всем и каждому послал уведомления об отказе.

Обеспечил эту ассамблею идиотов билетами до самых дальних пределов ада.

Смысл сказанного очевиден. Сжечь книгу можно разными способами. В мире полно людей, бегающих с зажженными спичками. Каждое меньшинство, будь то баптисты / унитарии / ирландцы / итальянцы / движение за права восьмидесятилетних / дзен-буддисты / сионисты / адвентисты седьмого дня / движение в защиту прав женщин / республиканцы / Международная церковь истинного евангелия, — все они полагают, будто обладают волей, правом и обязанностью обливать книги керосином и поджигать запал. Каждый полудурок-редактор, считающий, что стоит у истоков всего этого скучнейшего литературного бланманже, всей этой незаправленной литературной каши, всего этого пресного литературного теста, постоянно вылизывает свою гильотину, приглядываясь к шеям авторов, которые осмеливаются говорить не шепотом или писать что-нибудь посложнее прибауток.

Капитан-Пожарный Битти в моем романе «451° по Фаренгейту» описал, как поначалу книги сжигались именно меньшинствами, каждое из них выдирало страницу или абзац сначала из этой книги, потом из той, пока не наступил день, когда в книгах осталась одна пустота, моз-

ги захлопнулись, а библиотеки закрылись навсегда.

«Закроешь дверь — они идут в окно, окно закроешь — валят через дверь». Это слова одной старой песни. Они как нельзя более подходят к стилю моей жизни, потому что новые мясники-цензоры появляются каждый месяц. Всего шесть недель назад я обнаружил, что редакторы, уютно устроившиеся в издательстве «Баллантайн Букс», уже много лет кромсают мой роман, опасаясь, что он «заразен» для молодых читателей: кусочек за кусочком они вымарали в общей сложности 75 фрагментов. Об этой изощренной иронии судьбы — ведь мой роман как раз и посвящен цензуре и сжиганию книг в будущем — мне сообщили не кто иные, как школьники, прочитавшие роман. Новая редакторша «Баллантайн Букс» Джуди-Линн Дел Рей недавно распорядилась, чтобы весь текст книги был набран заново, сейчас издание готовится к печати и выйдет в свет нынешним летом — со всеми чертыханиями и проклятиями на прежних местах.

И, наконец, последнее испытание для старого Иова Второго: месяц назад я послал свою пьесу «Левиафан-99» в один университетский театр. Пьеса эта основывается на мифологии «Моби Дика» и посвящена Мелвиллу, там фигурируют экипаж ракеты и их слепой капитан, которые отправились в рискованное космическое путешествие,

чтобы встретиться с Большой Белой Кометой и заблаговременно уничтожить эту истребительницу человечества. Нынешней осенью в Париже состоится премьера моей пьесы — уже в виде оперы. Пока суд да дело, университетский театр отвечает мне, что вряд ли рискнет поставить мою пьесу — ведь в ней совсем нет женщин! И если даже факультет драматургии все-таки осмелится на постановку, то в университетском городке найдется немало дам, ратующих за поправку о равных правах женщин, которые ринутся на сцену с бейсбольными битами!

Истирая в крошку коренные зубы, я написал письмо, в котором предположил, что отныне, очевидно, мы больше не увидим на сцене ни «Ребят из оркестра»¹ (нет женских ролей), ни «Женщин»² (нет мужских). А если посчитать по головам, мужским и женским, то мы не увидим и большую часть шекспировских пьес; особенно полезно считать строчки — сразу убеждаешь-

---

¹ Популярная пьеса американского драматурга Марта Краули о мужском джазовом ансамбле, по которой режиссер Уильям Фридкин снял фильм с тем же названием (1970).

² Популярная пьеса американской политической деятельницы и драматурга Клэр Бут Люс (1903—1987), которая в свое время долго шла на Бродвее. В 1939 г. режиссер Джордж Кьюкор (1899—1983) снял по ней одноименный комедийный фильм.

ся, что все хорошее у Шекспира говорят мужчины!

И еще я написал в том письме, что они могут играть пьесы по очереди: одну неделю идет моя вещь, а следующую неделю — «Женщины». Они, наверное, решили, что я пошутил; впрочем, я сам до конца не понял, шутил я или нет.

ПОТОМУ ЧТО МЫ ЖИВЕМ В БЕЗУМНОМ МИРЕ, И ОН СТАНЕТ ЕЩЕ БЕЗУМНЕЕ, ЕСЛИ МЫ ПОЗВОЛИМ МЕНЬШИНСТВАМ – БУДЬ ТО КАРЛИКИ, ИЛИ ГИГАНТЫ, ОРАНГУТАНЫ ИЛИ ДЕЛЬФИНЫ, ЯДЕРНЫЕ ПСИХИ ИЛИ ПЕВЦЫ ЧИСТОЙ ВОДЫ, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ФАНАТИКИ ИЛИ НЕОЛУДДИТЫ, ПРОСТАКИ ИЛИ МУДРЕЦЫ – ВМЕШИВАТЬСЯ В ЭСТЕТИКУ. Да, реальный мир — это игровая площадка, где могут собираться какие угодно группы, и им вольно сочинять свои законы или отказываться от них. Но кончик носа любой моей книги, любого рассказа, любого стихотворения — это то место, где их права заканчиваются и начинаются мои территориальные императивы: управляй и властвуй¹. Если мормонам не нравятся мои пьесы, пусть пишут свои собственные. Если ирландцам ненавистны мои дублинские рассказы, пусть берут напрокат пишущие машинки. Если учителя

---

¹ Р. Брэдли имеет в виду известное высказывание, авторство которого уже трудно установить: «Ваша свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается мой нос».

и составители школьных учебников по грамматике полагают, что от моих зубодробительных фраз у них расшатываются молочные зубы, с которыми только кашку впору кушать, пусть едят черствые кексы, вымоченные в бездарном слабеньком чайке их собственного производства. А если интеллектуалы-«чиканос» хотят перекроить мой рассказ «Чудесный костюм цвета сливочного мороженого», чтобы он превратился в «зут»¹, то пусть у них расстегнется пояс и свалятся штаны.

Давайте посмотрим правде в глаза: авторские отступления — это душа ума. Лишите философских отступлений Данте, Мильтона или тень отца Гамлета, и от них останутся только иссохшие кости. Лоренс Стерн когда-то сказал: «Отступления, бесспорно, подобны солнечному свету; они составляют жизнь и душу чтения. Изымите их, например, из этой книги, — она потеряет всякую цену: холодная, беспросветная зима воцарится на каждой ее странице; отдайте их автору, и он

---

¹ Чиканос — американцы мексиканского происхождения. «Чудесный костюм цвета сливочного мороженого» относится к числу т. наз. «мексиканских» рассказов Р. Бредбери. «Зут» — костюм, состоящий из длинного широкоплечего пиджака, мешковатых, зауженных внизу брюк на подтяжках и широкополой шляпы; ко всему этому еще полагались карманные часы на длинной цепочке. Был популярен в 1940-е годы, особенно среди латиноамериканской и негритянской молодежи больших городов.

выступает, как жених, — всем приветливо улыбается, хлопчет о разнообразии яств и не дает уменьшиться аппетиту»¹.

Короче говоря, не оскорбляйте меня усековением головы, обрубанием пальцев или выкачиванием воздуха из легких, как вы запланировали поступить с моими сочинениями. Голова мне нужна, чтобы отрицательно качать ею или утвердительно кивать, руки — чтобы размахивать или сжимать в кулаки, а легкие — чтобы кричать или шептать. Я не отправлюсь, выпотрошенный, с покорностью на полку, чтобы стать не-книгой.

Эй, боковые судьи, возвращайтесь на трибуны! Рефери, бегом в душевую! Это моя игра, я подаю, я бью битой, я ловлю мяч. Я сам бегу по полю. К заходу солнца я либо выиграю, либо проиграю. А на восходе выйду опять и снова попробую показать, на что я способен.

И никто меня не удержит. Даже вы.

1979

---

¹ Слова из романа английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760—1767). Перевод А. А. Франковского.

Содержание

Часть первая.	
ДОМАШНИЙ ОЧАГ И САЛАМАНДРА	7
Часть вторая.	
СИТО И ПЕСОК	111
Часть третья.	
СВЕТЛО ГОРЯЩИЙ	180
Послесловие	266
Кода	277

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ПОДАРОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Рэй Брэдбери

451° ПО ФАРЕНГЕЙТУ

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Дурасов*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *Т. Павлова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.08.2019. Формат 75x100^{1/32}.

Гарнитура «FranklinGothic». Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5.

Тираж

экз. Заказ

16+

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»
Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменная ш., д. 1, а/я 5. Тел./Факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге
Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 28
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7 (863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске
Адрес: 630016, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермькова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»
Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»
Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербова, 17а
Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forsukraine.com

**Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-9-444. Звонок по России бесплатный.**

Интернет-магазин: ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-102293-8

9 785041 022938 >

